

Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2018

№ 16

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «Текст. Книга. Книгоиздание»

Айзикова Ирина Александровна – главный редактор
д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета
E-mail: wand2004@mail.ru

Воробьева Татьяна Леонидовна – зам. главного редактора
канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Баль Вера Юрьевна – ответственный секретарь
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Гридина Татьяна Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета

Ершов Юрий Михайлович – д-р филол. наук, зав. кафедрой телерадиожурналистики Томского государственного университета

Есипова Валерия Анатольевна – д-р ист. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Жиликова Наталия Вениаминовна – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории и практики журналистики Томского государственного университета

Калиткина Галина Васильевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, Томского государственного университета

Мароши Валерий Владимирович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета

Пугачев Валерий Вениаминович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета

Старикова Галина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета

Шарафадина Клара Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Шитова Ольга Григорьевна – д-р филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/book/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ПРИКЛАДНЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

<i>Горбовская С.Г.</i> Своеобразие растительных образов в дидактической поэзии Жака Делиля	5
<i>Нисова М.В., Жиликова Н.В.</i> Документальная основа газетных авантюрных романов Не-Крестовского	19
<i>Волошина С.В.</i> Автобиографические практики в контексте словесной культуры Сибири	35

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Карташова Т.П.</i> Отражение словесной культуры Сибири в региональной издательской продукции рубежа XIX–XX вв.	52
<i>Отургашева Н.В.</i> Книга как пространство образов и смыслов: круг чтения современной студенческой молодежи	72
<i>Динер Е.В.</i> Принцип эргономичности как фактор сохранения книжной культуры в электронной среде	86

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Мосунова Л.А.</i> Актуальные вопросы переиздания зарубежной классики (на примере О. Уайльда)	103
<i>Перевалова Е.В.</i> «Это был гуманный и заботливый хозяин типографии...»: М.Н. Катков как издатель	119
<i>Куликов И.А.</i> Обоснование применения аппарата нечёткой логики в исследовании системы электронной книги	148
Сведения об авторах	161
Правила оформления статей	163

CONTENS

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Gorbovskaya S.G.</i> Features of plant images in the didactic poetry of Jacques Delille	5
<i>Nisova M.V., Zhilyakova N.V.</i> The documentary basis of Ne-Krestovsky's newspaper adventure novels	19
<i>Voloshina S.V.</i> Autobiographical practices in the context of Siberian verbal culture	35

BOOK IN CULTURE

<i>Kartashova T.P.</i> Reflection of the verbal culture of Siberia in the regional publishing products of the turn of the 20th century	52
<i>Oturgasheva N.V.</i> The book as a space of images and meanings: range of young students' reading preferences	72
<i>Diner E.V.</i> The principle of ergonomics as a factor of book culture conservation in the electronic environment	86

BOOK PUBLISHING

<i>Mosunova L.A.</i> Topical issues of foreign classics reprints (by example of Oscar Wilde)	103
<i>Perevalova E.V.</i> "It was a humane and caring owner of a printing house . . .": Mikhail Katkov as a publisher	119
<i>Kulikov I.A.</i> Substantiation of the possibility of using the fuzzy logic apparatus in the research of the electronic book system	148
Information about the authors	161
Rules for article submission	163

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 821.133.1.05

DOI: 10.17223/23062061/16/1

С.Г. Горбовская

СВОЕОБРАЗИЕ РАСТИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В ДИДАКТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ЖАКА ДЕЛИЛЬЯ

Аннотация. В статье поднимается вопрос о своеобразии растительных образов в поэзии позднего классицизма, а именно в дидактической поэме аббата Жака Делилья «Сады» (1782). Делается вывод о том, что на фоне развивающегося живописного стиля в литературе сентиментализма Делиль остается в рамках принятых в классицизме норм и канонов. В описании садов и парков Европы он придерживается «объективной» позиции и не переходит на уровень нового эмоционального (субъективного) видения явлений природы, свойственного таким его современникам, как Ж.-Ж. Руссо и Б. де Сен-Пьер.

Ключевые слова: Жак Делиль, «Сады», растительный образ, дидактическая поэма, классицизм, сентиментализм.

На фоне того, как всесторонне менялся подход к описанию природы и ее феноменов во французском сентиментализме (Ж.-Ж. Руссо, Б. де Сен-Пьер, Жанлис), классицисты конца XVIII в. (Делиль, Парни [1], Шенье [2], Дора [3], Балар [4]) используют метафоры-клише, скупое, немногословно обозначают наличие дерева или кустарника в ландшафте, метафоры-заготовки, словно средневековые рисунки-образцы, приводят к тому, что оценка индивидуальной фантазии автора становится затруднительной. В конце XVIII в. в русле позднего классицизма возникли жанры дидактической поэзии, в которых точное, но скупое и типизированное перечисление деталей природы и ландшафта спорит с зарождающимися основами живописного стиля и субъективным авторским восприятием явлений природы в сентиментализме и предромантизме.

Ярким примером описания садов, ландшафтов, растений и декораций парков с использованием растительных тропов-клише яв-

ляется поэма современника и почитателя Руссо позднего классициста, аббата и литератора Жака Делиля (Jacques Delille, 1738–1813) «Сады, или Искусство украшать пейзаж» («Les jardins ou l'art d'embellir les paysages», 1782) [5]. Поэма подвергалась в XIX в. разносторонней критике романтиков, так как произведение, заказанное Делилю в целях рекламы – в основном английских парков, – во многом носило характер пособия по обучению ландшафтному и садоводческому делу, популяризации темы парков, чем поэмы. Призывая садовода быть художником, поэт оставался, скорее, ремесленником, не позволял воображению взять верх над академическими ограничениями:

Ce noble emploi demande un artiste qui pense,
Prodigue de génie et non pas de dépense.
Moins pompeux qu'élégant, moins décoré que beau,
Un jardin, a mes yeux, est un vaste tableau.
Soyez peintre [Ibid. P. 75].

«Ведь каждый сад – пейзаж, и он неповторим, / Он скромн или богат – равно любуюсь им. / Художниками быть пристало садоводам!» [6. С. 18] (Пер. И.Я. Шафаренко)

Можно подумать, что «Ботанические письма» Руссо, «Этюды о природе» Б. де Сен-Пьера имеют ту же дидактическую или просветительскую цель, но это не совсем так. Руссо и его последователь выбрали такую художественную форму для своих описаний природы, которая напоминала живое общение – письма, заметки, наблюдения, сделанные по горячим следам, благодаря собственному опыту, а в «дидактической поэме» наблюдения облечены в высокопарную форму стиха, перегружены наставлениями по цветоводству и уточняющими деталями устройства садов и парков. Если главной задачей Руссо являлось живописное изображение природы, неповторимые авторские, индивидуальные сравнения, то сады в поэме Делиля описываются строго и лаконично, а главное – в русле выработанных в классицизме поэтических клише, кроме того, речь шла об описании феноменов объективной реальности: конкретных деталей всем известных парков и садов. Данному жанру было присвоено наименование описательной поэмы, а также

«научной» поэмы, которая создавалась по примеру античных поэм, посвященных физике, астрономии, ботанике, географии (Лукреций «О природе вещей», Вергилий «Георгики» и т.д.). В поэму Делиля активно вторгались темы из области естественных и прикладных наук. Нужно отметить, что Д.С. Лихачев, создавая свой знаменитый труд «Поэзия садов» (1982) [7], «ариадниной нитью» путешествия по паркам и садам Европы – от Средневековья до середины XIX в. – делает именно «Сады» Делиля, которые упоминаются и цитируются на протяжении всего повествования, возможно, именно благодаря его дидактическому, путеводительному замыслу.

Делиль обращался в своем творчестве к описанию искусственного ландшафта, он изображал регулярные и пейзажные парки, в то время как сентименталистов и, позднее, романтиков привлекали, в первую очередь, пейзажная, прогулочная часть английского пейзажного парка и живая природа лесов, гор, долин. Ближе всего по духу описательная поэма была к ботаническим эссе середины и конца XVIII в., английским описательным поэмам, а также к античным греко-римским научным поэтическим произведениям. Главная ценность поэмы Делиля – описание реально существовавших садов XVIII в., ее поэтическая документальность. Явление это было интернациональным, к примеру, у англичан в данном жанре творили Т. Хилл (Thomas Hill) «Садовый лабиринт» («The Gardener's Labyrinth», 1577), У. Темпл (William Temple) «О садах Эпикура» («The gardens of Epicurus», 1660), в Швейцарии – А. Галлер (Albrecht von Haller) «Альпы» («Die Alpen», 1722), у немцев – Э. Клейст (Ewald Christian von Kleist) «Весна» («Der Frühling», 1749), И.-В. Гёте «Метаморфоза растений» («Metamorphose der Pflanzen», 1790), у французов – кардинал Берни (François-Joachim de Pierre, cardinal de Bernis) «Времена года, или Французские Георгики» («Les Quatre saisons, ou les Géorgiques françoises, poëme», 1763), Ж.-К. Пейро (Jean-Claude Peyrot) «Четыре времени года, или Лангедокские Георгики» («Les quatre saisons, ou Les géorgiques patoises», 1781), Ж.-А. Руше (Jean-Antoine Roucher) «Месяцы» («Les mois, poëme en douze chants», 1779) и др. Основные работы, на которые ориентировались европейские авторы, были созданы в

Англии, где, собственно, изначально возникла культура пейзажных парков, оказавшая влияние на пейзажную эстетику в литературе, живописи и музыке XVIII–XIX вв. Затем появлялись работы в Швейцарии, Германии, позднее во Франции (французский дидактический жанр развивается со второй половины XVIII в., в русле сентиментализма) [8. С. 181]. На развитие живописной ветви пейзажного стиля в Англии изначально оказывают влияние художники Сальватор Роза, Никола Пуссен, Клод Лоррен, Томас Гейнсборо.

Главной опорой эстетики Делиля были трое англичан – философ и писатель Ф. Бэкон (Francis Bacon, 1561–1626), опубликовавший в 1625 г. эссе «О садах» («Of Gardens») [9], сыгравшее важную роль в развитии садово-паркового искусства; Дж. Мильтон (John Milton, 1608–1674), его описание райского сада в поэме «Потерянный рай» («Paradise Lost», 1667) [10] (переведенной на французский Делилем) можно считать первым импульсом разработки этой темы в поэзии и эстетике; описательная поэма А. Поупа (Alexander Pope, 1688–1744) «Винздорский лес» («Windsor Forest», 1713) [11] (также переведенная Делилем) оказала влияние на развитие этого жанра во Франции, а в стихотворном «Послании к герцогу Берлингтону» («An Epistle to the Right Honourable Richard Earl of Burlington», 1731) [12] Поуп подробно излагал свои мысли о разбивке сада, которые стали основополагающими для художников-садоводов XVIII в. Также оказали влияние на Делиля и на развитие этого жанра в Европе шотландец Дж. Томпсон (James Thomson, 1700–1748) и его описательная поэма «Времена года» («The Seasons», 1730) [13]. Философско-гносеологической основой описательной поэзии изначально явился сенсуализм Дж. Локка (John Locke, 1632–1704) – желание передать словами красоту окружающего мира, совместить чувственное восприятие с абстрактно-логическим – все это было характерно для художественных исканий эпохи Просвещения. Важной вехой в развитии интереса к поэтике садов и садоводства стала работа В. Шамберса (William Chambers) «Диссертация о Садах Востока» («Dissertation on Oriental Gardening», 1772) [14], повлиявшая позднее на творчество Ж. Санд и Э.А. По [15]. Кроме английских работ, на творче-

ство Делиля могли оказать влияние сочинения Р.-Л. Жерардена (R.-L. Gérardin) «О композиции пейзажей или средствах украшать природу вокруг жилища, соединяя полезное с приятным» («De la composition des paysages, ou Des moyens d'embellir la nature autour des habitations», 1777) [16], Ш. Жозефа де Линя (Charles-Joseph de Ligne) «Взгляд на парк Beloeil и на большую часть садов Европы» («Coup d'œil sur Belœil», 1781) [17], Ж.-М. Мореля (Jean-Marie Morel), «Теория садов, или Искусство естественных садов» («Théorie des jardins, ou, L'art des jardins de la nature», 1776) [18] и некоторые другие работы.

* * *

В связи с главным предметом данной статьи (флорообразом) самыми показательными в поэме Делиля являются «Вторая Песнь» и «Третья Песнь», посвященные главным элементам парков и садов – описанию деревьев, кустарников и цветов. Если о другом произведении аббата, «Французские Георгики» («L'Homme des champs ou les Géorgiques françaises», 1800) [19], а также о его знаменитом переводе на французский язык «Георгик» Вергилия (1769), благодаря которому Делиль стал членом Французской академии, Э. Бара написал, что Делиль «въехал» в лоно литературы на повозке, груженной сельскими овощами – капустой, свеклой, тыквой, и наполнил это лоно запахом сельской грядки [20. Р. 6], то в концепции «Садов» цветы и деревья занимают место декора дворцового или приусадебного парка. Они, как драгоценные камни, украшают полотно пейзажа, но из самого описания этого не видно, слишком скупы сравнения и эпитеты: «Благодаря своим фруктам и красивому одеянию, / Дерево – самое прекрасное украшение наших садов» («Par ses fruits, par ses fleurs, par son beau vêtement, / L'arbre est de nos jardins le plus bel ornement...») [5. Р. 255]. Поэт перечисляет виды деревьев: «За буком – ива, кедр – за елью молодой», дает рекомендации о посадках: «Различны форма, цвет и рост, и густота. – / Сумейте отобрать вам нужные сорта», «Сажайте рощами, причем таким манером, / чтоб выросла стена из зарослей

густых» [6. С. 36–37]. Говоря о цветах, Делиль сразу предупреждает читателя, что описывать их красоту не будет, как это делают «страстные любители», видимо, намекая на сентименталистов: «Я сам люблю цветы, но здесь не собираюсь / Перечислять их все в отдельности, стараясь, / Как страстный иногда любитель норovit, их форму описать, и цвет, и общий вид...» [6. С. 58]. Его описание сводится либо к советам о посадках: «Становится порой и грустно, и досадно, что мы не в Англии: как нежен воздух там, / И как легко расти и травам, и цветам, / Питательных веществ в земле на все хватает», либо к банальным клише: «Я ж розу опишу. Ты, роза, бесподобна! В садах Венеры ты царила и цвела. Гирлянды и венки Весна из роз плела. Была воспета ты самим Анакреонтом, Гораций пировал в венце из роз сплетенном...» [Т. С. 59]. Таким образом, для Делиля фитоним – это результат описания объектов реальности. Розы, бук, ива, кедр, ель – не субъективные флорообразы, а объективные феномены цветоводства, которые составляют мир сада и его красоту.

Также Делиль сравнивает цветы с людьми, пришедшими в общественный сад на прогулку, с королями, королевами и вельможами, горделиво дефилирующими друг перед другом в прекрасных нарядах, чем повторяет образы растительных метаморфоз «Гирлянды Юлии». Эти образы сложно назвать субъективными, оригинальными. Скорее, подобные «цветы», танцующие среди «архитектуры» деревьев и кустарников, – дань традиции прециозной и барочной поэзии, с которой неотъемлемо связана история интересующих Делиля регулярных парков:

Tels, si dans ces jardins où la fable autrefois
A caché des héros, des belles et des rois,
Dans la tige *des lis, des oeillets* et *des roses*,
Les dieux mettaient un terme à leurs métamorphoses,
Tout à coup nous verrions, par un contraire effet,
S'animer, se mouvoir *l'hyacinthe* et *l'oeillet*,
Le lis en blancs atours, *la jonquille* dorée,
Et *la tulipe* errante en robe bigarrée.
Tels nous plaisent ces lieux: aux champs élyséens
Tel Paris réunit ses nombreux citoyens... [5. P. 273–274].

Так некий сказочник, поклонник красоты,
Героев превратил в недвижимые цветы,
И стали короли, принцессы и вельможи
На розу, гиацинт и лилию похожи.
И здесь волшебный сад, но – сад иных чудес.
Здесь ожили цветы, пустился в танец лес;
Теснятся мак, нарцисс, гвоздика с георгином
В порыве радостном, беспечном и едином;
Тут каждый – как цветок, и каждый весел тут.
Так Елисейские поля у нас цветут [6. С. 53].

(Пер. И.Я. Шафаренко)

Как видно из цитаты, в 80-е гг. XVIII в. образы вельмож, переодетых в цветы, как некогда в XVII в. в пастухов и пастушек из прециозных мадригалов, по-прежнему востребованы в поэзии и, безусловно, не новы. Метафорические сопоставления цветов с королями и вельможами, танцующими на балу, будут широко распространены и в XIX в. – в сказках Э.-Т.-А. Гофмана («Золотой горшок», 1814), Г.-Х. Андерсена («Цветы маленькой Иды», 1835), Ж. Санд («О чем говорят цветы», 1876). В поэзии В. Гюго, Т. Готье, А. Рембо, в прозе К.-Ж. Гюисманса жизнь цветов и деревьев также будет сопоставляться с миром людей. Но все это будет представлено иначе, сами метафоры станут жизненными и сложными, субъективными, полными гротескной двойственности, имеющими отношение к действительности, цветы будут сопоставляться не с абстрактным миром танца и балета, а с реальным социумом или, напротив, будут служить образцом абсолютной «чистой идеи», оторванной от объективной реальности.

Помимо критики, имеющей отношение к описательному стилю поэмы Делиля, раздавались упреки и в отношении его выбора предметов изображения. В поэме перечисляются многочисленные сады Англии: Беленем, Стоу, сад А. Поупа в Туикмене, Паркплейс – поместье в Хенли-на-Темзе. В числе упоминаемых в поэме «Сады» парков – Хегли (поместье лорда Литлтона в графстве Уорчестер; лорд оказывал покровительство и давал приют многим литераторам, в частности поэту Томсону, который описы-

вает парк Хегли в первой части поэмы «Времена года» «Весна»), Фоксли (имение Ювдейла Прайса, известного теоретика садово-паркового искусства), Чизуик (поместье лорда Берлингтона на берегу Темзы (в этом поместье, принадлежавшем в годы английской эмиграции покровительнице Делиля герцогине Devonshire, в разные года побывали А. Поуп, У. Хогарт, Ж.-Ж. Руссо), также Пирсфилд, Кенсингтон, аббатство Вестминстер и т.д. Делиль также не обошел вниманием парки Германии, Испании, Турции, Польши, Литвы, России, Италии и других стран. О французском же садоводстве он писал мало и в основном уже в дополнениях, при переизданиях своих сочинений, чтобы ответить на многочисленные упреки земляков. К тому же, если он и писал о французских садах и парках, то исключительно о самых известных – Версале, Багателе (сад графа д'Артуа в Булонском лесу), Лоншане – месте прогулок в Париже близ Сены, Ботаническом саде в Париже и Трианоне, саде замка Шамбор, о французской глубинке в своей поэме Делиль практически не пишет ни слова.

Одним из самых ярких примеров критики Делиля стало произведение современника аббата – Антуана Ривароля (A. Rivarol, 1753–1801). В памфлете «“Капуста и Брюква” г-ну Делилю на его поэму “Сады”» («Lettre critique sur le Poème des Jardins, suivie du Chou et du Navet», 1782) Ривароль упрекал Делиля, прежде всего, в архаичности стиля, так как считал, что поэзия «должна рисовать, а не называть». Кроме того, ирония памфлета была нацелена на непатриотичную позицию аббата при выборе предметов описания. В диатрибе Ривароля Капуста и Брюква пишут Делилю гневное письмо о том, что он ни слова не говорит о них в своей поэме, восхваляющей парки Парижа, Воклюза, прославляющей Петрарку и Вергилия, в то время как именно они, простые овощи с сельской французской грядки, вскормили его. Завершается памфлет следующими словами:

Qu'importent des succès par la brigade surpris;
On connaît les dégoûts du superbe Paris.
Combien de grands auteurs dans leurs soupers brillèrent,
Qui malgré leurs amis, au grand jour s'éclipsèrent!

.....

Oui, la fortune, un jour, vengera notre affront:
Sa gloire passera, les navets resteront [21. P. 357].

Капуста – Брюкве: О, не досажайте! Непрочен сей успех!
Блистательный Париж сперва ласкает всех,
А надоест ему писателя старанье
И вот в опале он, в забвенье, иль в изгнание.
Ведь слава улетит – она, как дым, легка,
А брюква всем нужна и будет жить века!» [22. С. 95].

(Пер. И.Я. Шафаренко)

Ривароллю удалось предсказать судьбу Жака Делиля, в нем сначала разочаровываются, а затем, действительно, забывают. В 1828 г. А.-Ф. Вильмен в курсе лекций по литературе XVIII в. («Cours de littérature française, tableau du XVIII siècle») [23. P. 406–408] констатировал, что описательный жанр безнадежно устарел, а репутация самого яркого из его представителей – Делиля – находится под угрозой. Спустя двадцать лет в «Литературных портретах» («Portraits littéraires», 1844) Ш.-О. де Сен-Бев напишет знаменитую фразу, имеющую отношение не только к самому Делилю, но и к позднему классицизму в целом: «Аббат Делиль мертв – и окончательно» («L'abbé Delille mort et bien mort») [24. P. 64].

Тем не менее мир растений, созданный Делилем в «Садах», стал своего рода образцом для описания растений во многих произведениях авторов более позднего периода, особенно в реализме. Сады, цветники, цветочные лавки, которые будут подробно описывать во многих произведениях Жорж Санд, Альфонс Карр, Гюстав Флобер, Эмиль Золя, описание процесса разведения тюльпанов в романе А. Дюма-отца «Черный тюльпан» (1850), камелии в знаменитом произведении Дюма-сына, разнообразие растений на «цветочном карнавале» Прованса, детали огорода в пригородах Парижа в новеллах Г. де Мопассана «Роза» («Rose», 1885), «Папаша Монжиле» («Le Père Mongilet», 1885), А. Додэ «Дом на продажу» («Maison à vendre», 1880) – безусловно, более подробны и красочны, но именно продолжение традиции описания феноменов цветводства, продажи растений, садоводческого быта, т.е. создания не

субъективного, интертекстуального флорообраза, а передачи конкретного исторического и культурологического факта, связанного с культивацией растений, цветов, составлением букетов, модой на «селах» («язык цветов»), «цветочную почту», «цветы-атрибуты» в руках или на одежде женщины – все это художественная иллюстрация к историческим событиям XIX в., бесценные свидетельства нюансов моды, быта, светских и культовых условностей.

К примеру, в творчестве С.-Ф. Жанлис (Stéphanie-Félicité de Genlis, 1746–1830) «историческая и литературная ботаника» стала основой произведений, в которых скрытые идеи (в основном любовные чувства) передаются через названия цветов, что красочно «иллюстрирует» нюансы моды, переданные тайным языком, «языком цветов», принятым в европейских светских кругах (салонах, частной переписке, дневниках) конца XVIII – начала XIX в. Особенно красноречивы в этом плане примеры из таких произведений писательницы, как «Цветы, или Художники» («Les Fleurs, ou Les Artistes», 1810), «Историческая и литературная ботаника» («La botanique historique et littéraire...», Paris, 1810), «Цветы погребальные, или Меланхолия и воображение» («Fleurs funéraires...», 1803), «Нравственный гербарий» («Herbier moral...», Paris, 1799) и многое другое. Но к субъективному флорообразу, заключающему в себе фундаментальную идею как конкретного произведения, так и творчества автора в целом, подобные, порой очень значимые, растительные детали отношения не имеют. Между «голубым цветком» Новалиса и цветами с клумб парков из поэмы Ж. Делиля – глубинное различие. Первый флорообраз обитает (изначально) в интертекстуальном мире литературы, философии, мифологии, искусства, а также в фантазии, эмоциях, чувствах самого Новалиса, второй тип извлекается из исторических и культурологических событий, из объективной реальности и переносится в текст, где становится важной деталью, характеризующей ту или иную эпоху, ее культуру. Временем зарождения субъективного флорообраза становится романтизм, вступающий в полемику как с описательным жанром, так и с «риторическими цветами» или тропами барокко и классицизма, также функционирующими исключительно в лоне

художественного дискурса, но не предусматривающие в большинстве своем авторскую самостоятельность и подчиненные строгому литературному канону.

Литература

1. Forges de Parny É. de Poésies Érotiques. Isle de Bourbon, 1778. 69 p.
2. Chénier A. Bucoliques. Élégies. Poésies diverses. Odes // Œuvres poétiques : 2 volumes. Paris : Garnier, 1889. Vol. 1. 412 p.; Vol. 2. 404 p.
3. Dorat C.-J. Les Baisers. La Haye : Lambert, 1770. 200 p.
4. Alby Balard M.-F.-J. L'Amour Maternel, 1810. URL: <http://www.poesies.net/mariefrancoisebalardlamourmaternelle.txt> (дата обращения: 20.07.2017).
5. Delille J. Les jardins ou l'art d'embellir les paysages // Oeuvres choisies de Delille. Paris : Fermin Didot Frères, 1850. 914 p.
6. Делиль Ж. Сады / пер. И.Я. Шафаренко. Л. : Наука, 1987. 232 с.
7. Лихачёв Д.С. Поэзия садов. Л. : Наука, 1982. 343 с.
8. Жирмунская Н.А. Жак Делиль и его поэма «Сады» // Делиль Ж. Сады. Л. : Наука, 1987. С. 171–191.
9. Bacon F. Of Gardens. London : Helen Milman, 1902. 60 p.
10. Milton J. Paradise Lost. London: Elliot Stock, 62, Paternoster Row, E.C. (facsimile introduction by David Masson), 1877. 369 p.
11. Pope A. Windsor Forest. London : B. Lintot, 1713. 56 p.
12. Pope A. An Epistle to the Right Honourable Richard Earl of Burlington. London : printed for L. Gilliver, 1731. 14 p.
13. Thomson J. The four seasons, and other poems. London: printed for J. Millan, near Scotland-Yard, White-Hall; and A. Millar, in the Strand, M.DCC.XXXV, 1735. [2]; 77, [3]; 64; 72; 79, [1] p.
14. Chambers W. A Dissertation on Oriental Gardening, Londres, 1772 ; traduction française par Delarochette, Dissertation sur le jardinage de l'Orient, Londres, 1772.
15. Reyniès J. de Approche du merveilleux paysager : le dialogue entre l'art du jardin et la littérature, TRANS- [En ligne], 16 | 2013, mis en ligne le 07 août 2013. URL: <https://trans.revues.org/808> (дата обращения: 27.08.2017).
16. Gérardin R.-L. Coup d'œil sur Belœil. Belœil : P. Charles De***, 1781. 150 p.
17. Ligne Ch.-J. de De la composition des paysages, ou Des moyens d'embellir la nature autour des habitations. Geneve : Delaguette, 1777. 178 p.
18. Morel J.-M. Théorie des jardins, ou, L'art des jardins de la nature. Paris : Pissot, 1776. 397 p.
19. Delille J. L'Homme des champs. Paris : Imprimerie Levrault, 1800. 246 p.
20. Barat E. Le style poétique et la révolution romantique. Paris : Hachette, 1904. XVI. 334 p.
21. Rivarol A. Collection des plus belles pages. Paris : Société du Mercure de France, 1851. 357 p.

22. Ривароль А. Капуста и Брюква г-ну Делилю на его поэму «Сады» // Делиль Ж. Сады. М. : Наука, 1987. С. 95–96.

23. Villemain A.-F. Tableau du XVIII siècle // Cours de littérature française: 4 volumes. 1840. Vol. 4. P. 406–408.

24. Sainte-Beuve Ch.-A. Portraits littéraires. Paris : Didier, 1844. Vol. 2. 538 p.

FEATURES OF PLANT IMAGES IN THE DIDACTIC POETRY OF JACQUES DELILLE

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2018, 16, pp. 5–18

DOI: 10.17223/23062061/16/1

Svetlana G. Gorbovskaia, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: vard_05@mail.ru

Keywords: Jacques Delille, “The Gardens”, plant image, didactic poem, classicism, sentimentalism.

The article raises the question of the position of the plant image in the poetry of late classicism, namely in the didactic poem of Abbot Jacques Delille “The Gardens” (1782). It is concluded that against the backdrop of the developing pictorial style in the literature of symbolism and early romanticism, Delille remains within the limits of the norms and canons adopted in classicism. In the description of gardens and parks in Europe, he adheres to an objective position and does not go to the level of a new emotional (subjective) vision of the phenomena of nature peculiar to his contemporaries like Jean-Jacques Rousseau and Bernard de Saint-Pierre. Against the backdrop of how the approach to the description of nature and its phenomena in the allure of French sentimentality varied (Rousseau, de Saint-Pierre, Genlis), the late 18th-century classicists (Delille, Parny, Chenier, Dorat, Balard) use cliché metaphors, sparingly, tacitly denote the presence of a tree or a shrub in the landscape, workpiece metaphors like medieval sample drawings complicate the evaluation of the individual fantasy of the author. At the end of the 18th century late classicism developed the genre of didactic poetry, in which an exact but skimpy and typified enumeration of the details of nature and landscape argues with the nascent foundations of the painting style and the subjective author’s perception of the phenomena of nature in sentimentalism and pre-romanticism. Nevertheless, the plant world created by Delille in “The Gardens” has become a kind of model for the description of plants in many works of authors of a later period, especially in realism. Gardens, flower gardens, flower shops, which are described in detail in many works of George Sand, Alphonse Karr, Gustave Flaubert, Emile Zola, the description of the process of cultivating tulips in the novel *Black Tulip* (1850) by Alexandre Dumas (father), camellias in the famous work of Alexandre Dumas (son), the variety of plants in the “floral carnival” of Provence, the details of the garden in the suburbs of Paris in Guy de Maupassant’s “Rose” (1885), “Old Mongilet” (“Le Père Mongilet”, 1885), Alphonse Daudet’s “House for Sale” (“Maison à vendre”, 1880) are a continuation, certainly more detailed and colorful, of the tradition of describing the phenomena of floriculture, the sale of plants, the description of the traditions of horticultural life,

i.e. not the creation of a subjective, intertextual floral image, but the transfer of a specific historical fact associated with the cultivation of plants, flowers, bouquets, the fashion of “language of flowers”, “flower mail”, “flowers-attributes” in hands or on clothes of women – all this is an artistic illustration for the historical events of the 19th century, the invaluable evidence of the nuances of fashion, everyday life, secular and religious conventions.

References

1. Forges de Parny, É. (1778) *Poésies Érotique* [Erotic Poems]. Isle de Bourbon: [s.n.].
2. Chénier, A. (1889) *Œuvres poétiques* [Poetic works]. Paris: Garnier.
3. Dorat, C.-J. (1770) *Les Baisers* [Kisses]. The Hague: Lambert.
4. Alby Balard, M.-F.-J. (1810) *L'Amour Maternel* [The Maternal Love]. [Online] Available from: <http://www.poesies.net/mariefrancoisebalardlamourmaternelle.txt>. (Accessed: 20th July 2017).
5. Delille, J. (1850) *Oeuvres choisies de Delille* [Selected works by Delille]. Paris: Fermin Didot Frères.
6. Delille, J. (1987) *Sady* [Gardens]. Translated from French by I.Ya. Shafarenko. Leningrad: Nauka.
7. Likhachev, D.S. (1982) *Poeziya sadov* [Poetry of Gardens]. Leningrad: Nauka.
8. Zhirmunskaya, N.A. (1987) Zhak Delil' i ego poema “Sady” [Jacques Delille and his poem “Gardens”]. In: Delille, J. *Sady* [Gardens]. Leningrad: Nauka. pp. 171–191.
9. Bacon, F. (1902) *Of Gardens*. London: Helen Milman.
10. Milton, J. (1877) *Paradise Lost*. London: Elliot Stock.
11. Pope, A. (1713) *Windsor Forest*. London: B. Lintot.
12. Pope, A. (1731) *An Epistle to the Right Honourable Richard Earl of Burlington*. London: Printed for L. Gilliver.
13. Thomson, J. (1735) *The four seasons, and other poems*. London: Printed for J. Millan.
14. Chambers, W. (1772) *A Dissertation on Oriental Gardening*. Londres.
15. Reyniès, J. de (2013) *Approche du merveilleux paysager: le dialogue entre l'art du jardin et la littérature* [Approach to the wonderful landscape: the dialogue between garden art and literature]. [Online] Available from: <https://trans.revues.org/808>. (Accessed: 27th August 2017).
16. Gérardin, R.-L. (1781) *Coup d'œil sur Belœil* [Look at Beloeil]. Belœil: P. Charles De***.
17. Ligne, Ch.-J. de (1777) *De la composition des paysages, ou Des moyens d'embellir la nature autour des habitations* [From the composition of landscapes, or Ways to beautify nature around dwellings]. Geneve: Delaguette.
18. Morel, J.-M. (1776) *Théorie des jardins, ou, L'art des jardins de la nature* [Theory of gardens, or, The art of natural gardens]. Paris: Pissot.

19. Delille, J. (1800) *L'Homme des champs* [The Man of the Fields]. Paris: Imprimerie Levrault.
20. Barat, E. (1904) *Le style poétique et la révolution romantique* [The poetic style and the romantic revolution]. Paris: Hachette.
21. Rivarol, A. (1851) *Collection des plus belles pages* [Collection of the most beautiful pages]. Paris: Société du Mercure de France.
22. Rivarol, A. (1987) Kapusta i Bryukva g-nu Delilyu na ego poemu "Sady" [Cabbage and Turnip on Mr. Delille's "Gardens"]. In: Delille, J. (1987) *Sady* [Gardens]. Translated from French by I.Ya. Shafarenko. Leningrad: Nauka. pp. 95–96.
23. Villemain, A.-F. (1840) *Cours de littérature française: 4 volumes* [Course of French literature: 4 volumes]. Vol. 4. pp. 406–408.
24. Sainte-Beuve, Ch.-A. (1844) *Portraits littéraires* [Literary portraits]. Vol. 2. Paris: Didier.

М.В. Нисова, Н.В. Жилиякова

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ГАЗЕТНЫХ АВАНТЮРНЫХ РОМАНОВ НЕ-КРЕСТОВСКОГО*

***Аннотация.** В статье анализируются особенности авантюрных романов известного томского писателя начала XX в. В.В. Курицына, публиковавшего свои произведения под псевдонимом «Не-Крестовский». Рассматриваются этапы творческого пути беллетриста, место авантюрных романов в его творчестве, отношение к его произведениям современников. «Документальность» авантюрных романов анализируется на уровне разворачивания романного сюжета в узнаваемых городских пространствах, на фоне реально существовавших заведений, мест, улиц; в контексте знаний об уголовном мире дореволюционного Томска, которые В.В. Курицын черпал из собственных источников; во взаимосвязи с содержанием газеты «Сибирские отголоски», на страницах которой печатались романы. Делается вывод о том, что именно «документальность» авантюрных романов В.В. Курицына стала «ключом» к их непреходящему читательскому успеху.*

Ключевые слова: авантюрный роман, Томск, журналистика, В.В. Курицын, документальная основа, массовая литература.

Авантюрный роман как популярный жанр массовой литературы имеет долгую историю изучения в мировом и российском литературоведении. Массовую литературу как историко-культурную проблему исследовал Ю.М. Лотман [1], о феномене этого явления писала М.А. Черняк [2]; в словарях и энциклопедиях массовой литературе, авантюрному роману, приключенческой литературе посвящены отдельные статьи [3–5]. В ряде статей рассматриваются истоки зарубежного авантюрного романа [6], авантюрный роман изучается в контексте развития русского символизма [7]; поднимаются и другие исследовательские проблемы. Но, несмотря на это, до сих пор дискутируется вопрос о том, насколько жанр аван-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 17-14-70006 а (р) «Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах».

тюрного романа достоин изучения, ведь «массовая литература, по мнению большинства ученых, представляет собой категорию литературных произведений, относимых к маргинальной сфере общепризнанной литературы. Часто ее еще называют тривиальной, развлекательной, эскапистской, рыночной, “дешевой” [8]. И если произведения крупных зарубежных или российских столичных авторов (такие как, например, «Петербургские трущобы» В. Крестовского) еще имеют шанс попасть в круг научной рефлексии, то провинциальные авантюрные романы традиционно остаются на периферии исследовательского внимания. Именно поэтому творчество известного томского дореволюционного автора целой серии авантюрных романов В.В. Курицына (писал под псевдонимом Не-Крестовский) только в последние годы становится предметом научных исследований [9–11].

До своего выступления в качестве романиста В.В. Курицын был известен сибирским читателям как автор очерков в журнале «Сибирский наблюдатель» [см. подробнее: [12]] и как поэт-сатирик, участвовавший в целом ряде томских сатирических журналов начала XX в. (под псевдонимом «Дон Валентино»). Но наибольшую – хотя и самую скандальную – славу он приобрел как создатель серии авантюрных романов, опубликованных на страницах газеты «Сибирские отголоски»: «Томские трущобы» («уголовный роман-хроника») (1907–1908), «Человек в маске» («уголовный роман из местной жизни») (1908–1910), «В погоне за миллионами» («уголовный роман из современной жизни») (1910) (не окончен).

Все эти произведения объединены общими героями и сквозным сюжетом, который разворачивается вокруг таинственного «Человека в маске», и по сути они являются одним авантюрным романом «Томские трущобы».

В 1909–1910 гг. в Томске выходил его же роман «Тайны томских ночей» («уголовный роман из местной жизни»), но он публиковался не в газете, а издавался отдельными брошюрками. Сохранившиеся оригиналы изданных трех выпусков находятся в Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург). Кроме этого, в 1910 г. в газете «Сибирские отголоски» печатался еще

один роман В.В. Курицына «В зареве пожара» – по характеристике местного цензора, «роман из местной жизни с революционным пошибом» [13].

Современники высоко ценили поэтический талант Курицына, считая, что у него была «нежная, элегически-грустная и проникновенно-вдумчивая» муза, – так писал о Курицыне известный томский писатель начала XX в. Георгий Гребенщиков [14]. Однако они же крайне отрицательно относились к его романному творчеству, считая их «желтой проповедью», «пинкертономщиной», пошлостью и т.д. (Г. Гребенщиков, Вс. Крутовский) (см.: [14, 15]). Парадокс заключается в том, что именно авантюрные романы Курицына оказались востребованы читателями как в начале XX в., так и в наше время. Этот феномен постоянно пробуждает исследовательский интерес в отношении вопроса: в чем секрет популярности романов?

По-видимому, одним из этих «секретов» можно считать «документальную основу»* практически всех произведений Курицына. Если в целом окинуть взглядом его литературное наследие, становится очевидно, что Курицын всегда описывал только те сферы жизни, которые были связаны с его биографией. Вот ее краткие вехи, известные на сегодняшний день.

По имеющимся сведениям, В.В. Курицын родился в городе Барнауле Томской губернии 28 июля 1879 г., в православной мещанской семье**. Он получил образование в Барнаульском горном училище, затем работал на частных золотых приисках, из-за проблем со здоровьем (он всю жизнь страдал от легочных заболеваний) переехал на постоянное жительство в Томск, где начал работать в управлении Сибирской железной дороги (с 1901 г.). О семейной жизни Курицына достоверной информации нет, «в

* Слово «документальный» употребляется нами в значении «отражающий подлинные факты, события и т.д.»: см.: [16].

** Даты рождения и смерти В.В. Курицына в «Советской сибирской энциклопедии» (1931) неверно указаны как 1878–1908 гг., что до сих пор приводит к ошибкам в публикациях об этом писателе.

свидетельстве о смерти отмечено, что прямых наследников он не имеет» [17].

Курицын прожил очень короткую жизнь, немногим более 30 лет. Он умер 18 января 1911 г. от чахотки, был похоронен на Вознесенском кладбище в Томске.

Таковы биографические данные о писателе. Знание о них позволяет сделать вывод о том, что события и впечатления жизни писателя отразились практически во всех произведениях Курицына, став их «документальной» основой. Так, первые «пробы пера» Курицына в «Сибирском наблюдателе» были основаны на опыте работы писателя на золотых приисках: «Катя. Рассказ из приисковой жизни» (Сибирский наблюдатель. 1904. № 7–8), «Богатые знаки. Рассказ из приисковой жизни» (Сибирский наблюдатель. 1905. № 10) и др. [12]. Этот же опыт был использован Курицыным в романе «Человек в маске» – поиск таинственного «Золотого ключа» является одной из сюжетных линий этого произведения, а место действия в пятой части романа перемещается из Томска в Мариинскую тайгу, непосредственно на прииски.

Служба Курицына на Сибирской железной дороге обогатила его знанием о жизни этого специфического, замкнутого «железнодорожного мира» и отразилась в романах «В зареве пожара» (в одной из его глав описываются «химическая обструкция» в здании управления Сибирской железной дороги) и «Тайны томских ночей» (действие первых сохранившихся глав романа происходит в поезде).

Обращает на себя внимание, что действия всех авантурных романов Курицына происходят не в экзотических странах, не в пустынях, джунглях или на пиратских кораблях. Автор подчеркивал «правдивость» своих произведений, утверждал, что в его сюжетах использовались факты, известные томской публике. Так, в 1907 г. в заметке «От редакции» было следующим образом объявлено о продолжении первого романа Курицына:

«С настоящего номера начинается печатание второй части романа “Томские трупы” “На пути к виселицам”. Вторая часть романа посвящена описанию дальнейших походов и

трагической судьбы главных героев романа – Кочерова и Егорина. **Попутно с этим рисуется ряд картин из уголовной хроники Томска за последние годы**» (выделено нами. – Н.Ж., М.Н.) [18. 1907. № 76].

Роман «Человек в маске» рекламировался газетой как «уголовный роман **из местной жизни**» (выделено нами. – Н.Ж., М.Н.) [Там же. 1908. № 32]. В 1909 г. «Сибирские отголоски» сообщили читателю о планах опубликовать в течение года еще один роман Не-Крестовского, параллельно с уже выходящим «Человеком в маске». Газета писала:

«Кроме того, на страницах “Сибирских отголосков” будет помещено новое произведение того же автора – сенсационный уголовный роман из кафешантанного мира под заглавием “Обреченные Молоху” (канвой для этого романа послужили действительные события недавнего прошлого)» (выделено нами. – Н.Ж., М.Н.) [Там же. 1909. № 6].

Этот замысел не был реализован Не-Крестовским, но обращает на себя внимание общий принцип использования в сюжете романов фактов из действительной томской жизни.

Предшественники Не-Крестовского, работавшие в жанре газетного романа-фельетона, помещали своих героев в вымышленные миры, хотя и имеющие реальные прототипы. Так, сюжет романа К.М. Станюковича «Не столь отдаленные места», публиковавшегося в «Сибирской газете» в 1885–1888 гг., разворачивался в городе Жиганске, в котором проницательный читатель мог узнать Томск, а в действующих героях – томского губернатора, редакторов местных газет и т.д. (см.: [19]). Но Не-Крестовский пошел еще дальше. Его вымышленные герои жили и действовали в самом Томске, передвигались по знакомым улицам, участвовали в представлениях и т.д. В романе упоминались томский район «Болото», где снимали квартиру романские преступники, железнодорожная станция Межениновка, гостиница «Европа», Буфф-сад и другие узнаваемые томские места. Эта топографическая документальность стала мощным фактором популярности романа у томской аудитории. Так, например, описывая преследование золотопро-

мышленника Бесшумных двумя мошенниками, Курицын «вел» своего читателя по центральной томской улице – Почтамтской, воссоздавая атмосферу городской жизни дореволюционного Томска:

«Несмотря на сравнительно ранний час дня, на Почтамтской царило праздничное оживление... Мимо Козыря двигались веселые парочки гуляющих, проходили пошатываясь люди в сильно приподнятом праздничном настроении, прибежала маленькая бойкая гимназисточка с коньками в руке, с недетской кокетливостью прятавшая свое личико в белую муфточку; ровным размашистым шагом прошел бравый блюститель порядка с полудюжиной медалей на черном сукне шинели...» [18. 1908. № 111].

Бытовые сценки, «репортажные зарисовки», диалоги оживляли повествование, придавая особую достоверность романному сюжету:

«На углу Благовещенского переулка густая толпа гуляющих была задержана неожиданным эпизодом чисто масляничного характера. Человек пять или шесть каких-то парней, пьяных вдребезги, в кошевке, запряженной парой лошадей, на самом углу споткнулись с извозчиком-лихачем тоже в парной упряжке. В извозничьих санках сидели две девицы, чересчур крикливые костюмы которых и напудренные лица свидетельствовали о принадлежности их к какому-нибудь кафешантанному хору.

– Стой, сто-ой! Куда прешь, лешева голова?! – ругался извозчик. Парни отвечали тоже ругательствами. Произошло замешательство» [Там же].

Описания событий, которые в романе происходили в заведениях, исчезнувших в XX веке, приобрели особую ценность для современного читателя. Борьба атлетов в томском цирке (прекратил свое существование в 1941 г. – см.: [20]), выступления артистов в Буфф-саду, проживание героев в гостинице «Европа» и т.д. давали и дают возможность погрузиться в контекст дореволюционной томской жизни. В качестве примера приведем характерную для Курицына зарисовку циркового представления:

«Около деревянного здания цирка стояла густая толпа. Был антракт дневного представления, и невзыскательная публика амфитеатра и галереи угощала себя сбитнем, орехами и даже

водочкой, предупредительно запасенной ловким парнем, торговавшим копченой рыбой.

...Около кассы был давка в полном смысле этого слова. Сегодня вечером имел быть последний “субботник” – блестящее галло-представление из лучших номеров циркового репертуара, как это обещалось на громадных афишах, расклеенных по городу, и кроме того, должна была состояться решительная борьба между двумя атлетами, любимцами публики» [18. 1908. № 111, 113].

«<...> Оркестр заиграл марш. Один за одним выходили на арену цирковые атлеты. Их было человек десять. Крепкие мускулистые тела, затянутые в трико, глубоко вдавленные в плечи головы с низкими лбами и тупыми взглядами, какая-то особенная походка – тяжелая и вместе с тем напряженная, точно стерегущая врага, – производили впечатление чего-то грубого, звериного... [Там же. № 114].

Поскольку действие романа «Человек в маске» происходило не только в Томске, но и в Барнауле, и в Новониколаевске, Курицын включал в произведение описание узнаваемых местными жителями достопримечательностей и этих городов.

Авантюрные романы Курицына были не случайно основаны на криминальных сюжетах. Изучая газетную хронику Томска конца XIX – начала XX в., нетрудно заметить, что новости о грабежах, убийствах, мошенничествах занимали большую часть информационной повестки дня. В романе изображались «обратная сторона» томских будней, теневая жизнь преступников, от которых постоянно страдали горожане.

Учитывая стремление Курицына к максимальной документальности, не может не возникать вопрос: откуда он черпал свои знания о криминальном мире Томска? Ведь диалоги в романе, описание преступлений выполнены беллетристом со знанием мельчайших деталей, с разъяснением специфических терминов, криминальных жаргонизмов. Приведем в качестве примера типичный разговор воров из романа «Человек в маске»:

«– Ишь, какой ты! – восхитился Филька. – Словно весь век “легавым” (сыщиком) был.

– Ну, это что! Дело знакомое. Я, брат, в Петербурге, когда еще по младости лет “с верхов шарманил” (кража из наружных карманов), так уж и тогда со всеми ихними штуками знаком был. Там, парень, в Питере-то не Томску чета. Что ни шаг, то “шмель” (полицейский агент, имеющий наблюдение специально за карманными воришками)» [18. 1908. № 109].

Не понаслышке были знакомы Курицыну и приемы карточных шулеров, которые он неоднократно описывал в романе:

«Загорский не довольствовался уже тем способом, который он применял в первые вечера, а прибежал и к “накладке”. Поясняя нашим читателям, что “накладкой” называется колода карт, специально подобранных и употребляемых банкометом, когда он хочет бить наверняка шесть или семь карт подряд. Карты для “накладки” складываются таким образом, что непосвященный в дело будет только удивляться необыкновенному счастью банкомета, а отнести это к шулерскому приему не догадается. “Накладок” различают две: “марьяжная” и “затяжная”. Первая употребляется редко и только разве среди пьяной или уже чересчур неопытной публики, так как ряд восьмерок или девяток – выигрывающих карт подряд, невольно обращает на себя внимание. Вторая же “затяжная” накладка – излюбленный прием наиболее искусных шулеров, составляется так, что восьмерки и девятки в ней совершенно отсутствуют, а в выигрыше банкомет остается благодаря хитроумной комбинации в расположении карт, данных своему партнеру. Например, первую карту себе банкомет берет шестерку, останавливается на ней, тогда как понтирующий, получив первой картой тройку, второй – семерку и, следовательно, обладая “жиром”, покупает третью карту пятерку и проигрывает.

Ниже мы еще вернемся к более детальному описанию подобных примеров» [Там же. № 89].

Конечно, эти глубокие познания в уголовной сфере Курицын черпал не из своего опыта приисковой жизни или работы в качестве служащего Сибирской железной дороги. Ответ кроется еще в одной биографической детали: близком знакомстве Курицына с

издателем «Сибирского наблюдателя» и «Сибирских отголосков» В.А. Долгоруковым.

Всеволод Алексеевич Долгоруков (1850–1912), представитель княжеского рода «тех самых Долгоруковых», попал в Томск не по своей воле. В молодости, получив образование в Морском кадетском корпусе, он был вовлечен в уголовные авантюры. В 1870 г. Долгоруков был осужден в Петербурге по делу за укрывательство мошенничества и лишен «особенных прав» – княжеского звания, а семь лет спустя уже в качестве ефремовского мещанина он вновь предстал перед Московским окружным судом в связи с громким расследованием «Дела о Клубе червонных валетов» (8 февраля – 5 марта 1877 г.). Преступная группировка из 48 человек обвинялась в «составлении преступного сообщества в целях похищения чужого имущества различными способами: посредством выманивания, подложного составления документов, введения в обман и проч., в принадлежности к этому сообществу, в мошенничестве, подлогах, присвоении и растрате чужого имущества, кражах, в грабеже, умышленном убийстве, в соучастии в этих преступлениях, в оскорблении должностного лица и в кошунстве» [21].

После суда Долгоруков был отправлен в Сибирь как уголовный ссыльный, и обратно в столицу он уже не вернулся. Всю оставшуюся жизнь бывший князь прожил в Томске, принимая активное участие в литературной жизни города. Первоначально Долгоруков сотрудничал с томской газетой «Сибирский вестник», с 1895 г. он начал заниматься собственной издательской деятельностью: выпускал ежегодник «Путеводитель по Сибири и Средне-Азиатским владениям России», с 1899 г. стал редактором-издателем «Дорожника по Сибири и Азиатской России», позже преобразованного в журнал «Сибирские отголоски» (в 1905 г.), затем в газету «Сибирские отголоски». В Томске он был известен и как поэт: стихотворения Долгорукова публиковались в томской прессе под псевдонимом «Всеволод Сибирский», были изданы два сборника его стихов [22, 23].

Имея юридическое образование, Долгоруков работал в качестве частного поверенного в Томском окружном суде и, конечно, мог

многое рассказать о героях томского «темного мира». Но кроме этого, в Томске Долгоруков женился на Марии Петровне Аршауловой – сестре известного томского полицмейстера Петра Петровича Аршаулова, который имел неофициальное прозвище «томский Шерлок Холмс» (о нем см.: [24]). Аршаулов успешно расследовал многие громкие дела в Томске – убийства, грабежи – и, конечно, хорошо был знаком с «уголовным дном» Томска. Можно уверенно предположить, что именно Долгоруков и его окружение стали не только «источником вдохновения» Курицына, но и его консультантами в описании томского уголовного мира. Вот, например, «Предупреждение» ко второй части романа «Человек в маске»:

*«Здесь, по мере последовательного развития романа, рисуется ряд мошеннических проделок, предпринятых рыцарями легкой наживы, и описывается громкое дело о подлоге миллионного заветования, составлявшее до настоящего времени **фамильную тайну одной семьи** из местного купечества»* (выделено нами. – Н.Ж., М.Н.) [18. 1908. № 121].

«Фамильную тайну» мог знать адвокат Долгоруков, но не мог знать чиновник Курицын.

Необходимо отметить, что поиск упоминаемых в романе криминальных фактов в газетной хронике Томска затруднен не столько объемом материала, который необходимо исследовать, сколько отсутствием «хронологических привязок» уголовных преступлений. С одной стороны, нет никаких указаний на то, что Курицын использовал события недавнего времени – он вполне мог опираться на криминальные «городские легенды», давние уголовные дела, о которых рассказывали ему Долгоруков или Аршаулов. С другой стороны, реальные томские преступления – как и описываемые преступления в авантурных романах Курицына – были достаточно однотипными: нападения, грабежи, убийства, карточное шулерство в подпольных «игорных домах» и т.д. Любое преступление в Томске могло стать основой для построения романного сюжета, тем более, что оно неизбежно трансформировалось в художественном пространстве романа.

Говоря о «документальности» романов Курицына, можно также отметить его строгое следование бытовым реалиям городской дореволюционной жизни в отношении, например, кулинарии. Беллетрист всегда подробно останавливался на заказах своих героев, которые они совершали в томских ресторанах (и в разных притонах): он перечислял напитки, которые было принято заказывать (коньяк, ром, грог, шампанское, пиво и т.д.), закуски, горячие блюда и т.д. В романе приводились примеры песен, звучащих в компаниях и на сценах, детально описывались женские и мужские костюмы. Эти мелкие детали, бытовые подробности до сих пор придают произведениям Курицына достоверность, и, несмотря на явные недостатки его романов – ходульность героев, однообразное времяпровождение (преступление – кутеж – неудачное преступление – кутеж – новое преступление) и др., – делают их одним из ценных источников сведений о жизни дореволюционного Томска.

Таким образом, ставка В.В. Курицына на «документальность» его авантюрных романов стала «ключом» к их непреходящему читательскому успеху. Разворачивание романного сюжета в узнаваемых городских пространствах, упоминание деталей дореволюционного быта томищей придали произведениям Не-Крестовского такое качество, как достоверность. В какой-то мере это облегчило писательский труд: В.В. Курицын мог не отвлекаться на придумывание несуществующих городов, домов, заведений, он буквально «срисовывал» их с натуры. Часть ситуаций, в которые попадали его герои, также были хорошо знакомы и автору, и читателям: это криминальные сюжеты, касающиеся грабежей, мошеннических проделок, деятельности разных «своден» и т.д. На этом вполне реалистичном романном «фоне» действия центрального злодея – «Человека в маске» – выглядели особенно необычно, поражали воображение неискушенных современников цинизмом, необъяснимым коварством и ловкостью ухода от закона.

Чтобы усилить «документальность» романа, В.В. Курицын обращался не только к своему собственному, не очень богатому, жизненному опыту, но, судя по всему, к «неиссякаемому источнику» сведений о криминальной томской жизни – к адвокату

В.А. Долгорукову и полицмейстеру П.П. Аршаулову. Это позволило ему ввести в роман малоизвестные подробности сыщичьей работы, разнообразить речь героев уголовным «сленгом» (с обязательной расшифровкой употребляемых терминов), описать разные «криминальные схемы», основанные на реальных томских преступлениях конца XIX – начала XX в.

Публикация авантюрных романов Не-Крестовского на страницах газеты «Сибирские отголоски» приводила к тому, что читатели начала XX в. воспринимали его в контексте всего периодического издания, романы были «вписаны» в общую проблематику русской провинциальной жизни. В статьях и фельетонах «Сибирских отголосков» поднимались вопросы сложной криминальной обстановки в Томске, осуждалась женская проституция; постоянной темой для размышлений журналистов было положение дел в золотопромышленности и т.д. Эти же проблемы присутствовали и в авантюрных романах, что придавало им дополнительный «документальный» характер.

Дальнейшее изучение структурных и содержательных особенностей романов Не-Крестовского, «рецепции» в них мировых и российских сюжетов авантюрной литературы являются одной из вероятных перспектив исследований, посвященных этим малоизученным произведениям дореволюционного Томска. В рамках изучения словесности Сибири они имеют особое значение, поскольку позволяют выявить специфику формирования местной региональной литературы и ее взаимосвязь с общемировым и общероссийским литературным процессом.

Литература

1. Лотман Ю.М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб. : Искусство-СПБ, 1997. С. 380–388.
2. Черняк М.А. Феномен массовой литературы XX века: проблемы генезиса и поэтики : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 488 с.
3. Тамарченко Н.Д. Авантюрная литература // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко. М. : Издательство Кулагиной INTRADA, 2008. С. 8–9.
4. Благой Д. Авантюрный роман // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов : в 2 т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина,

В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. М. ; Л. : Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 1. Стб. 3–10.

5. Наркевич А.Ю. Приключенческая литература // Краткая литературная энциклопедия / под ред. А.А. Суркова. М. : Сов. энциклопедия, 1968. Т. 5. С. 973–974.

6. Ладыгин М.Б. Английский авантюрный роман середины XIX века // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. М., 1985. С. 19–38.

7. Богомолов Н. Авантюрный роман как зеркало русского символизма // Вопросы литературы. М., 2002. Вып. 6. С. 43–57.

8. Шумко В.В. Формирование «массовой» русской литературы во второй половине XIX века // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2011. Т. 11. С. 201–212.

9. Матвеев И.А. Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х годов : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2014. 323 с.

10. Жиякова Н.В. Зарождение, развитие и специфика жанра романа в томской периодике (конец XIX – начало XX в.) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 63–71.

11. Жиякова Н.В., Нисова М.В. Переиздание культового томского романа «Томские трущобы» Не-Крестовского: возможности печатной и цифровой версий // Книга. Текст. Книгоиздание. 2017. № 14. С. 64–76.

12. Нисова М.В. Первые очерки В.В. Курицына в «Сибирском наблюдателе»: особенности сюжета и организации текста // Журналистский ежегодник. 2016. № 5. С. 98–100.

13. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 181–182.

14. Курицын (Не-Крестовский) Валентин Владимирович // Томский некрополь: списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939 / сост. и ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 128–129.

15. Крутовский В. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 303.

16. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. URL: <http://www.slovoblog.ru/efremova/dokumentalnyjj>

17. Зильберман Ю.Я. Памяти поэта и писателя В.В. Курицына (Не-Крестовского) // Валентин Владимирович Курицын (Не-Крестовский) : сб. материалов / ТОУНБ им. А.С. Пушкина ; сост. А.В. Яковенко ; ред.: С.С. Быкова, Л.В. Чередникова. Томск, 2017. С. 6–13.

18. Сибирские отголоски.

19. Жиякова Н.В. Рождение романа: путешествие из Сибири в Петербург (К.М. Станюкович «Не столь отдаленные места») // Сибирский текст в русской культуре. Томск : Сибирика, 2003. С. 44–53.

20. Мацковская А. Исчезнувшие. 10 самых интересных общественных мест в Томске, не доживших до наших дней // Томский обзор. URL: <https://obzor.west-sib.ru/article/387939>

21. Жиликова Н.В. Издательская деятельность В.А. Долгорукова // Всеволод Алесеевич Долгоруков : сб. материалов / сост.: В.М. Костин, А.В. Яковенко, ред. С.С. Быкова. Томск : ТОУНБ им. Пушкина, 2013. С. 8–24.

22. Сибирский В. Не от скуки. Томск, 1890. 356 с.

23. Сибирский В. Стихотворения. Томск, 1912. 521 с.

24. Петр Петрович Аршаулов: сборник материалов / сост.: В.М. Костин, А.В. Яковенко ; ред. С.С. Быкова. Томск, 2012. 204 с.

THE DOCUMENTARY BASIS OF NE-KRESTOVSKY'S NEWSPAPER ADVENTURE NOVELS

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2018, 16, pp. 19–34

DOI: 10.17223/23062061/16/2

Mariya V. Nisova, Nataliya V. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: newspaper_2401@mail.ru, retama@ya.ru

Keywords: adventure novel, Tomsk, journalism, V.V. Kuritsyn, documentary basis, mass literature.

In the article features of adventurous novels of the well-known Tomsk writer of the beginning of the 20th century Kuritsyn, who published his works under the pseudonym “Ne-Krestovsky”, are analysed. The author considers the stages of the writer’s creative career, the place of adventure novels in his work, his attitude to the works of his contemporaries. The “documentality” of the adventurous novels is analysed in several aspects. Firstly, the level of the unfolding of a novel plot in recognisable urban spaces, against the background of real institutions, places and streets is considered. The writer not only relied on his own life experience gained during his service in the gold mines, work on the Siberian Railway, but he also stressed that he used facts Tomsk people knew in the novels. This made his works reliable and accurate, although it is not possible to find the criminal facts mentioned in the novel in the newspaper chronicle of Tomsk: not so much because of the amount of material to be investigated, but because of the lack of “chronological fixation” of criminal offences. There is no indication that Kuritsyn used the events of recent times – he could quite rely on criminal “urban legends”, long-standing criminal cases. On the other hand, real Tomsk crimes – like the crimes described in Kuritsyn’s adventurous novels – were quite similar: attacks, robberies, murders, card cheating in underground “gambling houses”, etc. Any crime in Tomsk could become the basis for constructing a novel plot, especially since it inevitably transformed in the artistic space of the novel.

Secondly, Kuritsyn drew knowledge about the criminal world of the pre-revolutionary Tomsk from his own sources, thanks to friendly relations with his publisher, lawyer V.A. Dolgorukov, and his relative P.P. Arshaulov. This was reflected in the detailed descriptions of the “criminal schemes” of the crimes described, in the knowledge (and explanation for the readers) of the specific terms, the criminal jargon the characters of the novels used.

The publication of Ne-Krestovsky's adventure novels in the newspaper *Sibirskie otgoloski* [Siberian Echoes] led to the fact that readers of the beginning of the 20th century perceived them in the context of the entire periodical; the novels were "inscribed" in the general problems of Russian provincial life. The articles and satirical articles of *Sibirskie otgoloski* raised issues of the complex criminal situation in Tomsk; female prostitution was condemned; a constant theme for journalists' reflection was the state of affairs in the gold industry, etc. The same problems were also present in the adventurous novels, which gave them an additional "documentary" character.

It is concluded that it is the "documentality" of the adventurous novels of Kuritsyn that became the "key" to their enduring reader success.

References

1. Lotman, Yu.M. (1997) *O russkoy literature* [On Russian literature]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 380–388.
2. Chernyak, M.A. (2005) *Fenomen massovoy literatury XX veka: problemy genezisa i poetiki* [The phenomenon of mass literature of the 20th century: Problems of genesis and poetics]. Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
3. Tamarchenko, N.D. (2008) *Avantyrnaya literatura* [Adventure literature]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: a dictionary of current terms and concepts]. Moscow: INTRADA. pp. 8–9.
4. Blagoy, D. (1925) *Avantyrnyy roman* [Adventure literature]. In: Brodsky, N.A. Lavretsky, Lunin, E., Lvov-Rogachevsky, V., Rozanov, M. & Cheshikhin-Vetrinsky, V. (eds) *Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov* [Literaturnaya encyclopedia: Dictionary of literary terms]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: L.D. Frenkel. Col. 3–10.
5. Narkevich, A.Yu. (1968) *Priklyuchenskaya literatura* [Adventure literature]. In: Surkov, A.A. (ed.) *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [A Short Literary Encyclopedia]. Vol. 5. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 973–974.
6. Ladygin, M.B. (1985) *Angliyskiy avantyrnyy roman serediny XIX veka* [English adventure novel of the middle of the 19th century]. In: Khrapovitskaya, N. (ed.) *Problemy metoda i zhanra v zarubezhnoy literature* [Problems of method and genre in foreign literature]. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 19–38.
7. Bogomolov, N. (2002) *Avantyrnyy roman kak zerkalo russkogo simbolizma* [Adventure novel as a mirror of Russian symbolism]. *Voprosy literatury*. 6. pp. 43–57.
8. Shumko, V.V. (2011) *Formirovaniye "massovoy" russkoy literatury vo vtoroy polovine XIX veka* [Formation of "mass" Russian literature in the second half of the nineteenth century]. *Uchenye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova*. 11. pp. 201–212.
9. Matveenko, I.A. (2014) *Vospriyatie angliyskogo sotsial'no-kriminal'nogo romana v russkoy literature 1830-1900-kh godov* [Perception of the English social and criminal novel in Russian literature of the 1830s-1900s]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
10. Zhilyakova, N.V. (2016) *Origin, development and specificity of the genre of the novel in Tomsk periodicals (late 19th – early 20th century)*. *Sibirskiy filologicheskiy*

zhurnal – Siberian Philological Journal. 1. pp. 63–71. (In Russian). DOI: 10.17223/181370

11. Zhilyakova, N.V. & Nisova, M.V. (2017) The reissue of the cult Tomsk novel The Tomsk Slums by Non-Krestovsky: opportunities of print and digital versions. *Kniga. Tekst. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 14. pp. 64–76. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/14/4

12. Nisova, M.V. (2016) The first essays by V.V. Kuritsyn in the “Sibirskiy Nabyudatel”: the features of the plot and the organization of the text. *Zhurnalistitskiy ezhegodnik – Journalistic Yearbook*. 5. pp. 98–100.

13. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 12. File 735. pp. 181–182.

14. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2001) *Tomskiy nekropol’: spiski i nekrologi pogrebennykh na starykh tomskikh kladbishchakh. 1827–1939* [Tomsk Necropolis: Lists and obituaries of those buried in the old Tomsk cemeteries. 1827–1939]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 128–129.

15. Krutovskiy, V. (1912) Periodicheskaya pechat’ v Tomske [Periodic Press in Tomsk]. In: *Gorod Tomsk* [Tomsk]. Tomsk: Izdanie Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske. pp. 303.

16. Efremova, T.F. (n.d.) *Sovremennyy tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [The modern explanatory dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: <http://www.slovoblog.ru/efremova/dokumentalnyj/>.

17. Zilberman, Yu.Ya. (2017) Pamyati poeta i pisatelya V.V. Kuritsyna (Ne-Krestovskogo) [In memory of the poet and writer V.V. Kuritsyn (Ne-Krestovsky)]. In: Bykova, S.S. & Cherednikova, L.V. (eds) *Valentin Vladimirovich Kuritsyn (Ne-Krestovskiy)* [Valentin Vladimirovich Kuritsyn (Non-Krestovsky)]. Tomsk: Krasnoe znamya. pp. 6–13.

18. *Sibirskie otgoloski*.

19. Zhilyakova, N.V. (2003) Rozhdenie romana: puteshestvie iz Sibiri v Peterburg (K.M. Stanyukovich “Ne stol’ otdalennye mesta”) [The birth of the novel: a journey from Siberia to Petersburg (K.M. Stanyukovich “In Durance Vile”)]. In: *Sibirskiy tekst v russkoy kul’ture* [Siberian Text in Russian Culture]. Tomsk: Sibirika. pp. 44–53.

20. Matskovskaya, A. (n.d.) *Ischeznuvshie. 10 samykh interesnykh obshchestvennykh mest v Tomske, ne dozhivshikh do nashikh dney* [The Disappeared. 10 most interesting public places in Tomsk that did not survive to our days]. [Online] Available from: <https://obzor.westsib.ru/article/387939>.

21. Zhilyakova, N.V. (2013) Izdatel’skaya deyatel’nost’ V.A. Dolgorukova [V.A. Dolgorukov’s publishing activity]. In: Bykova, S.S. (ed.) *Vsevolod Aleseevich Dolgorukov* [Vsevolod Aleseevich Dolgorukov]. Tomsk: TOUNB im. Pushkina. pp. 8–24.

22. Sibirskiy, V. (1890) *Ne ot skuki* [Not from boredom]. Tomsk[s.n.].

23. Sibirskiy, V. (1912) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Tomsk: [s.n.].

24. Bykova, S.S. (ed.) (2012) *Petr Petrovich Arshaulov* [Petr Petrovich Arshaulov]. Tomsk: Veter.

С.В. Волошина

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ*

Аннотация. *Статья посвящена описанию особенностей речевого жанра автобиографии, функционирующего в письменной, официальной и устной, неофициальной коммуникации. Материал исследования – делопроизводственные автобиографии и диалектные автобиографические рассказы, относящиеся к сибирскому автобиографическому дискурсу. Делается вывод о том, что оба типа текстов имеют общие черты и ряд особенностей. Различия проявляются в функциях этих текстов, ситуациях обращения к ним, участниках коммуникации, жанровых, композиционных особенностях, средствах языкового воплощения.*

Ключевые слова: *словесная культура Сибири, автобиография, дискурс, речевой жанр, автобиографический рассказ, автобиографический дискурс, делопроизводственная автобиография.*

Автобиографический дискурс – один из видов дискурса, предполагающих саморефлексию, самоидентификацию, самопрезентацию, включающий такие жанровые формы, в которых человек представляет себя, свою жизнь, внутренний мир и все, что его окружает. Обращение к исследованию автобиографических текстов в контексте сибирской словесной культуры объясняется рядом причин. С одной стороны, это тексты не только о жизни людей, созданные ими самими, но и о регионе с особой историей, географическим положением, климатическими условиями, оказавшем влияние на их жизнь. С другой стороны, словесная культура Сибири исследуется в разных аспектах, на разном материале: на материале публицистических [1, 2], художественных [3–5], фольклорных текстов [6, 7], источников личного происхождения (днев-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 17-14-70006 а (р) и при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043 «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация»).

ников, писем, документов, мемуаров и т.д.) [8, 9], однако представляется, что в меньшей степени изучены тексты, неопубликованные, не подвергавшиеся редактированию, к которым и относятся разнообразные (нехудожественные) автобиографические практики.

Под дискурсом в данной работе вслед за Н.Д. Арутюновой понимается «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная» в жизнь” [10. С. 137]. В соответствии с этим определением, как представляется, исследование дискурса должно включать в себя анализ речевых средств с учетом внеязыковых факторов, условий коммуникативной ситуации. В работе мы также используем понятие автобиографической практики, подразумевая под ним деятельность по созданию своего жизнеописания, в результате которой рождаются тексты автобиографического характера. Иначе говоря, исследуемый материал рассматривается как результат дискурсивной деятельности, результат автобиографических практик. Вместе с тем следует отметить, что в структуре каждого типа дискурса функционируют тексты, относящиеся к определенным жанрам, они имеют ряд общих содержательных и формальных черт. То есть тот или иной дискурс определяет наличие в нем ядерных речевых жанров и их признаков, а речевые жанры являются одним из строительных материалов дискурса и способов его описания.

Цель данной статьи – исследовать особенности речевого жанра автобиографии, существующего в рамках сибирского автобиографического дискурса и проявляющегося в устной неофициальной и письменной официальной коммуникации.

Материалом исследования выступают около 300 делопроизводственных автобиографий, написанных жителями г. Томска (томи-чей или людей, для которых Томск стал городом временного или

постоянного проживания) в конце 1920-х – 1990-е гг. на специальных бланках или на листах чистой бумаги, и 140 устных автобиографических рассказов сибирских старожилов, записанных на территории Томской области с 1940 по 2008 г. Делопроизводственные автобиографии хранятся в личных делах (поэтому и называются делопроизводственными), отложившихся в Государственном архиве Томской области (ГАТО), Центре документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО), архивах университетов г. Томска [11].

Все исследуемые тексты мы относим к речевому жанру автобиографии, имеющему в зависимости от сферы функционирования жанровые варианты, такие как делопроизводственная автобиография или автобиографический рассказ, относящиеся к автобиографическому дискурсу и обладающие как своей спецификой, так и общими чертами. Описывая в совокупности эти практики и их особенности, мы осуществляем тем самым анализ автобиографического дискурса, выявление его особенностей.

Укажем параметры для описания автобиографического дискурса: цель; функции; ситуации обращения; участники дискурсивной деятельности; жанровые формы реализации дискурса и их композиция; пространственно-временные характеристики (хронотоп); соотношение субъективного и объективного начал; дискурсообразующие концепты; коммуникативные стратегии и тактики; средства языкового воплощения;

Цель исследуемых текстов – предоставление их авторами информации о себе и о своей жизни. Вследствие того, что информантами для диалектолога являются преимущественно представители старшего поколения и коммуникация носит неформальный, устный характер, целевой параметр может быть эксплицирован и репрезентирован разного рода вопросами, уточнениями, информацией о возрасте и сетованием на то, что информант ничего не помнит: *«Трещаться-то я люблю, только я не знаю, с какой стороны начинать. Папа, мама и так далее. А собственно говоря, кто здесь еще должен быть, в ваших этих записях, или вы чуть не сплошь, все старье собираете?»*; *«Стара стала, теперь уж все*

забыла». Подобные случаи не встречаются в делопроизводственных автобиографиях, поскольку сфера их порождения и функционирования не предполагает прямого, непосредственного взаимодействия с адресатом.

Тексты, составляющие автобиографический дискурс, являются полифункциональными. С одной стороны, они выполняют одинаковые функции: информационную, коммуникативную, социальную, культурную, дидактическую, являются своего рода историческими источниками, способами самоидентификации, самопрезентации. Вместе с тем, в зависимости от сферы их существования, та или иная функция проявляется в большей или меньшей степени. Так, на наш взгляд, социальная функция у делопроизводственных автобиографий является более выраженной. Эти документы создаются при определенной социальной потребности: составляющий автобиографию человек должен ее предоставить при поступлении в вуз, на работу и т.п. Коммуникативная и культурная функции, как представляется, проявляются в большей степени у диалектных автобиографических рассказов. Сама данная жанровая форма возникает в условиях непосредственной коммуникации, при которой существует обмен информацией между диалектологом и диалектоносителем или информантом и его внуками, соседями и т.п. и осуществляется передача культурно значимой информации, в связи с чем автобиографический рассказ может выполнять и дидактическую функцию: *«Я своими детьми очень довольна, не только звонят и письма пишут, и деньги шлют и посылки шлют, нельзя на своих детей, вот некоторые говорят, такой саякой, немзаный, сухой, нет, я ничего подобного не могу сказать...»*.

И тот, и другой тип исследуемых текстов может выступать историческим источником, однако речевой жанр автобиографии, функционирующий в делопроизводственной сфере, является документом, который требует сообщения точных дат, названий мест: городов, школ, вузов и т.д., что придает большую достоверность информации.

Ситуации обращения к текстам автобиографического дискурса. Специфичным для исследуемых текстов является их по-

рождение. Это спровоцированные тексты, возникшие в определенных условиях. Так, делопроизводственные автобиографии были написаны при поступлении в вуз, устройстве на работу или переизбрании на должность, главным условием при которых являлось составление автобиографии или заполнение специального бланка «Автобиография». Устные рассказы были записаны в результате обращения диалектолога к информанту с просьбой «Расскажите, пожалуйста, о своей жизни». Вместе с тем и в первом, и во втором типе текстов отражается их оформление по законам естественной коммуникации. Однако большинство делопроизводственных автобиографий совмещает черты естественной письменной речи (непрофессиональность исполнения) [12] и подготовленной, включающей стандартные конструкции официально-деловой коммуникации: *«Состояние здоровья в общем – удовлетворительное. Но уже три года совсем не отдыхал и чувствую крайнее переутомление и нервное расстройство. Использование моих знаний и сил на научно-учебной работе считаю наиболее целесообразным, но в условиях спокойной обстановки. Учебно-административной работой заниматься уже не могу».*

Участники дискурсивной деятельности определяются ситуацией, в которой порождаются исследуемые автобиографические тексты.

Главным участником этой дискурсивной деятельности является пишущий или рассказывающий автобиографию. При создании делопроизводственной автобиографии он предполагает адресата, того, кому может быть интересна информация, им предоставляемая. Автобиографии-документы, написанные в период с 1930 по 1980-е гг., являлись своеобразным инструментом контроля человека властью, поэтому люди стремились сообщать о себе как можно меньше информации, ее скрывать [11]. Например, в автобиографии, составленной примерно в 1946–1947 гг., автор отмечает, что в *«семье сужденных нет»*, а затем в автобиографии от 16.03.1953 г. указывает, что *«Отец ...NN, был осужден в 1938 г. и сослан с правом переписки. Позднее, в 1943 г. мать получила извещение, что он умер в мае 1942 г.»*. А. Юрчак использует понятие «перформа-

тивный сдвиг», под которым понимается смещение смыслов при сохранении формы [13. С. 25]. Люди писали автобиографии, формально соблюдая требования, отвечая на указанные в бланках вопросы, но при этом использовали стратегию умолчания.

В располагаемых нами диалектных автобиографических рассказах участниками коммуникации являются сам информант и диалектолог. Рассказчик видит перед собой собеседника, адресата, он не является скрытым от него. Как отмечает Н.В. Большакова, «диалектная речь, конечно, существует объективно вне зависимости от факта ее осознания исследователем. Однако научному описанию доступны записи, сделанные в полевых условиях» [14]. В условиях такой коммуникативной ситуации речевой жанр автобиографического рассказа является одним из ядерных. В отличие от официальных автобиографических практик, в которых не подразумевается непосредственного контакта с адресатом, в процессе повествования информант-диалектоносите́ль, сообщая о каких-либо важных с его точки зрения событиях и не желая при этом, чтобы его точка зрения была широко распространена, может попросить собирателя не записывать эту информацию, спросить, как будут использованы записи, воспринимая диалектолога как представителя власти: *«Что мне делать, квартиру дали, это сейчас кажется просто, а квартиру-то не очень-то добьешься, но однако же кто хочет, тот получает, во у N. же есть квартира, вы знаете же его, у K. есть квартира, еще, кто тут из молодых-то приехал. N.-то мой воспитанник ходил ко мне 4 года, ну вы это не записывайте, это не надо, ага...»*.

Жанровые формы реализации дискурса и их композиция. Автобиографический дискурс располагает различными речевыми жанрами, в центре которых стоят «Я» автора и его жизнь или ее отдельные этапы. Ядерным для данного вида дискурса является речевой жанр автобиографии, имеющий четкую структуру. Его композиция подразумевает стандартность изложения информации, которая определяется траекторией жизни человека: автобиографии выстраивают события от рождения их составителя до момента создания текста.

Особенностью большинства делопроизводственных автобиографий XX в. является их создание на специальных бланках, в которых указывались определенные требования к их содержанию, влиявшие на композицию текстов и языковое воплощение. В располагаемом материале было выявлено 7 типов бланков автобиографий (относятся к 1940, 1949, 1954, 1955, 1958, 1979, 1990 гг.) с требованиями отразить в документе сведения о рождении, социальном происхождении и родителях, образовании, трудовой деятельности, собственной семье, присутствуют требования, которые выясняют лояльность или латентную нелояльность человека к коллективу, учреждению, закону и в целом власти (вопросы о причинах перехода с одной работы на другую, родственниках, лишившихся избирательных прав, уголовном преследовании автора и его родственников, партийности) [11]. Эти требования, как правило, соблюдались, повествование о событиях осуществлялось в хронологической последовательности.

Типичный автобиографический рассказ в диалектной коммуникации строится по определенной схеме: в начале следует сообщение о годе, месте рождения. Затем сообщается о семье, в которой родился говорящий, родителях, хозяйстве. Потом говорящий представляет информацию о переезде, перемене места жительства, объясняет, как оказался в той или иной местности. Затем следует сообщение о событиях в личной жизни, о сферах деятельности. Далее повествуется о детях и их судьбе, о своей жизни в настоящее время. Однако коммуникативная ситуация, неподготовленность повествования, его устный характер обуславливают в исследуемом материале трансформации этой схемы: может быть нарушена хронологическая последовательность при рассказе о событиях, повествование может начинаться с рассказа о современном периоде жизни, в текстах могут отсутствовать некоторые элементы схемы. В рассказы о прошлом могут быть включены комментарии о жизни в настоящее время. И, наоборот, в повествовании о жизни в настоящее время упоминаются события, случаи из прошлого. Рассказчик может отвлекаться от основного повествования: «[о матери] она, я вот так вспоминаю, вспоминаю, у меня будут отступления или какие-то факты. Однако же, неграмотная жен-

щина осталась с детьми, в возрасте от десяти до восьми месяцев, пятеро детей...».

Пространственно-временные характеристики (хронотоп). Как правило, тексты автобиографического дискурса являются ретроспективно направленными. В них отражается «Я» говорящего или пишущего от времени рождения до момента порождения текста. Одной из особенностей этого дискурса является отсутствие в текстах повествования о будущем. В устных автобиографических рассказах могут встречаться высказывания о будущих событиях, как правило, уже известных говорящему, предсказуемых: *«Как рожденкой здесь жила, так и жить буду, пока не помру»*; *«Заболела, потом пошла в охрану работать сторожем, оттуда ушла на пенсию. Скоро семьдесят мне будет»*.

Пространственная организация автобиографических текстов обладает определенной спецификой, поскольку имеет несколько измерений.

С одной стороны, весь автобиографический текст помещен в пространство человеческой памяти. Информант или автор документа отбирает в памяти важные события из своей жизни, которые, по его мнению, составляют его автобиографию и в ней должны быть отражены. С течением времени на смену этим событиям могут прийти другие, оказавшие большее влияние на жизнь человека. Например, в исследуемом материале встречаются автобиографии одного и того же человека, но написанные в разные годы. Так, один из авторов в тексте 1936 г. указывает, что *«в 1931 г. окончил четырехмесячные курсы по подготовке на педфак NNN, но в университет не поступил, ввиду отказа администрации отпустить с работы на учебу»*, после этого в автобиографиях 1953 и 1974 гг. этот факт не упоминается, а есть лишь информация, что *«в 1936 г. я поступил на физико-математический факультет NNN, который и закончил с отличием в 1941 г. по металлофизической специализации»*.

С другой стороны, человек не может существовать вне времени и пространства, поэтому информация о пространстве постоянно сопровождает автобиографические тексты. Авторы при сообщении

о событии из жизни обращается к называнию места, в котором оно происходило / происходит: *«Я начальную школу окончила в Омске в период с 1938 по 1942 год»; «Это я ездила в Москву в 39 году за этих телят, как передовица, с Колпашиevo ездило с нашего района двадцать пять человек. И потом мне обратно путевка туда ехать, и как раз война».*

Соотношение субъективного и объективного начал является особенностью текстов автобиографического дискурса. Одной из главных характерных черт автобиографических текстов является субъективность повествования, которое, как правило, ведется от 1-го лица. Но, как уже отмечалось, в исследуемых текстах содержится информация не только о самом говорящем / пишущем, но и об окружающем его мире. Эти тексты могут использоваться в качестве исторических источников. В них может быть информация о том, как объективные причины повлияли на жизнь отдельного человека. В этом смысле сибирские автобиографические тексты включают и повествование о Сибири и людях, живших здесь, о жизни в этом регионе, о переселении в Сибирь: *«В связи с войной наша семья в 1942 г. была эвакуирована из Москвы в Томск»; «вскоре после этого родители были арестованы и высланы за пределы бывшей Саратовской губернии как политически неблагонадежные и дальнейшее обучение продолжил дома под руководством родителей»; «Днепр переплывали, которы плавали, которы плохо, а я сибиряк, хорошо плавал, а на второй день нас опять туда же собрали, меня ранили, и я попал в госпиталь, а старухе прислали похоронную».*

Дискурсообразующие концепты. Описание Сибири, ее природы, климатических условий, людей и т.д. проявляется в обоих типах исследуемых текстов, поэтому одним из дискурсообразующих концептов для автобиографических текстов, существующих в контексте сибирской словесной культуры, является концепт «Сибирь» и связанные с ним концепты «ссылка», «погода». Безусловно, важнейшими дискурсообразующими концептами являются концепты «жизнь», «семья», «работа», «время», «пространство». Особенностью диалектных автобиографических рассказов является взаимопроникновение концептов «жизнь» и «работа» [15].

Коммуникативные стратегии и тактики. Главной коммуникативной стратегией, используемой авторами автобиографических текстов, является стратегия самопрезентации. Самопрезентация как «акт самовыражения и поведения, направленный на то, чтобы создать у окружающих и у самого себя благоприятное впечатление» [16. С. 129], пронизывает все тексты. Как уже отмечалось, авторы производят отбор событий, сведений, которые, как они считают, нужно отразить в автобиографии, благодаря чему имеют возможность конструировать свою идентичность, раскрывать «удобные», нужные факты из своей жизни, формирующие «положительный» имидж.

В диалектных автобиографических рассказах положительное впечатление о себе может формироваться через повествование о ком-то другом, его поступках, зачастую с использованием цитат, чужой речи: *«Он [об учителе] встречается меня: “Ну как, Васенька, живешь?”». ...а я говорю: “Ниче”, а он нос так сморщил, он гнул: «Ниче, и я ниче». Все, с тех пор я никогда не говорил “ниче”. Ну почему не сказать “ничего”? А вот такие у нас учителя были, которые были сами неграмотные».*

Реализация данной коммуникативной стратегии осуществляется с помощью ряда тактик, среди которых используется тактика сравнения. Поскольку автобиографические рассказы представляют жизнь человека в динамике и повествование в основном ведется в форме прошедшего и настоящего времени, наблюдаются сравнения жизни в прошлом и в настоящем.

Наряду со стратегией самопрезентации, на наш взгляд, еще одной из главных стратегий, используемых при создании автобиографических текстов, является умолчание. Представляется, что она может использоваться как сознательно – в целях рассказать только «удобную» информацию о себе, а также неосознанно: при создании автобиографии авторы, как правило, выбирают только наиболее важные вехи своей жизни. К примеру, на момент поступления в университет в 1946 г. один из авторов в делопроизводственной автобиографии сообщает о родителях, об учебе в школе, о формировании взглядов на жизнь: *«Формированием моих взглядов на*

жизнь, на человека я обязан только книгам. Выучившись шести лет читать, я заразился страстной любовью к книгам...». После окончания университета в автобиографиях 1951 и 1979 гг. информацию о формировании взглядов автор не указывает.

Для делопроизводственной автобиографии XX в. использование стратегии умолчания было обусловлено еще и политическими причинами (страх ареста, задержания, репрессии), репрессивной политикой государства.

Средства языкового воплощения. Поскольку тексты автобиографического дискурса имеют общие черты, отметим, что главными дискурсообразующими языковыми средствами являются:

- лексические единицы, обозначающие факт рождения человека; наименования родства; собственные имена существительные (топонимы, антропонимы, названия организаций, учреждений); лексические единицы, входящие в лексико-семантические поля «образование», «возраст», «пространство», «работа»;

- на морфологическом уровне: личное местоимения «Я», притяжательные местоимения, количественные и порядковые числительные для обозначения даты рождения, возраста, количества человек в семье, даты, указывающей на важные события в жизни говорящего, периода времени, в течение которого происходило то или иное событие; глаголы в форме прошедшего и настоящего времени;

- на синтаксическом уровне можно отметить использование неопределенно-личных предложений, конструкций без активного субъекта с глаголами и глагольными формами единственного и множественного числа: *«Сразу же после окончания был оставлен ассистентом на кафедре палеонтологии»; «После этого мать подвергалась гонению со стороны белых, в связи с чем нам приходилось постоянно скрываться у крестьян. <...> С этой шахты меня перевели на коксовые печи».*

Для делопроизводственных автобиографий характерно использование клишированных конструкций: *«Под судом и следствием никто из родственников не находился», «Из близких родственников сужденных и репрессированных не имею. Сам не судим», «Ро-*

дители в белых, царской и красной армии не служили. К уголовной ответственности не привлекались. Органами советской власти не преследовались. Избирательных прав не лишались. За границей не жили»; «В советской армии не служил и в боях Отечественной войны не участвовал, на оккупированной территории не жил»; «Родственников за границей не имею» и т.п.

Наряду с признаками, характерными для официально-делового стиля, в текстах делопроизводственных автобиографий используются единицы, конструкции, стилистические фигуры, характерные для текстов других функциональных стилей, прежде всего разговорного и художественного.

Так, используются:

– разговорные лексические единицы, в том числе с суффиксами субъективной оценки: «За время прохождения ВВП в 1932 году получил небольшую премию (лыжная **шапочка**)»; <...> «Из родственников сейчас имею кроме отца, матери и родного брата следующих: дядя и **тетка** в Минусинске, один двоюродный брат **где-то** в РККА на Дальнем Востоке»; «В последнее время заведовал **энергофаком**»; «Отец, мать и единственная сестра были **зверски замучены гитлеровцами** в 1943 году в г. Ровно»;

– оценочные, экспрессивные слова и высказывания: **скверное** материальное положение; «Так как N.N. тогда проживал в Москве, то мне пришлось по нотариальному договору оставить родительский дом за собой, а половину причитающейся суммы (3 500 р.) выплачивать ему, причем мой брат, бывший тогда вполне обеспеченным научным работником, нашел условие, чтобы я, **неоперившийся, одинокий, 24-летний юноша, платил ему еще ... проценты**»;

– разнообразные выразительные средства, из которых можно отметить эпитеты, сравнения, метафоры: «Я без всяких сомнений поступил на математическое отделение физико-математического факультета Казанского университета, в который меня **влекло имя Лобачевского и сравнительная тишина Казани**»; «Поэтому И.Н. отказался от совместительства, чтобы **не порвать связь с родным политехническим институтом**»; «В те

чение некоторого времени я жил и воспитывался в интернате типа детского дома».

В исследуемых текстах встречаются инверсивные конструкции, характерные в основном для разговорного стиля: *«Из родственников имею только брата (рождения 1881 г.). Брат этот (В.Н.) выехал в США в 1919 г. Адреса его я не знаю, связи с ним никакой не поддерживаю и не знаю, жив он или нет».*

Интересным представляется наличие в текстах делопроизводственных автобиографий элементов «наивного письма». Авторы стремятся написать текст в официально-деловом стиле, использовать при этом характерные для него конструкции, обороты, большинство из которых формируют «псевдоофициально-деловой» стиль: *«Поэтому часто приходилось бросать учение и работать. Окончание было достигнуто благодаря самостоятельной работе, которая давала возможность заполнять пробелы, получающиеся в результате перерывов».*

Для диалектных автобиографических рассказов характерно использование единиц, входящих в лексико-семантическое поле «память»: *«Замуж вышла в такую же семью, плохо жила, как **вспомню**, так слезы брызжут из глаз, сами текут, никто не просит...»;* *«Уж и не **помню** почто Марфой стали звать...».*

В целом исследуемые устные автобиографические рассказы оформляются в разговорном стиле, в них используются конструкции с прямой, чужой, косвенной речью: *«А тогда в колхозе и кони были, и паслись кони, и сеяли все, и я верхом на конях ездила, и пасла, мама скажет: “Вот паси, только в хлеб не пускай, чтобы покатались не надо, посеяно у нас кругом”. А конь раз поскачет на пашню и катается...».* Вместе с тем встречаются лексические единицы и высказывания, характерные для официально-делового стиля: *«Сейчас я живу не одна. **Проживаю я с сыном**»;* *«А свекра по линии НКВД забрали»;* *«Ты, говорят, с ним не **легистрировалась**, ничего, была **союзительницей**»;* *«[о сестре] Жила на моём **изживении**, не получала».*

Таким образом, в контексте сибирской словесной культуры функционируют тексты, относящиеся к автобиографическому дис-

курсу. Он представлен разными речевыми жанрами, прежде всего ядерным речевым жанром автобиографии, имеющим разнообразные варианты, такие как, например, рассмотренные в данной работе делопроизводственная автобиография и устный автобиографический рассказ. Эти жанровые варианты имеют общие черты и ряд особенностей, обусловленных коммуникативной ситуацией, в которой они возникают и функционируют. Различия проявляются в функциях этих текстов, ситуациях обращения к ним, участниках коммуникации, жанровых, композиционных особенностях, средствах языкового воплощения. Представляются необходимыми дальнейшее исследование автобиографического дискурса и более глубокое изучение каждого из параметров его модели.

Литература

1. Никонova Н.Е., Ковалев П.А., Серягина Ю.С. «И клич об нем и слава мрачного философа летела отовсюду»: Ф. Ницше в зеркале сибирской дореволюционной периодики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 4 (42). С. 139–156.
2. Жиликова Н.В. «Центр или провинция?» областническая дискуссия в сибирской печати 1870–1880-х годов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, № 6. С. 13–19.
3. Тихомирова Е.Е. Бинарные оппозиции в творчестве сибирских писателей середины XIX – начала XX века // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 2-2. С. 384–388.
4. Губайдуллина А.Н. Образ крокодила в контексте анималистики современной сибирской поэзии для детей // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. Вып. 2 (179). С. 108–113.
5. Никиенко И.В. Дискурсивное синтезирование концепта «Апейрон» В «Сократе Сибирских Афин» В.Д. Колупаева: «Афинский» слой // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 229–238.
6. Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Современная сибирская деревня в фольклорном отражении (лингвокультурологическое описание) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 86–92.
7. Дёмина Л.В. Лирическая протяжная песня как центр жанровой системы Западносибирской песенной традиции // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 3 (47). С. 66–70.
8. Мельникова С.В. Духовная проза Сибири: дневники архиепископа Герасима (Г.И. Добросердова) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 29–35.

9. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика первой половины XIX века как социокультурный феномен // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 3. С. 11–15.

10. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.

11. Волошина С.В., Литвинов А.В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в Новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1 (10). С. 40–54.

12. Лебедева Н.Б. Естественная письменная речь как объект лингвистического исследования // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2001. № 1–2. С. 4–10.

13. Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 604 с.

14. Большакова Н.В. Взаимодействие дискурсов в диалектном тексте // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 54. С. 7–10.

15. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 26 с.

16. Майерс Д. Социальная психология. СПб. : Прайм-Еврознак, 2002. 1314 с.

AUTOBIOGRAPHICAL PRACTICES IN THE CONTEXT OF SIBERIAN VERBAL CULTURE

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2018, 16, pp. 35–51

DOI: 10.17223/23062061/16/3

Svetlana V. Voloshina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Keywords: verbal culture of Siberia, autobiography, discourse, speech genre, autobiographical story, autobiographical discourse, clerical autobiography.

The article describes the features of the speech genre of autobiography functioning in written formal and oral informal communication.

The material of the research is 300 clerical autobiographies written by residents of Tomsk in the 1920s–1990s, and 140 oral autobiographical stories recorded on the territory of Tomsk Oblast from Siberian old residents from 1940 to 2008.

The studied autobiographical practices form autobiographical discourse and their comparison, in the author's opinion, allows describing features of this discourse.

For this purpose the author analysed the material taking into account the following characteristics: purpose, functions, use, discourse participants, genre and composition, space and time, subjective and objective basis, concepts forming autobiographical discourse, communicative strategies and tactics, linguistic means.

The analysis of the material has shown that the investigated autobiographical practices have common and specific features. The differences are manifested in the functions of these texts, situations of their use, participants of communication, genre and composition characteristics, linguistic means.

The purpose of authors of all texts is to tell us about themselves and their life. All texts are provoked: clerical autobiographies are written when people apply for jobs, enter the university, and dialect autobiographical stories appear as a reaction of the informants to the dialectologist's request to tell about their life.

Texts perform informational, communicative, social, cultural, didactic functions, serve as historical sources, ways of self-identification, self-presentation. Communicative, cultural, didactic functions are more expressed in dialectal autobiographical stories, and social function in clerical autobiographies.

The texts belong to the speech genre of autobiography which has genre variants, such as clerical autobiography or autobiographical story, depending on the sphere of functioning. The main participant of communication in this type of discourse is the author of an autobiography. The addressee of a clerical autobiography is unknown to the author. Oral autobiographical stories are recorded in the situation of communication between a dialectologist and an informant.

A feature of the autobiographical texts is the chronological sequence of events, which corresponds to the trajectory of human life, but violation of it is possible in oral autobiographical stories.

The main communicative strategies which authors use during the creation of autobiographical texts are self-presentation and omission.

Basic concepts forming autobiographical discourse are "life", "family", "work", "time", "space" and, in particular, the concept "Siberia".

Clerical autobiographies are created with officialese in an official style and autobiographical stories in a conversational style. The latter are characterised by the use of structures with direct and someone else's speech.

References

1. Nikonova, N.E., Kovalev, P.A. & Seryagina, Yu.S. (2016) And the word about him, and the fame of a gloomy philosopher was heard from everywhere": Friedrich Nietzsche in the mirror of Siberian prerevolutionary periodicals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4(42). pp. 139–156. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/42/11
2. Zhilyakova, N.V. (2010) "Tsentri ili provintsiya?" oblastnicheskaya diskussiya v sibirskoy pechati 1870–1880-kh godov ["Center or province?" Regional discussion in the Siberian press of the 1870–1880s]. *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. History and Philology*. 9(6). pp. 13–19.
3. Tikhomirova, E.E. (2016) Binarnye oppozitsii v tvorchestve sibirskikh pisateley serediny XIX – nachala XX veka [Binary oppositions in the works of Siberian writers of the mid-19th – early 20th century]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 2-2. pp. 384–388.
4. Gubaydullina, A.N. (2017) Image of crocodile in the context of modern Siberian literature for children. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univer-*

siteta – *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2(179). pp. 108–113. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-2-108-113

5. Nikienko, I.V. (2014) Discursive synthesis of the Apeiron concept in the novel “Socrates of the Siberian Athens” by Kolupayev: The Athenian layer. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Philological Journal*. 4. pp. 229–238. (In Russian).

6. Tubalova, I.V. & Emer, Yu.A. (2007) Sovremennaya sibirskaya derevnya v fol’klornom otryazhenii (lingvokul’turologicheskoe opisanie) [Modern Siberian village in folklore reflection (a linguocultural description)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 86–92.

7. Demina, L.V. (2016) Lyrical melodious song as centre of the West-Siberian tradition genre system. *Vestnik Chelyabinskoy gos. akademii kul’tury i iskusstv – Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 3(47). pp. 66–70. (In Russian).

8. Melnikova, S.V. (2011) Spiritual prose of Siberia: diaries of archbishop Gerasim (G.I. Dobroserdov). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 346. pp. 29–35. (In Russian).

9. Matkhanova, N.P. (2005) Sibirskaya memuaristika pervoy poloviny XIX veka kak sotsiokul’turnyy fenomen [Siberian memoirs of the first half of the 19th century as a socio-cultural phenomenon]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 11–15.

10. Arutyunova, N.D. (1990) Diskurs [Discourse]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskij Entsiklopedicheskij slovar’* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 136–137.

11. Voloshina, S.V. & Litvinov, A.V. (2016) Anatomy of a clerical autobiography in the contemporary history of Russia: composition and content of texts. *Tekst. Kniga. Knigoznanie – Text. Book. Publishing*. 1(10). pp. 40–54. (In Russian). DOI 10.17223/23062061/10/3

12. Lebedeva, N.B. (2001) Estestvennaya pis’mennaya rech’ kak ob’ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Natural written speech as an object of linguistic research]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1-2. pp. 4–10.

13. Yurchak, A.V. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos’*. *Poslednee soetskoe pokolenie* [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

14. Bolshakova, N.V. (2009) Vzaimodeystvie diskursov v dialektnom tekste [Discourse interaction in the dialect text]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 54. pp. 7–10.

15. Voloshina, S.V. (2008) *Rechevoy zhanr avtobiograficheskogo rasskaza v dialektnoy kommunikatsii* [Speech genre of an autobiographical story in dialect communication]. Abstract of Philology Cand Diss. Tomsk.

16. Myers, D. (2002) *Sotsial’naya psikhologiya* [Social psychology]. Translated from English. St. Petersburg: Praym-Evroznak.

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 002 (571.16)

DOI: 10.17223/23062061/16/4

Т.П. Карташова

ОТРАЖЕНИЕ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПРОДУКЦИИ РУБЕЖА XIX–XX вв.*

***Аннотация.** В статье рассматриваются издательские стратегии одного из самых издающих центров Сибири – университетского Томска. Наряду с научной книгой в Томске печатались произведения общерусских классиков. Особым спросом пользовались романы и рассказы Л.Н. Толстого. Отмечается особое отношение томищей к наследию Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя и И.А. Гончарова. На рубеже XIX–XX вв. активно шел процесс формирования корпуса местных текстов, наиболее авторитетных для местной читающей публики. Появляются собственные «сибирские классики» народническо-областнического направления и молодежь, идущая в авангарде передовых идей и модных течений.*

Ключевые слова: словесная культура, региональная издательская продукция, Сибирь, Томск, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь.

Уникальность и неповторимость каждого города и региона находят отражение как во внешнем облике: городском ландшафте, своеобразной архитектуре, так и в менталитете жителей, их ценностных установках и представлениях. В каждом регионе существуют своя история, свой оригинальный литературный процесс, свой авторский корпус и читательские предпочтения, свое восприятие столичной и общероссийской культуры, собственные издательские стратегии.

В конце XIX в. Томск становится не только первым за Уралом университетским городом, но и одним из наиболее активных издающих центров Сибири. Печатную продукцию выпускали типо-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ и Администрации Томской области (в рамках научного проекта № 17-14-70006 а (р)).

графии и типолитографии П.И. Макушина (перешедшей Сибирскому товариществу печатного дела), М.Н. Кононова и И.Ф. Скулимовского, К.А. Орлова (позднее Н.И. Орловой), Л.Д. Прейсмана и Н.Я. Беляева, В.М. Перельмана, товарищества скоропечатни А.А. Левенсона, товарищества «Печатня С.П. Яковлева», Томского епархиального братства и др. [1. С. 31–32].

Хорошая полиграфическая база томских типографий и литографий позволяла также издавать Ф.П. Романовым в 1893–1910 гг. богато иллюстрированные «Сибирские торгово-промышленные и справочные календари» и ежегодные «Путеводители по всей Сибири и среднеазиатским владениям России» В.А. Долгорукова (Томск, 1895–1904 гг.).

Помимо трех высших учебных заведений (Императорского Томского университета, Томского технологического института и Сибирских высших женских курсов) здесь функционировало до двух десятков средних и специальных учебных заведений, множество ведомственных и общедоступных библиотек, более полусотни научных, благотворительных и культурно-просветительных обществ, что способствовало выпуску сравнительно большого количества печатной продукции.

При изучении тематики дореволюционных томских изданий было установлено, что преобладают книги историко-статистического, краеведческого и справочного содержания: путеводители по городу Томску, памятные книжки и обзоры Томской губернии, отчеты, уставы, инструкции городovým и циркуляры для местных учебных заведений и множество других исторических и статистических материалов, раскрывающих административную и хозяйственную жизнь губернского города. Как и вся остальная книгоиздающая провинция, Томск вносил в общий поток российского книгоиздания прежде всего утилитарную, ведомственную, деловую книгу. Однако имелись и существенные особенности.

Статистика печатной продукции, опубликованная в журнале «Сибирские вопросы», свидетельствует о том, что Томск шел с очень большим отрывом от всех остальных городов. Если в Барнауле и Тобольске за 1911 г. было напечатано по 6 изданий, в Ом-

ске – 31, Иркутске – 33, Владивостоке – 72, то в Томске за этот же период вышло 174 книги и брошюры [2. С. 80].

Выпускалось много книг по медицине, химии, физике, биологии. Печатались учебники и учебные пособия по техническим специальностям, что объяснялось наличием в губернском центре высших учебных заведений. Именно для Томска было характерно значительное преобладание научного книгоиздания [3. С. 119].

Несмотря на необходимость наличия цензурного разрешения, которое выдавалось только в центре, более низкую, чем в столицах, покупательную способность и читательскую активность местного населения, в Томске отдельными изданиями и в газетно-журнальном варианте выходили литературные произведения, в том числе русская классика. Классические произведения общерусских авторов изучались в школе, их заучивали наизусть, соответственно, они становились более востребованы на книжном рынке. Классические тексты были легко узнаваемы и часто цитируемы, вплетались в письменную и устную речь, становились нормой языка.

Наиболее часто к сюжетам и героям классических произведений обращались в периодических изданиях, особенно частных. В постоянных рубриках сибирских газет, посвященных театральной и культурной жизни, в фельетонах, обзорах, в местной хронике герои классических произведений русской литературы нередко обретали «вторую жизнь» (особенно это касалось персонажей сатирических) [4. С. 5].

Активно использовались тексты А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, М.Е. Салтыкова-Щедрина. Так, в январе 1912 г. в газете «Сибирская жизнь» в разделе «Фельетон» появилась статья А.Н. Шипицына (псевдоним «Шип») «Век нынешний и век минувший» по Грибоедову» [5], вскоре был напечатан ее отдельный оттиск [6]. «Для общерусской и местной жизни из “Горя от ума”, как из цветущего, неувядающего сада, вы можете и ныне, для наших дней нарвать букет разнообразнейших характеристик, крылатых слов и метких поговорок, и пожеланий по поводу многих явлений жизни, событий или лиц», – пишет автор фельетона. Прямые цитаты из

«Горя от ума» прекрасно подходили как для изображения общественно-политической ситуации в России (о бюрократии, свободе печати), так и к событиям томской жизни (деятельность городской думы, общественных организаций, характеристика профессоров и т.д.).

Благодаря высокому «коэффициенту узнавания» [7. С. 234] литературных образов, гоголевские и щедринские персонажи часто служили для сатирического осмысления современных сибирских типов.

В «Сибирской газете», «Сибирском вестнике» и «Сибирской жизни» нередко публиковались переводы популярных за рубежом англоязычных [8], немецких [9, 10] и французских авторов, в основном современных: Э. Золя, А. Франс, Г. де Мопассан, А. Доде, символисты П. Верлена, С. Малларме, А. Рембо и др. [11. С. 9–12].

Первым среди русских классиков, чьи произведения были напечатаны в г. Томске отдельными изданиями, был Л.Н. Толстой [12]. Предоставленное писателем право перепечатывания некоторых его произведений сделало возможным более широкое и более быстрое их распространение. Этим правом воспользовались некоторые издатели после появления в печати нового произведения Л.Н. Толстого «Хозяин и работник». В Москве, в типографии И.Д. Сытина, рассказ был напечатан в 1895 г. [13]. В этом же году вышло и аналогичное издание в типографии П.И. Макушина, большим для того времени тиражом 3 000 экземпляров. Цена книжки составляла всего 10 копеек и была вполне доступна широкой читающей публике [14].

Как крупное событие в литературной жизни Томска был воспринят новый роман Л.Н. Толстого «Воскресение». Газета «Сибирская жизнь» за 27 и 30 марта 1899 года (№ 68 и 70) поместила на своих страницах выдержки из первых четырех глав романа, а также характеристики его главных героев. В декабре 1899 г. П.И. Макушиным было получено цензурное разрешение на издание всего произведения. Роман «Воскресение» вышел в Томске в 1900 г. двумя книжками небольшого формата тиражом 1 500 экземпляров [15]. Тираж книги разошелся весь, а роман достаточно быстро стал библиографической редкостью.

Идея продвижения в народные массы света знаний, культуры через издание дешевых, доступных по цене книг была продолжена кооперацией. В 1918–1919 гг. выходят сразу три произведения Л.Н. Толстого: «Хаджи-Мурат» [16], «Хозяин и работник» [17] и «Кавказский пленник» [18]. Несмотря на плохое качество бумаги, все три издания отличаются хорошим полиграфическим исполнением и привлекают взгляд интересным сюжетно-тематическим оформлением обложек.

При жизни Льва Николаевича к нему шли толпы посетителей-паломников, стремящихся увидеть живую легенду, услышать, что он говорит, получить ответы на многие вопросы, а после его смерти в 1910 г. начался поистине ажиотажный спрос на его произведения. В публичной библиотеке «Толстой зачитан до дыр» [19]. Газета «Сибирская жизнь» отмечала, что разбираются все новые издания моментально. В книжных магазинах книги Толстого и о нем «расходятся в лет». В 1911 г. за неделю пьеса Толстого «Живой труп» разошлась в Томске в количестве 230–240 экземпляров, предполагалась постановка пьесы в местном театре [20].

У томичей в отношениях с Л.Н. Толстым прослеживаются многочисленные личные связи. О своей встрече с Толстым пишет вновь приехавший инспектор П.Т. Виноградов [20. № 7. 11 янв.], штатный смотритель учебного округа П.А. Буткеев ведет с Толстым переписку [21], профессор И.А. Малиновский посылает Толстому свои научные труды и получает положительный отзыв [19. № 265. 27 нояб.], П.И. Макушин в своих мемуарах пишет о встрече с Толстым как незабываемом эпизоде своей жизни [22].

Выпускник томской гимназии, а с 1910 г. личный секретарь Л.Н. Толстого Валентин Федорович Булгаков оставляет пространные воспоминания, которые публикуются в газете «Сибирская жизнь» за 1911 г. [20. № 127. 10 июня]. Здесь же печатаются посмертные рассказы Л.Н. Толстого «После бала» [19. № 253. 16 нояб.], «Алеша Горшок» [19. № 257. 20 нояб.], «Отец Сергей» [19. № 274. 13 дек.] и др.

Особое отношение к Толстому проявлялось не только в публикациях его произведений на томской земле, вокруг его имени разгорались страстные дискуссии на страницах периодики, появля-

лись публицистические издания, направленные на дискредитацию его взглядов либо в их защиту.

Так, в 1911 г. вокруг имени писателя разгорелись нешуточные страсти, когда томские священнослужители отказались освятить вновь выстроенную городской думой школу, названную в честь Толстого [20. № 187. 24 авг.]. Тогда же появились заказные произведения, призванные оправдать поведение ревнителей церковного благочестия. Среди них профессор богословия И.Я. Галахов, написавший по горячим следам по просьбе епископа Макария брошюру «Религиозное мировоззрение Льва Николаевича Толстого», в которой подробно разбирается учение писателя [23].

Вокруг имени еще одного классика русской литературы, Ф.М. Достоевского, также долго не утихали споры. Произведения Достоевского в Томске не печатали, были лишь отдельные публикации в периодической печати о его пребывании в Сибири [24]. Неоднозначное отношение к Ф.М. Достоевскому и его произведениям прослеживается на протяжении длительного времени. С его именем в Томске было связано одно потрясающее по своей жестокости событие, которое взорвало не только томскую периодическую печать, но и нашло отклик в столичном журнале «Сибирские вопросы» [25].

12 мая 1909 г. Томская церковно-учительская школа была закрыта, все ученики распущены. Вместе с ней была закрыта и церковно-приходская двухклассная школа, состоящая при церковно-учительской. В Томске 8 мая 1909 г. ночью в своей квартире был задушен заведующий школой, редактор патриотической (черносотенной) газеты «Сибирская правда» иеромонах о. Игнатий Двиницкий.

Приехав в Томск, молодой заведующий (ему было около 30 лет), выпускник московской духовной академии круто изменил привычный распорядок школы. Хотя его педагогическая система и вызывала многочисленные нарекания, сам факт убийства был случаем экстраординарным. Убийцами оказались ученики церковно-учительской школы Герасим Юринов и Григорий Куинов, будущие педагоги, народные учителя, надежда и «цвет» молодой Рос-

сии. «В разговорах с товарищами Юринов высказывал убеждение, что слабых людей, как в физическом, так и в умственном отношении, нужно уничтожать, так как они вредны и мешают правильному развитию людей нормальных. К числу таких вредных людей он относил и Игнатия. Незадолго до совершенного им убийства Юринов, по прочтении романа Достоевского “Преступление и наказание”, беседуя с товарищами, оспаривал правильность заключений Достоевского относительно нравственных мук и угрызений совести совершавшего убийство. Сильный человек не должен этого испытывать, говорил Юринов и высказывал товарищам желание проверить Достоевского и на себе убедиться, что испытывают убивающий и его жертва» [25. С. 36–37].

Из слов обвиняемых общественностью Томска был сделан однозначный вывод – дети начитались Достоевского. Не понимая главной гуманной идеи произведения, они взяли на вооружение лишь отрицательные черты главного героя.

И в последующие годы отношение к Ф.М. Достоевскому у томской публики продолжало оставаться сложным и неоднозначным. В 1913 г. в «Сибирской жизни» появляется статья «Еще о карамазовщине» о протесте М. Горького против постановки на сцене Художественного театра романов Достоевского. «Вся деятельность Достоевского-художника, – говорил в открытом письме М. Горький, – является гениальным обобщением отрицательных признаков и свойств национального русского характера, я уверен, что образы его на сцене театра, подчеркнутые игрой артистов, приобретают убедительность и завершенность большую, чем на страницах книг» [26].

В публичной лекции, произнесенной в Томске в 1916 г., профессор М.А. Рейснер называл Ф.М. Достоевского политическим ретроградом, хотя при этом он считал его великим этическим мыслителем [27]. Самые распространенные определения, встречающиеся в томских газетных текстах того времени, – «достоевщина», «карамазовщина», «нечаевщина» и т.п.

Основная идея большинства публикаций о писателе сводилась к двум формулировкам: Достоевский – это реакционер, он не демократичен, но при этом он является великим художником и гени-

ем. Однако будет лучше, если его произведения не пропагандировать. И в Томске его не пропагандировали и не издавали.

Соответственно, с приходом к власти большевиков тут же вспомнили о Достоевском. В «Сибирской жизни» от 9 января 1918 г. появляется статья «Достоевский и русская революция», в которой проводилась прямая параллель между Лениным, Троцким, Каменевым и другими большевиками с романом «Бесы» [28].

Не совсем однозначным было и отношение и к Н.В. Гоголю. Если от Пушкина идет реалистическое, жизнеутверждающее начало, – говорилось в одной из критических статей, посвященных литературной жизни, – то от Гоголя-мистика в русской литературе появились вся эта чертовщина и декаданс [29]. При этом никогда не отрицалось и не бралось под сомнение общественное значение других, не мистических, произведений Гоголя. В томской периодике всесторонне освещалось значение гоголевского творчества для русской литературы, для русской общественной и культурной жизни [30]. Широко и с размахом праздновались его юбилеи в 1902 и 1909 г. [31]. О нем читались лекции, проводились народные чтения. Но особой популярностью пользовались именно ранние его рассказы, они же и были переизданы Томским союзом кооперативов в 1918–1919 гг.: «Вий», «Пропавшая грамота», «Сорочинская ярмарка», «Страшная месть», «Майская ночь, или Утопленница», «Ночь перед Рождеством».

Отсутствие в Сибири поместного дворянства и усадебной культуры способствовали своеобразному восприятию романов и героев И.А. Гончарова. Еще в 1875 г. тобольским писателем М.С. Знаменским, больше известным как художник-карикатурист, археолог, этнограф и краевед, была напечатана пародия на роман И.А. Гончарова «Обрыв». Книга вышла под названием «Обрыв». Роман классический, картинный, отменно длинный, длинный, длинный, и сатирический и чинный» [32], в нем дается юмористическое изображение событий из романа И.А. Гончарова с комическим текстом. На титуле книги сатирически изображены основные герои гончаровского романа. Далее следует вступление под заголовком «Нечто вроде пролога»: «В одном приволжском городке

открыл я рукопись, склеенную из миллиона лоскутков. История этой рукописи следующая: несколько лет тому назад, во время проезда начальника губернии через городок этот, из окна того дома, где изволил остановиться Его Пр-во, вылетела куча рваной бумаги, на которую и бросились обывательские куры со всех сторон, приняв за какую-то куриную крупу эти, как снег, посыпавшиеся обрывки бумаги. Находившийся же по соседству исправник обрывки эти принял за изорванные Его Пр-вом доносы на него, исправника, и, со свойственным ему самоотвержением, отважно вступил в ожесточенную борьбу с курами и успел спасти многое. Обрывки эти оказались сказанием о жизни некоего художника Бориса Райского. Я воспользовался этой рукописью, иллюстрировал ее и, предлагая читателю, долгом считаю объяснить, что если ему встретится какая-нибудь недомолвка или недостаток связи, то причиной тому обывательские куры, успевшие поклевать многое. Мих. Знаменский».

Пародия М.С. Знаменского скорее напоминает комиксы, где каждая картинка имеет подпись юмористического содержания. Так, на одной из картинок изображены бурлаки, тянущие бечеву. Но вместо изможденных тяжелым трудом бурлаков мы видим празднично разодетых мужчин. Они в сапогах на каблуках, с лентами и брошами на тулях шляп. А под карикатурой подпись: «Широкая Волга... бурлаки с их нескончаемыми веселыми песнями заронили в младенческую душу Райского стремление к изящному и первый зародыш артистического чувства» [32. С. 3].

В конце романа под рисунком находится следующая запись: «Борис Райский, разыгрывая из себя болвана, понял, что природа создала его именно для делания болванов, и отправился за границу учиться скульптуре» [Там же. С. 56].

В 1892 г. в Томске, в типографии П.И. Макушина, была напечатана еще одна пародия на роман И.А. Гончарова «Обломов» под названием «Утро Обломова» [33]. Как и Знаменский, автор пародии Иннокентий Петрович Кузнецов-Красноярский, известный сибирский золотопромышленник, меценат, археолог и историк, в большей степени был известен своими краеведческими трудами.

Появление подобных произведений в местной печати лишний раз подчеркивает, что проблемы героя-дворянина были в Сибири не актуальны, вызывали усмешку и становились объектом для пародирования.

Освоение образцов классического наследия русской литературы шло по пути заимствования тем, идей и образов. Что-то легко усваивалось, становилось своим, что-то отвергалось как инородное и ненужное. Сибирь не противопоставлялась всей России. Справедливо считалось, что этот край – неотделимая часть страны, но литература, как и природно-географические условия, имела свои особенности, собственные сюжеты, своих героев, свои наиболее популярные жанры.

Просматривая печатную продукцию Томска, мы обнаруживаем развитие локальной тематики и наличие местных героев. Так, одним из самых популярных героев томских литераторов был старец Фёдор Кузьмич, которого по легенде считали императором Александром I. В 1912 г. в Томске отдельными изданиями выходят «Таинственный старец...» [34] и «Легенды о таинственном старце Фёдоре Кузьмиче» тиражом в 5 000 экземпляров [35]. В 1912 г. газета «Сибирская жизнь» печатает отрывок из романа Мережковского «Александр 1. Фёдор Кузьмич» [36]. Публикации о местном святом появляются в местных справочных изданиях, таких как «Город Томск» [37].

В течение некоторого времени в эпицентре внимания томской общественности и печати становятся кровавые события черносотенного погрома, унесшего в октябре 1905 г. больше сотни жизней. Отражением этих локальных событий стали несколько публицистических изданий [38, 39] и роман В. Курицына «В зареве пожара» [40].

Местные литераторы на протяжении всего XIX и начала XX в. продолжали печататься в столичных газетах и журналах. Отдельными изданиями их произведения выходили в Москве и Санкт-Петербурге, но какая-то часть была напечатана и в Томске. Но их было немного. По подсчетам, сделанным А.В. Яковенко по «Сводному каталогу сибирской и дальневосточной книги», в 1906–1910 гг.

во всей Сибири было выпущено всего около 50 художественных книг (из более чем 1 700 вообще вышедших из печати изданий) [41. С. 88]. К ним относятся романы В. Курицына «Томские трущобы» и его продолжение «Человек в маске», которые после газетного варианта вышли отдельной книгой и выдержали два издания, разошедшиеся полностью и довольно быстро [42–44].

В Томске печатались коллективные [45, 46] и авторские поэтические сборники: три сборника стихов Г.А. Вяткина, по два издания стихотворений Всева Сибирского (псевдоним В.А. Долгорукова) и Михаила Цейнера; стихотворения Е. Бахарева, П. Драверта, И. Тачалова, П. Шебекова и т.д. Но большая часть текстов существовала в газетно-журнальном формате.

В «Сибирской газете» были опубликованы роман К.М. Станюковича «Не столь отдаленные места. Роман из сибирской жизни» [47] и очерк В.Г. Короленко «Из записной книжки. (“Черкес”» [48]. После напечатания в газете, они часто выходили отдельным изданием [49].

На рубеже XIX–XX вв. очень активно шел процесс формирования корпуса местных текстов, наиболее читаемых и цитируемых. Эти тексты считались наиболее авторитетными для местной интеллигенции и читающей публики. Был создан «пантеон» сибирских классиков, к которым традиционно относились такие писатели, как И.В. Федоров-Омулевский, Н.И. Наумов, областники Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев. К сибирским классикам автоматически причислялись русские писатели, какое-то время жившие и творившие в Сибири и Томске – К.М. Станюкович, Г.И. Успенский, В.Г. Короленко.

Литераторами-классиками становились и местные публицисты и краеведы: А.В. Адрианов, Н.А. Костров, Д.Н. Беликов, И.П. Кузнецов-Красноярский, Д.А. Клеменц и др. В Томске были напечатаны многие работы Г.Н. Потанина [50, 51].

Если в целом рассматривать репертуар дореволюционной томской печатной продукции, то он выглядит достаточно консервативным: научная, статистическая, справочная и краеведческая литература. Перепечатка литературных произведений, предпринятая кооперативами в 1918 г., во многом повторяет репертуар изданий рубежа веков: Л.Н. Толстой, Н.В. Гоголь, В.Г. Короленко,

Н.А. Рубакин, Н.И. Наумов. Это свидетельствует о наличии устойчивой народническо-областнической традиции, воспроизводящей основные коды сибирского менталитета.

Помимо высокой концентрации образованной интеллигенции, губернский Томск был еще и городом студенческим, городом молодежным. А молодежь всегда шла в авангарде передовых идей и модных течений, не боялась осваивать новые художественные формы. Появляется плеяда местных молодых литераторов, получивших название «Молодая Сибирь» (Вяч. Шишков, Г. Гребенщиков, И. Гольдберг и др.). В 1913 г. в Томске учащиеся реального и политехнического училищ В.П. Микулин и М.Б. Барахович открывают свое издательство «Факел», которое впоследствии поменяет несколько мест и будет переведено в Санкт-Петербург [52. С. 14]. В издательстве печатаются поэтические сборники «Зимние радуги», «Черные розы». На обложке сборника стихов М. Бараховича «Королевна» использована репродукция картины одного из основоположников стиля модерн, гениального английского графика Обри Бердслея «Прекрасная Изольда в саду наслаждений» (иллюстрация для книги Т. Мэлори «Смерть Артура») [53–55].

Изучение зарубежного опыта и восприятие новых течений в литературе и искусстве находят свое воплощение в изданиях нового типа, которые появляются в Томске в последнее предоктябрьское десятилетие. Так, опубликованный в «Сибирской жизни» за 1910 г. цикл «Литературные очерки», в котором томская журналистка А.С. Качоровская представляет достаточно профессиональный анализ стиля и содержания поэзии Ш. Бодлера, в этом же году выходит отдельным изданием. Книга называется «Заметки о модернизме. Шарль Бодлер». [56]. По форме книга похожа на альбом, печатный текст расположен в центральной части страницы, более 70% занимают огромные поля, что говорит не только о поиске новых современных тем, но и о поиске новых форм, об экспериментах в оформлении книги.

Таким образом, картина томского книгоиздания оказалась значительно интереснее и богаче, чем предполагалось. По сравнению с другими сибирскими городами книжная продукция Томска была более разнообразна в видовом и тематическом планах и многоти-

ражна, в большей степени ориентирована на общероссийский уровень издательской практики.

Таким образом, в книгоиздательской и газетно-журнальной практике, с одной стороны, особенно четко видны ориентиры на лучшие образцы общероссийского и мирового масштаба (Л.Н. Толстой, переводы французских, немецких и англоязычных классиков, ориентация на современную модернистскую литературу), а с другой – заметна поддержка собственных писателей. Творчески следуя традициям русской литературы, нередко удавалось перевоплощать общерусские мотивы в «сибирские», находить своих героев, новые темы и сюжеты, обогащать их собственными переживаниями, наблюдениями и жизненным опытом.

Несмотря на преобладание народнической и областнической литературы как в художественной литературе, так и в публицистике, в томской издательской практике отсутствует единообразие. Сибирская провинция не замыкалась на своих узких региональных темах и сюжетах и, впитывая мировой опыт, пыталась выйти на общероссийский уровень, тиражируя наиболее приемлемые для нее образцы.

Литература

1. Дмитриенко Н.М. Типографии старого Томска (первая половина XIX – XX в.) // Вторые Макушинские чтения. Томск, 1991. С. 29–32.
2. Сибирские вопросы. СПб., 1912. № 11–12. С. 79–81.
3. Эрлих В.А. Научная книга Сибири и Дальнего Востока. Дореволюционный период. Итоги исследований // Седьмые Макушинские чтения. Новосибирск, 2006. С. 117–120.
4. Жилиякова Н.В. Рецепция русской классики в томской дореволюционной журналистике. М. : Флинта: Наука, 2015. 208 с.
5. Сибирская жизнь. 1912. № 24, 29 янв.
6. Шип. «Век нынешний и век минувший» (По Грибоедову). Томск : Типо-литогр. Сиб. т-ва печатного дела, 1912. 13 с.
7. Багно В.Е. «Коэффициент узнавания» мировых литературных образов // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1997. Т. 50. С. 234–241.
8. Переводы английской и американской литературы в дореволюционной периодике Сибири: хрестоматия / В.Н. Горенинцев, Н.Е. Никонова, Д.А. Олицкая. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 251 с.
9. Серягина Ю.С. Немецкая поэзия XVIII–XIX вв. в сибирской печати 1880–1910 гг. // Текст. Книга. Книгоиздание. 2017. № 13. С. 57–75.

10. Переводы немецкой литературы в дореволюционной периодике Сибири: хрестоматия / Н.Е. Никонова, Ю.С. Серягина, Д.А. Олицкая. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 203 с.

11. Родченко Ю.И. Французская литература в Томской периодике конца XIX – начала XX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 23 с.

12. Карташова Т.П. Томские издания произведений Л.Н. Толстого // Лев Толстой и время : сб. ст. / ред. Э.М. Жиликова, И.Ф. Гнусова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 253–257. (Русская классика: Исследования и материалы. Вып. 5)

13. Толстой Л.Н. Хозяин и работник: Рассказ. М. : Тип. И.Д. Сытина, 1895. 96 с.

14. Толстой Л.Н. Хозяин и работник / Кн. магазин П.И. Макушина. Томск : Тип. П.И. Макушина, 1895. 63 с.

15. Толстой Л.Н. Воскресение: Роман : в 3 ч. / Изд. кн. магазина П.И. Макушина в Томске. Томск : Паровая типо-литогр. П.И. Макушина, 1900. Ч. 1–3. 510 с.

16. Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. Томск : Издание Томского союза кооперативов ; Пар. Тип. Томского союза кооперативов, 1919. 99, [1] с.

17. Толстой Л.Н. Хозяин и работник. Томск : Издание Томского союза кооперативов ; Тип. Томского союза кооперативов, 1918. 56 с.

18. Толстой Л.Н. Кавказский пленник: Рассказ. Томск : Издание Томского союза кооперативов ; Пар. Тип. Томского союза кооперативов, 1918 (на обл. 1919). 23, [1] с.; Посмертные произведения.

19. Сибирская жизнь. 1910. № 285. 22 дек.

20. Сибирская жизнь. 1911. № 224. 12 окт.

21. Никитина Л.В. Л.Н. Толстой – П.А. Буткееву // Былое и новь: Краеведческий альманах. Томск, 1992. С. 199–201.

22. Макушин П.И. Свидание с Л.Н. Толстым // НБ ТГУ. Фонд архивных документов. Ф. 4. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

23. Галахов И.Я. Религиозное мировоззрение Льва Николаевича Толстого / Изд. Попечительства о бедных при кафедре Архиепископа Томского. Томск : Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1911. 28 с.

24. Булгаков В. Ф.М. Достоевский в Кузнецке // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1904. № 221. 10 окт.

25. Иеромонах Игнатий и его система // Сибирские вопросы. 1909. № 20. 30 мая. С. 24–37.

26. Сибирская жизнь. 1913. № 243. 5 нояб.

27. Сибирская жизнь. 1916. № 270. 13 дек.

28. Достоевский и русская революция // Сибирская жизнь. 1918. № 5. 9 янв.

29. Колтоновская Е. Молодая литература. Альманах Шиповник // Сибирская жизнь. 1910. № 225. 10 окт.

30. Малиновский И.А. Общественное значение литературной деятельности Гоголя // Сибирская жизнь. 1909. № 76. 11 апр.

31. Столетие Гоголя в Томске // Сибирская жизнь. 1909. № 53. 8 марта.

32. Знаменский М.С. «"Обрыв". Роман классический, картинный, отменно длинный, длинный, длинный, и сатирический и чинный». Тюмень, 1875. 57 с.

33. «Утро Обломова»; сцены в одном действии. Переделал из романа И.А. Гончарова И. Кузнецов-Красноярский. Томск : Типо-литогр. Михайлова и Макушина, 1892. [4], 41 с.

34. Таинственный старец Фёдор Козьмич в Сибири и Император Александр I / Том. кружок почитателей старца Фёдора Козьмича; Изд. Д.Г. Романова. Томск, [1912]. 8, 184 с., ил.

35. Легенда о таинственном старце Фёдоре Кузьмиче: С портр. / Л.Н. Толстой, Д. Мережковский, Н. Василенко, А.В. Адрианов. Томск, 1913. 50 с.

36. Мережковский «Александр I. Фёдор Кузьмич» // Сибирская жизнь. 1912. № 279. 16 дек.

37. Старец Фёдор Кузьмич // Город Томск. Томск : Сиб. т-во печатного дела, 1912. С. 117–121.

38. Дело о погроме в г. Томске в 1905 году: (Отчет о судебном заседании Томского окружного суда). Томск : Типо-литогр. Сиб. тов-ва печатного дела, 1909. [2], 101, [1] с.

39. Томские дни: Хроника октябрьских событий в г. Томске. Томск : Паровая типография Н.И. Орловой, 1905. [2], 27, 9 с.

40. Не-Крестовский (Курицын В.) В зареве пожара // Сибирские отголоски. 1910.

41. Яковенко А.В. Г.А. Вяткин как рецензент сибирских изданий начала XX века и исследователь культуры чтения в Сибири // Вестник Омского университета. 2007. № 2. С. 86–90.

42. Не-Крестовский. Томские трущобы. Томск : Паровая типография Н.И. Орловой, 1908. 325 с.

43. Не-Крестовский. Томские трущобы. Томск : Изд. В.М. Посохина, 1909. 317 с.

44. Не-Крестовский. Человек в маске. Ч. 1: (продолжение романа «Томские трущобы»). Томск : Паровая типография Н.И. Орловой, 1908. 215 с.

45. Отголоски Сибири: сборник стихотворений разных авторов / под ред. Ивана Брута. Томск : Изд. Ю.П. Матвеевой; Типо-литогр. Михайлова и Макушина, 1889. [4], VIII, 191, IV, [2] с.

46. Первый литературный сборник сибиряков: Рассказы и стихотворения / Ангарова, Е. Бахарева, Ф. Березовского, В. Булыгина, Г. Вяткина, Исаака Г., К. Дубровского, А. Замиратова, Г. Крекнина, П. Ч., А. Серебренникова, М. Сиязова, В. Солодовникова, К. Троцкого, М. Цейнера. Томск : Паровая типография Н.И. Орловой, 1905. [3], 194, [1] с.

47. Томский Н. Не столь отдаленные места // Сибирская газета. 1886. № 36–48, 50, 52; 1887. № 2, 3, 5, 7, 8, 10, 12, 13, 17; 1888. № 19, 21, 23, 25, 27, 33, 35, 37, 39, 43, 45, 47, 49–54, 56.

48. Короленко В. Из записной книжки // Сибирская газета. 1888. № 16.

49. Короленко В.Г. Из записной книжки. («Черкес»): Очерк. Томск : Типо-литогр. Михайлова и Макушина, 1888. [4], 27, [1] с.
50. Потанин Г.Н. Ерке. Культ сына неба в Северной Азии. Материалы к турко-монгольской мифологии. Томск : Типо-лит. Сиб. тов-ва печатного дела, 1916. [6], 129, [3] с.
51. Потанин Г.Н. Сага о Соломоне: Вост. материалы к вопросу о происхождении саги. Томск : Тип. Сиб. тов-ва печатного дела, 1912. 8, 186, 1 с.
52. Посадсков А.Л. Издательство «Факел» и его сотрудники: страница из истории российской печати XX вв. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2013. 191 с.
53. Зимние радуги: Сб. 1. Томск : Факел, 1914. 35 с.
54. Черные розы: Литературный альманах / под ред. В.П. Микулина. 4-е изд. Томск : Факел; [Электропечатня «Энергия»], 1915. 32 стлб.
55. Барахович Михаил. Королевна: Стихи. Томск, 1918. 14, [2] с.
56. Качоровская А.С. Заметки о модернизме. Шарль Бодлер. Томск: Типо-лит. Сиб. тов-ва печатного дела, 1910. 30, [2] с.

REFLECTION OF THE VERBAL CULTURE OF SIBERIA IN THE REGIONAL PUBLISHING PRODUCTS OF THE TURN OF THE 20TH CENTURY

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2018, 16, pp. 52–71

DOI: 10.17223/23062061/16/4

Tatiana P. Kartashova, Tomsk Museum of Local History (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kartashova67@yandex.ru

Keywords: verbal culture, regional publishing products, Siberia, Tomsk, L. Tolstoy, F. Dostoevsky, N. Gogol.

Every region has a unique local history, an original literary process, its authors, reader's preferences and its own publishing strategy.

At the end of the 19th century, Tomsk became one of the most active publishing centers in Siberia. Along with the scientific book, periodicals and separate editions published literary works including Russian classics. Classical texts were easily recognisable and often quoted, intertwined in written and spoken language, became a norm of it. Leo Tolstoy was the first among the Russian classics whose works were printed in separate editions. In 1895, his story "Master and Man" was published in Tomsk, so was his novel *Resurrection* in 1900. A frensied demand for the works of Tolstoy was noted after his death in 1910. His books were quickly sold out, and the newspaper *Sibirskaya zhizn'* [Siberian Life] published his unreleased works.

For a long time the name of Fyodor Dostoevsky was a subject of debate. The reading public of Tomsk also showed an ambiguous attitude towards the mystical works of Gogol. But, if notes about Dostoevsky, being on penal servitude in Siberia, were printed instead of his literary works, the early works of Nikolay Gogol were extremely popular. Emerging parodies by Mikhail Znamensky on such novels as *The Cliff* by Ivan Goncharov and *Oblomov's Morning* by Innokentiy Kuznetsov-Krasnoyarsky showed

irrelevance of the problem of a nobleman character in Siberia. This problem could only arouse a grin, and became an object for parody.

The process of shaping the body of local texts, most read and quoted, and also reputable for the local intelligentsia and the reading public, was very active at the turn of the 20th century. The “pantheon” of Siberian classics was created, which traditionally included writers of the Narodnik movement and provincials like Grigory Potanin and Nikolay Yadrintsev, as well as Russian writers who lived and worked in Siberia and Tomsk at that time.

However, in addition to the high concentration of the educated intelligentsia, provincial Tomsk was also a student city. Young people have always stepped in vanguard of progressive ideas and fashionable trends, they were not afraid of learning new artistic forms. In the last decade before the October Revolution, a whole pleiad of local young writers, called “Young Siberia”, appeared in Tomsk. A youth publishing house “Fakel” appears to publish poetic collections in the Art Nouveau style.

Despite the prevalence of the Narodnik movement and regional literature both in fiction and in journalism, Tomsk publishing practice lacks uniformity. The Siberian province did not confine itself to its narrow regional themes and plots and, absorbing the world experience, tried to reach the all-Russian level, replicating the most acceptable samples for it.

References

1. Dmitrienko, N.M. (1991) *Tipografii starogo Tomska* (pervaya polovina XIX – XX v.) [Typographies of the old Tomsk (the first half of the 19th – 20th century)]. In: Alekseev, V.N. & Volkova, V.N. (eds) *Vtorye Makushinskie chteniya* [The Second Makushin Readings]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 29–32.
2. *Sibirskie voprosy*. (1912) 11–12. pp. 79–81.
3. Erlikh, V.A. (2006) *Nauchnaya kniga Sibiri i Dal'nego Vostoka. Dorevolutsionnyy period. Itogi issledovaniy* [The scientific book of Siberia and the Far East. The pre-revolutionary period. Results of research]. In: Savenko, E.N. (ed.) *Sed'mye Makushinskie chteniya* [The Seventh Makushin Readings]. Novosibirsk: RAS. pp. 117–120.
4. Zhilyakova, N.V. (2015) *Retseptsiya russkoy klassiki v tomskoy dorevolutsionnoy zhurnalistike* [Reception of Russian classics in Tomsk pre-revolutionary journalism]. Moscow: Flinta: Nauka.
5. *Sibirskaya zhizn'*. (1912). 29th January.
6. Ship. (1912) “*Vek nyneshniy i vek minuvshiy*” (*Po Griboedovu*) [“Comparing the present with the glorious past” (According to Griboyedov)]. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela.
7. Bagno, V.E. (1997) “Koeffitsient uznvaniya” mirovykh literaturnykh obrazov [“Coefficient of recognition” of world literary images]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 50. pp. 234–241.

8. Gorenintseva, V.N., Nikonova, N.E., Olitskaya, D.A. et al. (2016) *Perevody angliyskoy i amerikanskoy literatury v dorevolutsionnoy periodike Sibiri* [Translations of English and American literature in the Siberian pre-revolutionary periodicals]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Seryagina, Yu.S. (2017) German poetry of the 18th-19th centuries in the Siberian periodicals of the 1880s-1910s. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 13. pp. 57–75. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/13/4
10. Nikonova, N.E., Seryagina, Yu.S., Olitskaya, D.A. et al. (2016) *Perevody nemetskoy literatury v dorevolutsionnoy periodike Sibiri* [Siberian translations of German literature in the pre-revolutionary periodicals]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Rodchenko, Yu.I. (2014) *Frantsuzskaya literatura v Tomskoy periodike kontsa XIX – nachala XX v.* [French literature in the Tomsk periodicals of the late 19th – early 20th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
12. Kartashova, T.P. (2010) Tomskie izdaniya proizvedeniy L.N. Tolstogo [Tomsk editions of L.N. Tolstoy's works]. In: Zhilyakova, E.M., Gnyusova, I.F. (eds) *Lev Tolstoy i vremya* [Leo Tolstoy and Time]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 253–257.
13. Tolstoy, L.N. (1895a) *Khozyain i rabotnik: Rasskaz* [Master and Worker]. Moscow: I.D. Sytin.
14. Tolstoy, L.N. (1895b) *Khozyain i rabotnik* [Master and Worker]. Tomsk: P.I. Makushin.
15. Tolstoy, L.N. (1900) *Voskresenie: Roman v 3 ch.* [Resurrection: Novel in 3 Parts]. Tomsk: P.I. Makushin.
16. Tolstoy, L.N. (1919) *Khadzhi-Murat* [Hadji Murad]. Tomsk: Izdanie Tomskogo soyuza kooperativov; Par. Tip. Tomsk. soyuza kooperativov.
17. Tolstoy, L.N. (1918) *Khozyain i rabotnik* [Master and Worker]. Tomsk: Izdanie Tomskogo soyuza kooperativov; Tip. Tomskogo soyuza kooperativov.
18. Tolstoy, L.N. (1918) *Kavkazskiy plennik: Rasskaz* [The Caucasian captive: A story]. Tomsk: Izdanie Tomskogo soyuza kooperativov; Par. Tip. Tomsk. soyuza kooperativov.
19. *Sibirskaya zhizn'*. (1910). 22nd December.
20. *Sibirskaya zhizn'*. (1911). 12th October.
21. Nikitina, L.V. (1992) L.N. Tolstoy – P.A. Butkeevu [L.N. Tolstoy to P.A. Butkeev]. In: Kopylov, V.T. (ed.) *Byloe i nov': Kraevedcheskiy al'manakh* [Past and Present: A Local Lore Almanac]. Tomsk: Tomskoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 199–201.
22. Makushin, P.I. (n.d.) *Svidanie s L.N. Tolstym* [Meeting with L.N. Tolstoy]. Tomsk State University Research Library. Fund 4. List 1. File 22.
23. Galakhov, I.Ya. (1911) *Religioznoe mirovozzrenie L'va Nikolaevicha Tolstogo* [Religious outlook of Leo Tolstoy]. Tomsk: Tip. Priyuta i Doma trudolyubiya.
24. Bulgakov, V. (1904) F.M. Dostoevskiy v Kuznetske [F.M. Dostoevsky in Kuznetsk]. *Ilyustrirovannoe prilozhenie k gazete "Sibirskaya zhizn'"*. 10th October.
25. *Sibirskie voprosy*. (1909) Ieromonakh Ignatiy i ego sistema [Hieromonk Ignatius and his system]. 30th May. pp. 24–37.

26. *Sibirskaya zhizn'*. (1913). 5th November.
27. *Sibirskaya zhizn'*. (1916). 13th December.
28. *Sibirskaya zhizn'*. (1918) Dostoevskiy i russkaya revolyutsiya [Dostoevsky and Russian Revolution]. 9th January.
29. Koltonovskaya, E. (1910) Molodaya literatura. Al'manakh Shipovnik [Young Literature. "Shipovnik" Almanac]. *Sibirskaya zhizn'*. 10th October.
30. Malinovskiy, I.A. (1909) Obshchestvennoe znachenie literaturnoy deyatel'nosti Gogolya [Public significance of Gogol's literary activity]. *Sibirskaya zhizn'*. 11th April.
31. *Sibirskaya zhizn'*. (1909) Stoletie Gogolya v Tomske [Gogol's centenary in Tomsk]. 8th March.
32. Znamenskiy, M.S. (1875) "Obryv". *Roman klassicheskoy, kartiny, otmenno dlinnyy, dlinnyy, dlinnyy, i satiricheskiy i chinnyy* ["The Cliff". The novel is classic, picturesque, long, long, long, satirical and fine]. Tyumen: [s.n.].
33. Kuznetsov-Krasnoyarskiy, I. (1892) "Utro Oblomova"; *Stseny v odnom deystvii* ["Oblomov's Morning". Scenes in one action]. Tomsk: Mikhaylov i Makushin.
34. The Tomsk Circle of Elder Fedor Kozmich's Worshippers (1912) *Tainstvennyy starets Fedor Koz'mich v Sibiri i Imperator Aleksandr I* [The mysterious elder Fedor Kozmich in Siberia and the Emperor Alexander I]. Tomsk: D.G. Romanov.
35. Tolstoy, L.N., Merezhkovskiy, D., Vasilenko, N. & Adrianov, A.V. (1913) *Legenda o tainstvennom startse Fedore Kuz'miche* [Legend of the mysterious elder Fedor Kuzmich]. Tomsk: [s.n.].
36. Merezhkovskiy, D. (1912) Aleksandr I. Fedor Kuz'mich [Alexander I. Fedor Kuzmich]. *Sibirskaya zhizn'*. 16th December.
37. Anon. (1912) Starets Fedor Kuz'mich [Starets Fedor Kuzmich]. In: *Gorod Tomsk* [The City of Tomsk]. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela. pp. 117–121.
38. Anon. (1909) *Delo o pogrome v g. Tomske v 1905 godu: (Otchet o sudebnom zasedanii Tomskego okruzhnogo suda)* [The case of the pogrom in Tomsk in 1905: (Report on the court session of the Tomsk District Court)]. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela.
39. Anon. (1905) *Tomskie dni: Khronika oktyabr'skikh sobyitii v g. Tomske* [The Tomsk days: Chronicle of the October events in Tomsk]. Tomsk: N.I. Orlova.
40. Ne-Krestovskiy (Kuritsyn, V.) (1910) V zareve pozgara [In the glow of the fire]. *Sibirskie otgoloski*.
41. Yakovenko, A.V. (2007) G.A. Vyatkin kak retsenzent sibirskikh izdaniy nachala XX veka i issledovatel' kul'tury chteniya v Sibiri [G.A. Vyatkin as a reviewer of Siberian editions of the early 20th century and a researcher of the Siberian reading culture]. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 2. pp. 86–90.
42. Ne-Krestovskiy. (1908a) *Tomskie trushchoby* [The Tomsk Slums]. Tomsk: N.I. Orlova.
43. Ne-Krestovskiy. (1909) *Tomskie trushchoby* [The Tomsk Slums]. Tomsk: V.M. Posokhin.

-
44. Ne-Krestovskiy. (1908b) *Chelovek v maske* [The Man in the Mask]. Part 1. Tomsk: N.I. Orlova.
45. Brut, I. (ed.) (1889) *Otgosloski Sibiri* [Echoes of Siberia]. Tomsk: Yu.P. Matveeva; Mikhaylov i Makushin.
46. Angarov, E., Bakharev, F., Berezovsky, V. et al. (1905) *Pervyy literaturnyy sbornik sibiryakov: Rasskazy i stikhotvoreniya* [The first literary collection of Siberians: Stories and poems]. Tomsk: N.I. Orlova.
47. Tomskiy, N. (1886) Ne stol' otdalennye mesta [In exile]. *Sibirskaya gazeta*. 36–48.
48. Korolenko, V.G. (1888a) Iz zapisnoy knizhki [From the notebook]. *Sibirskaya gazeta*. 16.
49. Korolenko, V.G. (1888b) Iz zapisnoy knizhki [From the notebook]. Tomsk: Mikhaylov i Makushin.
50. Potanin, G.N. (1916) *Erke. Kul't syna neba v Severnoy Azii. Materialy k turko-mongol'skoy mifologii* [Erke. The cult of Son of Heaven in North Asia. Materials for the Turco-Mongolian mythology]. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela.
51. Potanin, G.N. (1912) *Saga o Solomone: Vostochnye materialy k voprosu o proiskhozhdenii sagi* [The Saga of Solomon: Eastern materials on the origin of the saga]. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela.
52. Posadskov, A.L. (2013) *Izdatel'stvo "Fakel" i ego sotrudniki: stranitsa iz istorii rossiyskoy pechati XX vv.* [The Fakel Publishing House and its employees: a page from the history of the Russian press of the 20th century]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
53. Anon. (1914) *Zimnie radugi* [Winter Rainbows]. Tomsk: Fakel.
54. Mikulin, V.P. (ed.) (1915) *Chernye rozy: Literaturnyy al'manakh* [Black Roses: A Literary Almanac]. 4th ed. Tomsk: Fakel.
55. Barakhovich, M. (1918) *Korolevna: Stikhi* [King's Daughter: Poems]. Tomsk: [s.n.].
56. Kachorovskaya, A.S. (1910) *Zametki o modernizme. Sharl' Bodler* [Notes on modernism. Charles Baudelaire]. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela.

УДК 82.01

DOI: 10.17223/23062061/16/5

Н.В. Отургашева

КНИГА КАК ПРОСТРАНСТВО ОБРАЗОВ И СМЫСЛОВ: КРУГ ЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

***Аннотация.** В статье представлены результаты опросов и лингвистических экспериментов, проведенных автором в 2015–2017 гг. среди российских и тайваньских студентов, а также китайских и монгольских школьников. Целью исследования являются выяснение отношения современной молодежи к лингвокультурному концепту «книга», определение круга актуальных для молодых читателей произведений художественной литературы и типов читательского восприятия, оценка роли книги в формировании персониферы студенческой молодежи.*

Ключевые слова: лингвистический эксперимент, лингвокультурный концепт, книга, читательское восприятие, культурный код.

Многочисленные дискуссии о месте литературы в школьном образовании, о роли книги и статусе писателя в современном российском обществе свидетельствуют о серьезных изменениях в самой структуре национальной культуры, ядром которой являлась великая русская литература.

Литературоцентричность русской культуры, то особое символическое значение, которым наделено было художественное слово для образованного российского, а затем и советского читателя, вполне соответствовали той «предельно высокой значимости» книги, которая, по мысли Б.В. Дубина, «сопровождает практически всю историю секулярной книжной культуры, больше того – является принципиальным компонентом конструкции этой культуры и даже ее движущим механизмом» [1].

Герои литературных произведений, наряду с реальными историческими деятелями и фольклорными персонажами, населяют символическое пространство национальной персониферы [2] и формируют вполне реальные социально-коммуникативные модели

поведения и нравственно-этические представления лингвокультурного сообщества.

Однако в эпоху общественных переломов, когда происходят разрушение традиционных ценностных систем и деформация соответствующих им социальных институтов, наступает та ситуация духовной неопределенности, которая приводит к рассогласованию ценностей и образцов, декларируемых разными «сигнальными» системами, существующими в обществе. В отношении литературы такой разлад приводит к предсказуемым последствиям: происходит «разрыв образованного сообщества или, вернее, определенных, “прежних” его фракций с современностью как горизонтом актуальной (неотложной) коммуникации», меняются состав и качество читательской аудитории, списки хрестоматийных текстов литературы подвергаются ревизии, а «классика, декларативно представляемая в нормативных поэтиках и традиционалистских манифестах обобщенным образцом устойчивости в изменении», лишается «какой бы то ни было смысловой однозначности» [3].

Интерес к проблеме читателя в современных гуманитарных исследованиях имеет серьезные и веские основания. По мысли В.В. Прокурова, именно «читатель помогает понять литературный процесс во всей его неискаженной целостности». Книга для читателя пишется, им воспринимается и осмысливается, она остается в общественном сознании и памяти нескольких поколений именно потому, что созданный писателем художественный мир отвечает насущным духовным потребностям социума. «Читатель» и «чтение» – это единство, вне которого невозможно извлечение информации, содержащейся в любом текстовом сообщении» [4. С. 232].

Особенно актуальной проблема «книга – чтение – читатель» становится в эпоху социальных потрясений и перемен, когда рушатся былые идеалы и низвергаются прежние авторитеты, а люди, нуждаясь в духовной опоре, обращаются к печатному слову, художественной литературе – в надежде найти там ответы на самые злободневные вопросы насущного бытия.

Очевидно, что книга порождается эпохой, литературные сюжеты и образы «вызревают» в недрах своего времени и открываются

читателю в контексте определенных социокультурных обстоятельств, поэтому «привлекательность книги часто напрямую зависит от того, насколько ее содержание совпадает с интересами и потребностями читателей в данный период времени» [5. С. 163]. В разных сферах научного знания утвердились различные аспекты изучения читателя: «Социологов, педагогов, книгovedов занимает человек с книгой в руках, его запросы, интересы, потребности; филолога влечет к себе книга в руках человека, внутренние “готовности” произведения к воздействию на читателя» [4. С. 239].

В настоящей статье предпринята попытка анализа читательских предпочтений студенческой молодежи, вчерашних старшеклассников, освоивших школьный курс литературы и вступивших сегодня на путь самостоятельного выбора книг. Каков круг чтения современных студентов, под влиянием каких факторов он сформировался, каковы герменевтические способности молодых читателей, каково их отношение к книге как важнейшему феномену национальной культуры – вот вопросы, которые интересовали автора.

В статье представлены результаты опросов и социолингвистических экспериментов, проведенных в 2015–2017 гг.: в них приняли участие российские студенты Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (всего 230 человек), студенты из Тайваня, изучающие русский язык в Национальном Тайваньском университете и Государственном университете Чженьчжи на факультете славистики (всего 20 человек), китайские и монгольские школьники, приступившие к изучению русского языка (всего 46 человек).

Цель исследования – выяснить отношение современной молодежи к лингвокультурному концепту «книга», определить круг актуальных для молодых читателей произведений художественной литературы, очертить типы читательского восприятия и оценить роль книги в формировании персониферы студенческой молодежи.

В ходе свободно-ассоциативного эксперимента его участники заполняли опросный лист, в котором записывали свои ассоциации и приводили определения к слову-стимулу «книга», а также отве-

чали на поставленные вопросы. Анализ полученных результатов составил содержание данной статьи и позволил сделать следующие выводы (ответы студентов при прямом цитировании передаются курсивом, при необходимости в скобках указывается количество полученных ответов в процентном соотношении к общему числу участников опроса).

Несмотря на то что сегодня книга потеснена другими формами досуга и, прежде всего, телевидением и Интернетом, она продолжает сохранять для студенческой молодежи высокую значимость и актуальность: 94% респондентов считают чтение необходимостью для современного человека (*обязательно, несомненно, это способствует формированию личности*). При этом 70% молодых людей читают художественную литературу регулярно, 7% – ежедневно и только 1% опрошенных не читают никогда. Чтение печатных книг предпочитают 72% участников опроса, электронных – 18%, а 10% читают и те, и другие, не придавая особого значения формату представленного текста.

Книга в сознании российских студентов связана с областью знаний и размышлений, с образовательным пространством, в котором они существуют. Среди определений книги доминируют прилагательные, характеризующие степень увлеченности самим процессом чтения: *интересная, увлекательная, захватывающая, интригующая*. Довольно часто позитивно окрашенные определения переносятся на самого читателя, и он предстает перед нами как «*начитанный, умный, эрудированный, воспитанный, интеллектуальный, образованный*». Процесс чтения книги осознается как необходимое условие становления развитой современной личности.

Для тайваньских студентов книга – и в рамках традиции, и в контексте актуальной для них деятельности – понятие значимое и наделенное позитивным смыслом: оно связано со знанием, мудростью, философией, чтением, образованием, учебой. В отличие от российских студентов, тайваньские называют в качестве определений такие, которые свидетельствуют о труде прочтения – занятии не всегда увлекательном и легком, а также о физических ха-

рактических книгах: *тяжелая, толстенная, серьезная, трудная*. Хотя и здесь среди оценок доминирует *интересная*.

Для старшеклассников Китая и Монголии книга также является авторитетным источником знания, отношение к ней формируется исторической традицией и актуальными обстоятельствами учебного процесса: книга для них – это «*окно мира*», читающий человек «*будет образованным*». Среди любимых жанров, названных респондентами данной группы, – рассказы и истории, учебная литература, журналы, книги о русской культуре, сказки, стихи, легенды, загадки. Многие школьники отмечают воспитательный характер книги: «*Я люблю читать книги, которые придают сил и направляют меня на правильный путь*».

В списке читательских предпочтений российских студентов – книги, выбор которых в значительной степени обусловлен школьной программой по литературе: романы М.А. Булгакова («Мастер и Маргарита» – 15%), Л.Н. Толстого («Война и мир», «Воскресение» – 10%), Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание» – 4%), И.С. Тургенева («Отцы и дети» – 2%), повести А.С. Пушкина («Капитанская дочка»), Н.В. Гоголя («Тарас Бульба»), А.И. Куприна («Олеся»). Зарубежная литература представлена именами Дж. Сэлинджера («Над пропастью во ржи» – 2%), Э.М. Ремарка (7%), Р. Брэдбери (6%), а также современными создателями романов в жанре научной фантастики и в стиле фэнтези (Б. Вербер «Империя ангелов», Д. Киз «Цветы для Элджернона», Дж.Р.Р. Мартин «Песнь льда и пламени» и т.п.).

Названия отмеченных литературных произведений свидетельствуют о том, что граница освоенного художественного пространства пролегает не только по отечественной территории – поля зарубежной словесности молодым читателям известны и дороги.

В качестве любимых героев в анкетах лидируют персонажи классических произведений, включенных в школьную программу: Маргарита, Наташа Ростова, Евгений Онегин, Татьяна Ларина, Волад, Андрей Болконский, Пьер Безухов, Григорий Печорин, Пётр Гринев. Зарубежную литературу представляют Гарри Потер, главный герой одноименного молодежного бестселлера, Шерлок

Холмс, детектив с уникальными дедуктивными способностями, Мартин Иден (Джек Лондон), Маленький принц (Антуан де Сент-Экзюпери). Можно предположить, что популярности первых в значительной степени способствовали уроки литературы, а последних – кинематографические варианты произведений.

Некоторые респонденты не сумели дать ответа на поставленные вопросы: любимой книги не назвали 9% опрошенных, любимого литературного героя – 24%. Вероятно, данное обстоятельство является следствием несформировавшегося читательского вкуса и отсутствия необходимых читательских компетенций, как и самой потребности читать.

Интересный материал для размышлений дают ответы на вопрос о том, какие литературные персонажи символизируют для респондентов настоящую любовь. Дело в том, что отношения влюбленных людей, изображенные в художественной литературе, не только окрашены индивидуальными психологическими особенностями героев, но и включены в национальный культурный контекст, который определяет характер и вектор эмоциональных переживаний.

Георгий Гачев, философ и культуролог, обсуждая в книге «Русский Эрос» национальные особенности человеческих взаимоотношений, проницательно заметил, что «русская любовь между мужчиной и женщиной – той же природы, что и любовь к родине», эти чувства схожи между собой глубиной переживания и пронзительной грустью какой-то изначальной неосуществимости: «Жизнь разводит влюбленных, как мосты над Невой, – верно, для того, чтобы усиливались духовные тяготения и чтобы стягивалась из конца в конец вся необъятная Русь перекрестными симпатиями рассеянных по ней существ» [6].

Образ России ассоциируется для большинства участников опроса с непреодолимостью «русской силы» и умением человека любить без оглядки, всей душой, беззаветно и преданно. Сравнивая предложенные преподавателем размышления выдающихся мастеров слова о России, студенты выбрали в качестве наиболее созвучных своему восприятию Родины те высказывания, в которых отражена идея невероятного, невысказанного напряжения сил – фи-

зических и духовных. Они представлены фрагментами из повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» [7. С. 258]:

«Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!» Н. Гоголь. «Тарас Бульба» (59%).

«Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей... Нет, братцы, так любить, как русская душа, – любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, а... Нет, так любить никто не может». Н. Гоголь «Тарас Бульба» (54%).

Именно такой силы чувство характеризует литературных персонажей, которые являются для студентов-читателей символами настоящей любви: это герои произведений А. Куприна «Гранатовый браслет» (Желтков – 13%), М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (Маргарита – 9%), А. Пушкина «Евгений Онегин» (Татьяна Ларина – 9%). Показательно, что в качестве наиболее ценимых качеств указанных героев респонденты называют способность к самопожертвованию, искренность и бескорыстность чувства, способность любить вопреки сложившимся обстоятельствам: без жертвенного подвига, с их точки зрения, нет любви.

Любовь без трагического ореола теряет свою силу и тайну, превращаясь в добрую дружбу между супругами, не способную конкурировать с истинным чувством любви ни по силе, ни по глубине, ни по драматизму. Маргарита была замужем за человеком, от которого «ничего не видела, кроме добра». Князь Шеин – благородный и тонко чувствующий спутник Веры, муж Татьяны Лариной – князь N., почтенный и заслуженный генерал, Пьер Безухов – любящий, глубоко мыслящий отец семейства, однако представление об истинной любви связано у читателей совсем с другими героями этих произведений. Именно трагическая цена, которую заплатили за право любить Г.С. Желтков, Маргарита, Андрей Болконский, Татьяна Ларина, способна убедить читателей в искренности и самоотверженности подлинного чувства.

Думается, что подобное понимание любви доказывает то особое качество национального менталитета, которое исследователи

называют бинарным максимализмом и которое отчетливо выражено лаконичной формулой «или все, или ничего». Истинное чувство должно быть сопряжено с внутренней конфликтностью образа и требовать от личности жертвенного самоотречения, напряженного духовного устремления, высокой, часто трагической платы за любовь – не случайно «сквозь всю русскую литературу проходит высокая поэзия неосуществленной любви» [6], ибо только такая любовь может оставаться вечной и неизменной.

В русской литературе любовь понимается, прежде всего, как духовная максима, недостижимый идеал, поскольку она отражает не только реальное человеческое чувство, но и напряженность душевного порыва личности в поисках нравственного абсолюта, без которого нет счастья русской душе. Именно эта культурная установка отчетливо проявляется в отношении современных читателей к героям произведений, символизирующим для них подлинное и высокое чувство.

Способ толкования литературного произведения зависит как от сложившейся практики отношения к книге, так и от типа ее восприятия. Отечественная традиция понимания художественного текста как учебника жизни находит свое отражение в студенческих комментариях по поводу прочитанного – «учительный» характер книги отмечают многие участники опроса: *«я понял, в какую сторону развиваться», «книга учит находить выход в трудных ситуациях, не сдаваться», «эта книга научила меня ценить и уважать людей», «книга написана известным современным астронавтом, который своим примером может многому научить читателя», «книга – один из главных путеводителей в жизни».*

В современных искусствоведческих исследованиях определены четыре основных типа зрителей, которые выделены на основании доминирующего мотива приобщения к искусству: это проблемно, нравственно, гедонистически и эстетически ориентированные зрители [8]. Такая типология представляется вполне приемлемой и для исследования читательской аудитории.

Анализ студенческих анкет показывает безусловное преобладание проблемно ориентированных читателей, которые ждут от ли-

тературы, прежде всего, расширения своего жизненного опыта. Слово «проблема» является самым частотным при оценке и толковании выделенной по тому или иному основанию книги (26 упоминаний среди 100 участников опроса). Вполне вероятно, это может быть следствием работы педагогов-словесников в рамках подготовки к ЕГЭ по литературе, ориентирующих старшеклассников на выделение проблемного поля художественного произведения. Вместе с тем формулировка проблем, их характеристика зачастую носят весьма поверхностный и абстрактный характер: так, например, респондент называет в качестве любимой книги роман Л.Н. Толстого «Войну и мир» потому, что в нем *«затронуты все проблемы всех времен и народов»*.

Этическая ориентация основана на интересе к нравственным ценностям и эталонным моделям поведения, заложенным в художественном произведении; она характеризует вторую группу читателей, которые отмечают в качестве достоинств текста умение автора показать *«тонкую грань между добром и злом»*, сформулировать этические нормы должной жизни (книга Ремарка «Искра жизни» *«научила правильно расставлять приоритеты, радоваться и ценить жизнь, стремиться к совершенству»*). Следует отметить особый интерес студентов к творчеству Э.М. Ремарка: среди 100 опрошенных 12 человек выделили такие его произведения, как «Три товарища», «Триумфальная арка», «На Западном фронте без перемен», «Черный обелиск», «Ночь в Лиссабоне», «Жизнь взаимы», а Лилиан (персонаж последнего романа) была указана в качестве любимой героини. В ситуации духовной неопределенности, всегда сопровождающей социокультурные изменения в жизни общества, творчество Ремарка устанавливает для молодых читателей ту систему нравственных координат и оценок, которой им не хватает в современной общественной практике и в которой они нуждаются особенно остро, в том числе и в силу своего возраста.

Понятно и объяснимо, что эстетическое восприятие текста, требующее от читателя основательного знакомства с художественным языком и средствами его выразительности, встречается у молодых читателей нечасто и проявляется в умении выделить элементы ху-

дожественной структуры произведения: они отмечают особенности сюжета, жанра, глубокий замысел автора, интересных для них персонажей.

Гедонистически ориентированная группа ждет от процесса чтения удовольствия, релаксации, приятного и легкого времяпрепровождения, не обремененного интеллектуальным и духовным напряжением. Такие читатели в качестве любимой книги указывают фантастику, литературу в жанре фэнтези или детектива (21%), практически не объясняя причин своего выбора и не размышляя по поводу прочитанного.

Думается, можно говорить также о формировании нового читательского типа-читателя прагматичного, нацеленного на получение конкретного знания и далекого от художественной рефлексии. Разумеется, формирование данного типа обусловлено целым рядом экономических и социальных факторов, рассмотрение которых не входит в задачу настоящего исследования; однако появление читателя – прагматика важно учесть в качестве потребителя на книжном рынке.

Действительно, ответы некоторых респондентов отражают их желание получить из книг конкретные рекомендации в области развития собственных экономических (4%) и, особенно, психологических (11%) навыков. В этой связи в качестве любимых отмечены книги У. Айзексона («Стив Джобс»), К. Хэдфилда («Руководство астронавта по жизни на Земле»), Олега Тинькова («Я такой как все»), Ника Вуйчича («Жизнь без границ: Путь к потрясающе счастливой жизни»), Наполеона Хилла («Думай и богатей»), Н. Козлова («Как относиться к себе и к людям»), Джона Тамни («Как работает экономика») – всего 15 книг, которые помогают, по словам респондентов, *«научиться любить жизнь, понять себя, эффективно использовать время, преодолевать трудности и быть счастливым человеком»*.

Проявил данную читательскую категорию и вопрос о книге, которую опрашиваемые взяли бы с собой на необитаемый остров. Среди самых разнообразных ответов (*«Произведение объемное, поэтому можно перечитывать столько, сколько захочется, каж-*

дый раз обращая внимание на разные ситуации» – о «Мастере и Маргарите», о «Преступлении и наказании» – «потому что книга еще не дочитана»), самую большую группу представляют книги практического назначения: справочники по медицине, сельскому хозяйству, пособия по выживанию в экстремальных условиях, сборники полезных растений (15%).

Не всегда различая художественную, научно-популярную и публицистическую литературу, участники опроса часто делают выбор в пользу конкретного знания и убедительного примера, связанного с жизнью реального и известного человека. Территория художественного вымысла оказывается при этом за пределами их читательских интересов.

Подведем итоги и отметим некоторые существенные тенденции, проявившиеся в ходе проведенных опросов и социолингвистических экспериментов.

В перечне прочитанных книг практически отсутствуют произведения современных российских писателей: в школе им уделяется мало внимания, а иного источника знания о новинках отечественной литературы у читателей сегодня нет, что связано с исчезновением «фигур литературно-коммуникативных посредников», призванных подчеркивать значимость того или иного литературного события и открывать для широкой публики новые имена. По мысли Б. Дубина, это свидетельствует «об отмирании символического значения самой подобной функции, самого такого знания, авторитетности подобной роли», которая раньше подкреплялась высоким престижем литературы в качестве проекта национальной культуры [9].

Справедливости ради заметим, что сегодня существуют национальные литературные премии, устраиваются книжные выставки, возникают интернет-порталы, предназначенные для расширения кругозора и развития читательских компетенций заинтересованной публики, однако согласимся, что аудитория этих реальных и виртуальных событий массовой не является.

Тем не менее чтение по-прежнему является престижным занятием в глазах большинства молодых людей, обучающихся в вузах,

а книга зачастую воспринимается ими как нравственный путеводитель на собственном жизненном пути. Важную роль в становлении читательских компетенций молодежи играет средняя школа, которая продолжает выполнять функцию формирования корпуса авторитетных художественных текстов, актуальных для общественного сознания и определяющих смысловое содержание культурного кода нации.

Литература

1. Дубин Б.В. Хартия книги: книга и архикнига в организации и динамике культуры // Дубин Б.В. Слово – письмо – литература : Очерки по социологии современной культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2001. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019687>
2. Хазагеров Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/1/hazag.html
3. Дубин Б.В. «Литературное сегодня»: взгляд социолога // Дубин Б.В. Слово – письмо – литература : Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2001. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019687>
4. Баренбаум И.Е. Читатель: VI глава из книги «Основы книговедения» // История русского читателя. Вып. 5 : сб. ст. // ред.-сост. П.Н. Базанов, В.В. Головин. СПб. : Изд-во СПбГУКИ, 2010. С. 230–246.
5. Морозова М.С. Отражение изменений социального портрета жителя Санкт-Петербурга в читательских и покупательских предпочтениях // История русского читателя. Вып. 5 : сб. ст. / ред.-сост. П.Н. Базанов, В.В. Головин. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2010. С. 163–166.
6. Гачев Г. Русский эрос. Роман «Мысли» с «Жизнью». М. : Интерпринт, 1994. URL: <http://philologos.narod.ru/texts/gachev-eros.htm>
7. Гоголь Н.В. Тарас Бульба // Гоголь Н.В. Избранное. М. : Просвещение, 1986. С. 195–295.
8. Кривцун О.А. Психология художественного восприятия / Кривцун О.А. Эстетика : учеб. М. : Аспект-Пресс, 2003. С. 333–343.
9. Дубин Б.В. Уход читателей // Дубин Б.В. Слово – письмо – литература : Очерки по социологии современной культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2001. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019687>

THE BOOK AS A SPACE OF IMAGES AND MEANINGS: THE RANGE OF YOUNG STUDENTS' READING PREFERENCES

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2018, 16, pp. 72–85

DOI: 10.17223/23062061/16/5

Natalya V. Oturgasheva, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vialuna@list.ru

Keywords: sociolinguistic experiment, linguo-cultural concept, book, reader's perception.

The article presents the results of surveys and socio-linguistic experiments carried out by the author in 2015–2017 among Russian and Taiwanese students as well as among Chinese and Mongolian school children. The article aims to identify the attitude of modern youth towards the linguo-cultural concept 'book', to determine the range of significant fiction books for young people and types of readers' perception, assessment of the book's role in the formation of students' youth personal sphere.

A book is generated by the epoch, literary plots and characters are engendered within the inmost recesses of their time and open up to the reader within the context of certain socio-cultural circumstances; therefore, the popularity of a book is often determined by the nature of those circumstances and by the fact to what extent the book's content responds to spiritual needs of its readers.

Despite the fact that nowadays books have been sidelined by other leisure activities – TV and Internet in the first place – they still retain high significance and immediacy: 94% of respondents consider reading as a necessity for the people of today. The book in the consciousness of the Russian students is closely connected with the field of knowledge, educational space where they exist. For the Taiwanese students and high schoolers of China and Mongolia the book is also an authoritative source of knowledge, the attitude towards it is shaped up by the historical tradition and present-day circumstances of the teaching and learning process.

The way a literary work is interpreted depends on both the common practice of the attitude toward the book and the way it is perceived. The national tradition of the literary text understanding as a life lesson is reflected in modern students' questionnaires – many respondents note the 'instructive' nature of the book.

Students' questionnaires analysis shows the ultimate majority of problem-oriented readers who above all expect broadening their life experience from literature. Ethical orientation is based on the interest in the moral values and reference models of behaviour behind a literary work. Aesthetic appreciation of the text that requires profound acquaintance with the literary language and expressive means on part of the reader is quite rare and is manifested in the ability to identify literary components in the text. The group with a hedonistic approach expects pleasure, relaxation, nice and easy pastime not burdened with intellectual and spiritual efforts from the process of reading.

It is time to speak about the formation of a new reader's type – a pragmatic reader aimed at obtaining specific knowledge and far from artistic reflection.

Analysis of students' questionnaires shows that the list of books read lacks pieces of modern Russian writers: very little attention is paid to them at schools, and readers have no access to other sources concerning novelties of national literature.

Reading is still a prestigious activity in the eyes of most young people who study at universities, and they often perceive the book as a kind of a moral guide in their life journey. Secondary school plays an important role in developing reading competencies of the youth. It keeps on performing the function of building up the set of authoritative literary texts, which are essential for public conscience and define the semantic content of the national culture code.

References

1. Dubin, B.V. (2001a) *Slovo – pis'mo – literatura: Ocherki po sotsiologii sovremennoy kul'tury* [Word – Letter – Literature: Essays on the Sociology of Contemporary Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [Online] Available from: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019687>.
2. Khazagerov, G. (2002) *Personosfera russkoy kul'tury* [Perssonosphere of Russian culture]. *Novyy mir*. 1. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/1/hazag.html.
3. Dubin, B.V. (2001b) *Slovo – pis'mo – literatura: Ocherki po sotsiologii sovremennoy kul'tury* [Word – Letter – Literature: Essays on the Sociology of Contemporary Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [Online] Available from: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019687>.
4. Barenbaum, I.E. (2010) *Chitatel': VI glava iz knigi "Osnovy knigovedeniya"* [The Reader: Chapter 6 from "Fundamentals of Bibliology"]. In: Bazanov, P.N. & Golovin, V.V. (eds) *Istoriya russkogo chitatelya* [History of the Russian reader]. Issue 5. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts. pp. 230–246.
5. Morozova, M.S. (2010) *Otrazhenie izmeneniy sotsial'nogo portreta zhitelya Sankt-Peterburga v chitatel'skikh i pokupatel'skikh predpochteniyakh* [Reflection of changes in the social portrait of St. Petersburg resident in reading and buying preferences]. In: Bazanov, P.N. & Golovin, V.V. (eds) *Istoriya russkogo chitatelya* [History of the Russian reader]. Issue 5. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts. pp. 163–166.
6. Gachev, G. (1994) *Russkiy eros. Roman "Mysli" s "Zhizn'yu"* [Russian Eros. The novel of "Thought" with "Life"]. Moscow: Interprint. [Online] Available from: <http://philologos.narod.ru/texts/gachev-eros.htm>.
7. Gogol, N.V. (1986) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Prosveshchenie. pp.195–295.
8. Krivtsun, O.A. (2003) *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Aspekt Press. pp. 333–343.
9. Dubin, B.V. (2001c) *Slovo – pis'mo – literatura: Ocherki po sotsiologii sovremennoy kul'tury* [Word – Letter – Literature: Essays on the Sociology of Contemporary Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [Online] Available from: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019687>.

УДК 002.2

DOI: 10.17223/23062061/16/6

Е.В. Динер

ПРИНЦИП ЭРГОНОМИЧНОСТИ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭЛЕКТРОННОЙ СРЕДЕ

Аннотация. *Обосновывается необходимость применения принципа эргономичности в электронной книжной коммуникации, выявляются его содержание и специфика реализации в каждой из составляющих электронной книги.*

Ключевые слова: *компьютерная коммуникация, электронная книга, принцип эргономичности, семантивная, сигнативная, синтактивная, прагмативная, темпоральная, материальная составляющие электронной книги.*

Особенности современной коммуникационной среды обусловили широкое распространение мультимедийных технологий, кардинальным образом изменивших систему книгопроизводства и книгораспространения, оказавших существенное влияние на процессы восприятия информации. Появление электронных средств коммуникации стало причиной распространения электронной книги, активное внедрение которой вызвало преобразование рынка книжной продукции.

По данным экспертов, за последние пять лет продажи электронных книг в России выросли примерно в семь раз, в три раза – их актуальный ассортимент [1. С. 38]. В 2016 г. объём рынка электронных книг составил 3,12 млрд руб., а по итогам 2017 г., согласно прогнозам, он вырастет до 3,64 млрд руб. [2]. Как отмечают исследователи, даже при консервативном развитии этого сценария к 2020 г. объём рынка электронной книжной продукции может достичь 7, 2 млрд руб. [1. С. 38]. Эти факты свидетельствуют о том, что электронные книги стали неотъемлемой частью современной книжной системы, самостоятельным сегментом книжного рынка и в настоящее время во многом определяют вектор их дальнейшего развития.

Компьютерные технологии, внедрённые в издательский процесс, позволяют создать качественно новый электронный продукт, в котором наилучшим образом могут быть учтены трансформации, происходящие в восприятии и порождении книжного текста. Медиатекст, отличающийся многомерностью, уровневой организацией информационной среды, соответствует модели коммуникативного сознания современного пользователя, его структура позволяет реализовать иной уровень взаимодействия читателя с книгой. Электронная коммуникация расширяет возможности выбора знакового разнообразия, структурного представления текста, его шрифтового и иллюстративного оформления. Иными словами, компьютерная среда может стать «отличной стартовой площадкой» для развития современного коммуникативного пространства в целом и книгоиздательской отрасли в частности [3; 4. С. 494].

Вместе с тем механизмы порождения текста, основанные на новых символах, программах, моделях, формальных языках, виртуальных представлениях и воображаемых ландшафтах [5. С. 17], на первый взгляд, не оставляют места для тех элементов системы «книга», которые развивались на протяжении нескольких столетий. Этот факт отмечен во многих научных работах, где проблема качества электронной продукции исследуется на эмпирическом уровне. Так, Ю.Я. Герчук писал, что «дилетантское» отношение к подготовке книги в электронной среде привело к появлению многочисленных книжных «уродцев», подделок «с непропорционально рассчитанными полями и съезжающей полосой набора» [6. С. 465]. Н.В. Вдовина отмечает, что в настоящее время качество электронных книг в большинстве случаев не выдерживает никакой критики. Более того, до недавнего времени продукция, распространяющаяся под именем «e-book», по сути, попирала культуру книги, представляя собой скорее «архив» настоящей книги, нежели самостоятельный культурный объект [7. С. 447–448].

Преодоление этих проблем возможно лишь в том случае, если использование преимуществ компьютерной коммуникации будет опираться на теорию и практику книжной культуры, разработанную по отношению к традиционной книге. В этом контексте

наиболее важным представляется выявление принципов, методов и приёмов, на основе которых процесс трансляции книжной культуры в электронную среду проходил бы наиболее эффективно. Однако, несмотря на свою актуальность, этот вопрос в современном книговедении пока не нашёл достаточного освещения.

Исследование различных аспектов электронной книги свидетельствует о том, что поиск таких принципов целесообразно осуществлять исходя из особенностей взаимодействия читателя с книгой [8]. Уровень эффективности этого взаимодействия в традиционном книговедении осознаётся как культура книги, а его значение для книжной коммуникации убедительно показано по отношению к книге печатной.

В современных условиях, характеризующихся усложнением технологических процессов, для обозначения эффективного взаимодействия человека и различных устройств, в том числе и технических, употребляется термин «эргономичность». Он восходит к понятию «эргономика», обозначающему область научного знания, которая изучает «организацию процесса приспособления средств труда к особенностям, возможностям и пределам человеческого организма» [9. С. 545]. Ряд проблем эргономики связан с задачами производства технически сложных товаров широкого потребления, к которым можно отнести и электронную книгу. В этом контексте понятие «эргономика» определяется как степень удобства использования предмета, оборудования, приспособления и является синонимичным термину «эргономичность». Если учесть, что содержание книги обязательно закреплено на каком-либо материальном носителе, с которым прежде всего имеет дело читатель, то логично сделать вывод: процесс её изучения и производства целесообразно строить на основе принципа эргономичности. Он применим и к книге традиционной, но наиболее актуальным представляется для исследования книги электронной, так как она включена в систему «человек – машина».

Предпосылки использования этого принципа по отношению к электронным документам, а к ним следует отнести и электронную книгу [8, 10], присутствуют в трудах по документологии, где термин «эргономичность» осознаётся как ценностная характеристика.

Но его содержание, представленное в научных работах, не лишено противоречий или является далеко не полным.

Так, в библиотечном справочнике «Электронные документы: создание и использование в публичных библиотеках», кроме таких характеристик, как а) актуальность тематики и содержания документа; б) полнота сведений об объекте документа, оригинальности фиксированного знания; в) достоверность и точность сведений об объекте; г) оперативность отражения и распространения информации; д) соответствие документа целям распространения знаний, которые свидетельствуют о качестве любого документа, отмечены:

1) доступность, под которой авторы в большей мере понимают экономические аспекты, определяющие условия доступа к электронной информации (свободный, коммерческий и др.). Однако термин «доступность» по отношению к электронному документу в научной литературе употребляется и в более широком значении. Например, А.И. Земсков, Я.Л. Шрайберг понятие «доступность» распространяют на а) навигационную доступность (сведения о том, где находится документ); б) техническую доступность (как организовать доставку документа пользователю, т.е. «транспортная доступность»); в) экономическую доступность, т.е. платность или бесплатность его предоставления пользователю; г) технологическую доступность (т.е. совместимость со средствами воспроизведения документа; д) режимную или цензурную доступность и др. [11. С. 146]. В содержание термина «эргономичность» укладываются лишь техническая и технологическая доступность;

2) комфортность, которую следует оценивать временем загрузки электронного документа. Однако такая характеристика далее входит в понятие «эргономичность» и взаимосвязана и другими качественными свойствами электронного документа (поисковыми, навигационными и др.), поэтому её следует относить к эргономичности;

3) эргономичность, это свойство авторы считают новым по наполнению и оценивают как оптимальное сочетание поисковых, загрузочных, навигационных и дизайнерских характеристик электронного документа [12].

В некоторых работах по документологии определены критерии оценки качества электронных документов, которые вполне можно соотнести с понятием «эргономичность». К ним принадлежат:

1) качество контента; оно имеет отношение к качеству передаваемой информации и может быть применено как к электронной, так и к неэлектронной книге;

2) качество сервисных характеристик, которое предполагает организацию навигации по электронному документу: поисковые возможности, возможность работы в режимах онлайн и офлайн, контекстные подсказки, контекстная помощь и др.;

3) качества дизайна: оптимальность цветовых сочетаний, контрастность изображения, адаптируемость к персональным характеристикам пользователя, качество представления графического материала, звуковой, видеоинформации и др.;

4) качество программной реализации, под которым понимается надёжность программного обеспечения, комфортность работы с ним, доступность, непротиворечивость в работе с другими программными средствами, его совместимость с устройством, воспроизводящим информацию, содержащуюся в электронном документе, и т.д. [13. С. 31].

Но эти критерии не осмыслены как характеристики, соответствующие принципу эргономичности, хотя и могут быть представлены в качестве некоторых его аспектов.

Таким образом, в работах по документологии выделены ценностные свойства электронных документов, которые могут быть представлены как отдельные аспекты эргономичности по отношению к электронной книге, но целостное представление о понятии «эргономичность» в них отсутствует.

Некоторые из этих свойств соотносимы с принципами синтактивности, выделенными в работах Ю.Н. Столярова по отношению к документу в целом. Анализируя документ как систему, автор выделяет в ней материальную, семантивную, сигнативную, синтактивную, прагмативную, темпоральную и другие составляющие. Синтактивная составляющая позволяет: а) облегчить восприятие текста, сэкономить время на его составление и усвоение; б) сразу ориен-

тировать в составных частях документа; в) благодаря наличию или отсутствию реквизитов, полноте их набора и правильности расположения в документе составить представление об общей культуре документопроизводителя; г) облегчить интерпретацию документа [10. С. 221]. В этом плане, согласно автору, работа над синтактивной составляющей документа должна опираться на принципы:

1) целесообразности (адекватности), определяющем выбор каждого элемента системы документа;

2) рациональности, который требует максимально наглядно и структурно воплощать замысел произведения минимальными композиционными и выразительными средствами, по возможности унифицированными для документов данного вида. Этот принцип, по Ю.Н. Столярову, предполагает эргономичную форму документа;

3) аттрактивности, предполагающему подчинение структуры документа, его знакового воплощения правилам гармонии, художественной образности. Соблюдение этого принципа позволяет эстетически воспринимать содержание документа, усиливать или ослаблять воздействие этого содержания на адресата [Там же. С. 222].

Учитывая глубокую взаимосвязь и взаимодействие всех составляющих документа, можно предположить, что эти принципы целесообразно применить ко всей системе документа. В этом случае становится возможным определить содержание принципа эргономичности по отношению и к электронному документу в целом, и к электронной книге в частности.

Выявление содержания принципа эргономичности производилось нами с опорой: 1) на требования, сформулированные в области книжной культуры по отношению к книге печатной; 2) особенности электронной коммуникации; 3) свойства электронных документов. Исходя из этого, оно включает в себя следующие требования:

1) **целесообразности**, распространяющееся:

– на техническую и технологическую доступность электронной книги (с помощью какого устройства воспроизводится ее содержание и насколько оно доступно в нужное время);

– выбор знаковых систем, необходимых для передачи информации;

- выбор формата, в котором будет представлено содержание книги;
- уровень её интерактивности;
- особенности структуры и инфраструктуры электронной книги;
- адаптируемость к персональным характеристикам пользователя;

2) **рациональности**, предполагающее:

- оптимальное сочетание поисковых, загрузочных, навигационных характеристик электронной книги;
- выбор программного обеспечения, его надёжность, доступность, непротиворечивость в работе с другими программными средствами, его совместимость с устройством, воспроизводящим информацию, содержащуюся в электронном документе;
- выбор оптимальных параметров отображения содержания книги (кегля шрифта, его гарнитуры, интерлиньяжа, объёма электронной страницы и т.д.);

3) **аттрактивности**, распространяющееся:

- на качество дизайна, выбор оптимальных цветовых сочетаний;
- контрастность изображения;
- качество представления графического материала, звуковой, видеoinформации.

Специфика реализации этого принципа в структуре электронной книги должна быть определена в соответствии с её читательским адресом и целевым назначением.

В среде стихийной электронной коммуникации, где любой человек имеет право выложить плоды своих размышлений или своего творчества [14. С. 235], принцип эргономичности может быть применён с целью отграничения электронных объектов книжной коммуникации от иных цифровых документов, т.е. для идентификации электронных книг. Его применение позволяет также: а) производить качественный электронный книжный продукт, отвечающий требованиям современного читателя; б) эффективно использовать преимущества информационных технологий в процессе создания электронной книги.

Реализация принципа эргономичности в системе электронной книги определяется спецификой каждой её составляющей. В *семантивной* (информационной) составляющей она будет обусловлена тем, что электронная книга, как и любая другая, является продуктом духовной деятельности человека, а одна из главных её функций – сохранять и приумножать духовные ценности общества. В этом смысле электронная книга отражает особенности духовной культуры человечества, возникшие в области современных технологий и свойственные информационному обществу. Отсюда к главным свойствам семантивной составляющей электронной книги можно отнести гипертекстуальность и интерактивность, которые имеют принципиально иной уровень по сравнению с книгой печатной и позволяют читателю по-новому взаимодействовать с текстом, активно воспринимать его содержание, а иногда становиться сотворцом смыслов, автором новых сюжетов.

С учётом этого принцип эргономичности должен быть направлен: а) на определение уровня гипертекстовости и интерактивности, необходимых для конкретного пользователя; б) обеспечение полноты и скорости получения информации, необходимой для усвоения содержания книги; в) обеспечение эффективного взаимодействия читателя с содержательным компонентом книги; устранение «информационного шума», тщательный подбор информации, составляющей содержание ссылок и т.д.

В *сигнативной*, знаковой, составляющей он должен быть нацелен на решение следующих задач: 1) максимально облегчить восприятие содержания книги для читателя; 2) добиться наиболее эффективного усвоения содержания текста; 3) сделать интересным процесс чтения. И в этом смысле необходимо учесть, что сохранение интереса к чтению среди подрастающего поколения во многом зависит от того, насколько эффективно будет осуществляться выбор знаковых систем для представления информации в компьютерной среде. Поэтому по отношению к знаковой составляющей принцип эргономичности применяется с целью:

– выбора знаковых систем, используемых в мультимедийном тексте;

- определения их количественного соотношения;
- компоновки смысловых и зрительных блоков;
- определения особенностей расположения различной знаковой информации на электронной странице;
- выбора цветовой гаммы оформления текста.

При этом важными становятся как целесообразность, рациональность использования тех или иных знаковых систем, так и требование аттрактивности, поскольку сочетание различных блоков информации и их объединение в стиле оформления текста необходимо основывать на законах гармонии.

Синтактивная составляющая электронной книги характеризует структуру и инфраструктуру её содержания, поэтому играет решающую роль в плане соблюдения такого книговедческого требования, как удобочитаемость. Исходя из того, что под термином «удобочитаемость» понимают комплексное свойство текстового материала, характеризующее лёгкость его восприятия человеком [15. С. 81], можно сделать вывод: соблюдение этого требования определяет реализацию принципа эргономичности на различных уровнях структуры синтактивной составляющей электронной книги, а именно:

- в аппарате смысловой рубрикации текста;
- зрительно-смысловой структуризации текста;
- аппарате смысловой акцентировки отдельных элементов текста;
- аппарате пространственной развёртки текстового сообщения.

1. В рамках смысловой рубрикации электронного текста принцип эргономичности должен быть реализован как оптимальный выбор средств навигации, способствующий ориентации читателя в информационном поле книги. Это зависит как от её функциональных особенностей, так и от программного обеспечения, которое в этом смысле становится неотъемлемой частью синтактивной составляющей документа.

Принцип эргономичности важен и в решении вопроса, касающегося уровня гипертекстовой структуры, которая может быть создана посредством: 1) внесения гиперссылок в первичный электронный документ; 2) преобразования первичного текстового до-

кумента в гипердокумент с помощью необходимого программного обеспечения; 3) создания первичного документа в гипертекстовой форме. Например, для электронной научной статьи целесообразен первый вариант гипертекста, поскольку всю структуру её содержания превращать в гипертекст не имеет смысла, а для электронного научного журнала необходим третий вариант, так как в этом случае нужно установить семантические связи не только с научными статьями, вошедшими в конкретный номер журнала, но и с архивом номеров, редакцией и т.д.

Принципу эргономичности должен соответствовать выбор и структуры гипертекста: иерархической или сетевой, и гиперссылок, и специфики их реального действия. Например, требование целесообразности поможет определить, насколько необходимы в электронной книге внешние гиперссылки, отправляющие читателя к другому документу, а требование рациональности даст возможность осуществить навигацию внутри электронной книги с помощью локальных ссылок.

2. В зрительно-смысловой структуризации электронного текста большое значение имеют характеристики, связанные с психофизиологическими особенностями человека, проявляемыми в процессе его чтения и осмысления [15, 16]. В этом случае принцип эргономичности реализуется в том, что программное обеспечение позволяет настраивать различные параметры электронного текста под индивидуальные требования пользователя. Компьютерные устройства дают возможность сделать текст удобочитаемым и установить интерлиньяж, кегль и гарнитуру шрифта, абзацный отступ, особенности расположения текста на электронной странице, цветовую гамму электронного текста. Однако при выборе этих характеристик следует учесть, что:

1) при высоких разрешениях экрана шрифты с засечками подчёркивают горизонтальное направление и помогают глазу скользить вдоль строки, способствуя беглому чтению, при низких таких шрифты искажаются и теряют свои качества [17, 18]. В этом плане использование готических шрифтов, которые не теряют своих очертаний, в электронной среде более целесообразно;

2) использование величины кегля менее 12 пунктов в электронном тексте либо нецелесообразно, либо возможно только при увеличении междусимвольного интервала.

3. Рассмотрение особенностей смысловой акцентировки на отдельных элементах электронного текста обусловлено тем фактом, что в этом аппарате реализуются определённые интерактивные свойства, присущие как электронной, так и традиционной книгам. Уровни интерактивности в аппарате акцентировки зависят от того, кем является субъект по отношению к электронной книге: её автором или читателем. Если автором, то одним из направлений деятельности субъекта будет создание акцентов на некоторых важных по смыслу фрагментах текста, т.е. их выделение тем или иным способом: изменением начертания шрифта, цветности, подчёркиванием и т.д. Этот уровень интерактивности присутствует и в печатной книге.

Если субъект – читатель, то интерактивность может быть осознана как «отклик» со стороны коммуникационного объекта, направленный на адресата, но обусловленный его желаниями и предпочтениями [19]. Этот уровень прежде всего связан с возможностями компьютерного устройства. Например, все виды персональных компьютеров поддерживают функцию, сопряжённую с желанием читателя так или иначе выделить фрагмент текста, оставить комментарий, сделать закладку и др. В этом случае принцип эргономичности в синтактивной составляющей электронной книги реализуется как на уровне акцентировки, выбранной автором, так и на уровне функциональных возможностей компьютерного устройства. Необходимо отметить, что такая функция поддерживается не всеми гаджетами, однако это вопрос их технической эволюции.

4. С позиции пространственной развёрстки текстового сообщения принцип эргономичности требует оптимального для восприятия размера электронной страницы. Особенности электронной коммуникации обуславливают необходимость соблюдения нескольких правил, следование которым облегчает восприятие электронного текста:

– необходимо избегать расположения большого по объёму текста на одной электронной странице; в противном случае у читателя возникает ощущение его «бесконечности», в результате чего восприятие содержания становится поверхностным, а интерес к нему пропадает;

– электронная страница книги, имеющей гипертекстовую структуру, стремится к объёму, прочитать который можно с помощью 2–3 «кликов» компьютерной мыши. В этом случае на электронной странице располагается самая важная информация, а весь остальной текстовый материал может быть оформлен в виде гиперссылок.

Эти требования становятся особенно актуальными для учебной, детской электронной литературы; как правило, их придерживаются разработчики сайтов электронных газет и журналов.

Принцип эргономичности по отношению к синтактивной составляющей электронной книги обуславливает и решение проблемы, касающейся оцифровки печатных изданий. Если необходимо сделать цифровую копию издания без изменений, то он будет направлен на сохранение качества структуры и инфраструктуры печатной книги. В случае если копия производится с изменением каких-либо элементов, реализация принципа эргономичности должна обеспечивать качество взаимодействия читателя с книгой. Например, при необходимости улучшить удобочитаемость шрифта могут быть изменены его кегль, гарнитура, для более точного восприятия информации добавлены комментарии, приложения, списки литературы и т.д.

С позиции *прагмативной* составляющей электронной книги принцип эргономичности реализуется в выборе оптимального способа доступа к её содержанию. Он может быть обусловлен, во-первых, спецификой синтактивного компонента, например уровнем гипертекстовости; во-вторых, возможностями компьютерного устройства и программного обеспечения, с помощью которых читается книга. Например, большинство букридеров пока не поддерживают функцию гипертекста, поэтому обеспечивают только последовательный доступ к информации, в то время как смартфо-

ны и планшеты, как правило, реализуют возможность произвольного и комплексного доступа. В этом смысле эффективность прагмативного компонента взаимосвязана с материальной составляющей электронной книги.

В *темпоральной* составляющей принцип эргономичности проявляется в отсутствии необходимости ее переиздания. В этом значительное преимущество электронной книги: изменение ее содержания не требует материальных и временных затрат.

Применение принципа эргономичности в *материальной* составляющей требует правильного выбора материального носителя с учетом читательского адреса и целевого назначения. Например, содержание справочного издания, скажем, словаря, целесообразнее и рациональнее представить в электронном виде, а содержание художественного текста – в печатном.

При выборе устройства для чтения электронной книги важное значение имеют: а) формат и масса компьютерного устройства; б) объём его памяти; в) энергонезависимость устройства; г) размер экрана (он должен быть оптимальным для чтения); д) возможность поддерживать цветность изображения. Эти параметры обуславливают степень удобства использования электронной книги в качестве предмета для чтения.

Таким образом, принцип эргономичности позволяет не только полностью реализовать преимущества компьютерной коммуникации в процессе создания электронной книги, но и обеспечивает трансляцию традиций книжной культуры в новую информационную среду. Находясь в основе изучения понятия «электронная книга» и производства электронного контента, он даёт возможность разграничить электронную книгу и другие цифровые объекты документивной коммуникации, создать электронный книжный продукт, отвечающий всем требованиям современной информационной среды, а также сформировать систему оценки его качества.

Литература

1. Харитонов В.В. Электронное книгоиздание в России. Проблема доступа и государственное регулирование. М., 2016. 182 с.
2. Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития : отраслевой доклад / под ред. В.В. Григорьева. М., 2016. URL: <http://www.unkniga.ru/> (дата обращения: 29.07.2017).
3. Немировский Е.Л. Большая книга о книге. М., 2010. 1088 с.
4. Тимофеева Ю.В. Электронная эпоха: вызовы как стимулы развития книжной культуры // Книга в информационном обществе : материалы XIII междунар. науч. конф. М., 2014. Ч. 1. С. 494–495.
5. Формирование информационного общества в XXI веке / сост. Е.И. Кузьмин, В.Р. Фирсов. СПб., 2006. 640 с.
6. Герчук Ю.Я. Искусство печатной книги в России XVI–XXI веков. СПб., 2014. 512 с.
7. Вдовина Н.В. Инновационное развитие общества и культура электронной книги: к постановке проблемы // Книга в информационном обществе: материалы XIII междунар. науч. конф. М., 2014. Ч. 1. С. 447–448.
8. Динер Е.В. Теоретико-методологические подходы к обоснованию электронной книги как книговедческой категории : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2016. 451 с.
9. Управление персоналом. Энциклопедия. М., 2013. Ч. VI. 554 с.
10. Столяров Ю.Н. Документология : учеб. пособие. Орёл : Горизонт, 2013. 370 с.
11. Земсков А.И., Шрайберг Я.Л. Электронная информация и электронные ресурсы: публикации и документы, фонды и библиотеки. М., 2007. 528 с.
12. Электронные документы: создание и использование в публичных библиотеках : справочник. СПб., 2007. 664 с.
13. Колкова Н.И., Скипор И.Л. Технология создания электронных информационных ресурсов : учеб. пособие. М., 2013. 360 с.
14. Шартье Р. Письменная культура и общество. М., 2006. 272 с.
15. Тарасов Д.А. Интерлиньяж как фактор скорости чтения на примере бумажных и веб-текстов // Известия вузов. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2013. № 2. С. 81–88.
16. Sanford A.J. The Mind of Man: Models of Human Understanding. The Harvester Press, 1987. 141 p.
17. Гешев М.Я. Разработка методики определения удобочитаемости текстов и исследование влияния отдельных факторов на технологию набора и параметры шрифта : дис. ... канд. техн. наук. М., МПИ, 1973. 187 с.
18. Tinker M.A. Studies of typographical factors influencing speed of reading: III Length of line. The Journal of Applied Psychology. June 1929. Vol. 13, № 3. P. 205–219.

19. Ильиных М.С. Создание электронных изданий на основе системных представлений для поддержки профессиональной деятельности : дис. ...канд. техн. наук. Ижевск, 2005. 162 с.

THE PRINCIPLE OF ERGONOMICS AS A FACTOR OF BOOK CULTURE CONSERVATION IN THE ELECTRONIC ENVIRONMENT

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2018, 16, pp. 86–102

DOI: 10.17223/23062061/16/6

Elena V. Diner, Vyatka State University, (Kirov, Russian Federation). E-mail: sautinalina@yandex.ru

Keywords: computer communication, electronic book, ergonomic principle, semantic, signatory, syntactical, pragmatic, temporal, material components of electronic book.

The article substantiates the need to build e-book communication on the basis of the traditions of book culture. It is noted that one of the topical issues in modern bibliography is the question of methods and techniques for translating book culture into a computer environment. On the basis of the prerequisites that are present in works on documentology, it is concluded that the study and creation of the electronic book should be based on the principle of ergonomics allowing for effective interaction in the human-machine system. The article reveals the content of the principle of ergonomics in relation to the electronic book, determines the specificity of its implementation in the semantic, signatory, syntactical, pragmatic, temporal and material components. This specificity is determined by the features of the cyber-environment, which is characterised by other conditions of user interaction with the book. The principle of ergonomics makes it possible, in accordance with the reader's address and purpose, to choose the level of interactivity and hypertext of the electronic book, to establish the ratio of the sign systems used for the purpose of information transfer, to choose the material carrier, the parameters that ensure the readability of the text, etc. These facts allow the author to conclude that the principle of ergonomics ensures the production of a quality electronic book product in which the traditions of the culture of the book are preserved and the advantages of the modern information environment are used.

References

1. Kharitonov, V.V. (2016) *Elektronnoe knigoizdanie v Rossii. Problema dostupa i gosudarstvennoe regulirovanie* [Electronic book publishing in Russia. The problem of access and government regulation]. Moscow: Kabinetnyy uchenyy.
2. Grigoriev, V.V. (2016) *Knizhnyy rynek Rossii: sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya: otraslevoy doklad* [The Russian Book Market: Status, Trends and Development Prospects: Industry Report]. [Online] Available from: <http://www.unkniga.ru/>. (Accessed: 29th July 2017).
3. Nemirovskiy, E.L. (2010) *Bol'shaya kniga o knige* [A Great Book About the Book]. Moscow: Vremya.

4. Timofeeva, Yu.V. (2014) [The electronic age: Challenges as stimuli for the development of book culture]. *Kniga v informatsionnom obshchestve* [The Book in the Information Society]. Proc. of the 13th International Conference. Moscow. pp. 494–495. (In Russian).
5. Kuzmin, E.I. & Firsov, V.R. (2006) *Formirovanie informatsionnogo obshchestva v XXI veke* [The formation of the information society in the 21st century]. St. Petersburg: RNB.
6. Gerchuk, Yu.Ya. (2014) *Iskusstvo pechatnoy knigi v Rossii XVI–XXI vekov* [The art of the printed book in Russia in the 16th – 21st centuries]. St. Petersburg: Kolo.
7. Vdovina, N.V. (2014) Innovative development of society and the culture of electronic books: the formulation of the problem. *Kniga v informatsionnom obshchestve* [The Book in the Information Society]. Proc. of the 13th International Conference. Moscow. pp. 447–448. (In Russian).
8. Diner, E.V. (2016) *Teoretiko-metodologicheskie podkhody k obosnovaniyu elektronnoy knigi kak knigovedcheskoy kategorii* [Theoretical and methodological approaches to the substantiation of the electronic book as a bibliographic category]. Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
9. Kibanov, A.Ya. (ed.) (2013) *Upravlenie personalom. Entsiklopediya* [Personnel Management. An Encyclopedia]. Moscow: Infra-M.
10. Stolyarov, Yu.N. (2013) *Dokumentologiya* [Documentology]. Orel: Horizont.
11. Zemskov, A.I. & Shrayberg, Ya.L. (2007) *Elektronnaya informatsiya i elektronnye resursy: publikatsii i dokumenty, fondy i biblioteki* [Electronic information and electronic resources: publications and documents, funds and libraries]. Moscow: Fair.
12. Gilyarevskiy, R.S. & Gordukalova, G.F. (eds) (2007) *Elektronnye dokumenty: sozдание i ispol'zovanie v publichnykh bibliotekakh* [Electronic documents: creation and use in public libraries]. St. Petersburg: Professiya.
13. Kolkova, N.I. & Skipor, I.L. (2013) *Tekhnologiya sozdaniya elektronnykh informatsionnykh resursov* [The technology of creating electronic information resources]. Moscow: Litera.
14. Chartier, R. (2006) *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [Written Culture and Society]. Translated from French by I. Staf. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
15. Tarasov, D.A., Sergeev, A.P. & Kornilova, Yu.I. (2013) Leading as a Factor of Reading Speed on the Example of Paper and Web Texts. *Izvestiya vuzov. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela – Proceedings of the Institutions of Higher Education. Issues of the Graphic Arts and Publishing*. 2. pp. 81–88. (In Russian).
16. Sanford, A.J. (1987) *The Mind of Man: Models of Human Understanding*. The Harvester Press.
17. Geshev, M.Ya. (1973) *Razrabotka metodiki opredeleniya udobochitaemosti tekstov i issledovanie vliyaniya otdel'nykh faktorov na tekhnologiyu nabora i parametry shrifta* [Development of a methodology for determining the readability of texts and the study of the influence of individual factors on the technology of the set and the parameters of the font]. Engineering Cand. Diss. Moscow.

18. Tinker, M.A. (1929) Studies of tipographical factors influencing speed of reading: III Length of line. *The Journal of Applied Psychology*. 13(3). pp. 205–219. DOI: 10.1037/h0073597.

19. Ilinykh, M.S. (2005) *Sozdanie elektronnykh izdaniy na osnove sistemnykh predstavleniy dlya podderzhki professional'noy deyatel'nosti* [Creation of electronic publications on the basis of system representations for the support of professional activity]. Engineering Cand. Diss. Izhevsk.

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

УДК 808.2

DOI: 10.17223/23062061/16/7

Л.А. Мосунова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕИЗДАНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ КЛАССИКИ (НА ПРИМЕРЕ О. УАЙЛЬДА)

Аннотация. *Поднимается проблема сохранения традиций книжной культуры и культуры чтения. Разработка вспомогательного аппарата к изданию рассматривается как важный момент редакционной подготовки переизданий зарубежной классики, содействующий пониманию имплицитных смыслов художественных текстов. Творчество Оскара Уайльда нуждается в пояснениях для читателя ввиду своеобразия его художественной системы. Анализируются в этом аспекте переиздания О. Уайльда в Кировской областной универсальной научной библиотеке им. А.И. Герцена. Разработаны примеры элементов аппарата к сказкам Уайльда.*

Ключевые слова: *О. Уайльд, переиздание зарубежной классики, структура художественного текста, имплицитные смыслы, аппарат переиздания, культура чтения.*

В издательском деле в последние десятилетия очевидна тенденция к увеличению числа переизданий произведений писателей-классиков. Как правило, произведения классиков выпускаются в сериях «Русская классика», «Зарубежная классика», «Библиотека мировой литературы», «Литературные памятники» и др. По данным Роспечати, чаще всех переиздается Л.Н. Толстой, переиздаются также А.С. Пушкин, М.А. Булгаков, Ф.М. Достоевский, В.С. Пикуль, а из зарубежных классиков – Оноре де Бальзак, Оскар Уайльд, Вальтер Скотт, Ги де Мопассан, Гарсиа Маркес, Д. Голсуорси и др. Примечательно, что Оскар Уайльд занимает в этом перечне одно из первых мест. Его творчество столь уникально, так выделяется среди произведений писателей конца XIX в., что до сих пор вызывает острый интерес учёных. Произведения Уайльда заслуженно считаются классикой мировой литературы, к которой с течением времени не угасает и читательский интерес.

Книги со сказками Уайльда, романом «Портрет Дориана Грея», пьесами и стихами переиздаются с завидной частотой – в среднем раз в два года, подтверждая высокий спрос на его произведения. Так, в 2007 г. в издательстве «Пан пресс» были переизданы сказки Уайльда с прекрасными иллюстрациями Д.Д. Гордеева: «Счастливый принц» и «Рыбак и его душа» в переводе К.И. Чуковского, «День рождения инфанты» и «Молодой король» в переводе В.Э. Орла, «Мальчик-звезда» в переводе Т.А. Озерской. В 2008 г. издательство «Махаон» выпустило «Кентервильское привидение» в переводе с английского Ю.И. Кагарлицкого и иллюстрациями М.С. Митрофанова, а в 2010 г. – «Сказки» с иллюстрациями М.А. Михальской и т.п.

К переизданию сказок О. Уайльда обращались издательства «Дрофа-Плюс» («День рождения инфанты», 2008), санкт-петербургская «Азбука» («Великан, который думал только о себе», 2010), «Детская литература» («Сказки», 2012) и др. Широкий спектр переизданий Уайльда предлагают интернет-платформы OZON.ru, labirint.ru, amazon.com. В последние годы (2013–2016) за переиздания классика английской литературы брались многие солидные издательства: «Юрайт», «Искатель», «Детская литература», «АСТ», «Эксмо» и др. Иными словами, книжный маркетинг, основанный на изучении запросов потребителя, показывает наличие интереса у современного читателя к произведениям Оскара Уайльда.

Однако читателю XXI в. произведения классической литературы, в том числе конца XIX – начала XX в., могут быть не в полной мере доступны. Во-первых, язык – постоянно меняющаяся и развивающаяся сложная система. Язык отображает реалии своего времени, в связи с чем часть слов, выражений, оборотов речи появляются в языке или исчезают из него [1]. Поэтому восприятие классических произведений со временем может искажаться и не соответствовать замыслу автора. Во-вторых, структура художественного текста многослойна, художественный текст гарантированно содержит скрытые, глубинные слои (М.М. Бахтин [2. С. 17], И.Р. Гальперин [3. С. 27–29], Ю.М. Лотман [4. С. 30–31] и др.), к

которым читатель может не проникнуть не только из-за непонимания реалий времени, но и вследствие недостаточного понимания смысла текста в целом и его скрытых (имплицитных) смыслов в частности. Тем самым современный читатель оказывается наедине с как будто бы простым и понятным, но на самом деле весьма далёким от его представлений, обусловленных иным образом мира, текстом.

Из данных предпосылок очевидно, что переиздание классического произведения обладает определённой спецификой и требует от издателя и редактора особого подхода, тонкой квалифицированной работы. Подготовка переиздания классической литературы к печати ставит перед редактором весьма сложные задачи. Он должен не только учесть особенности данных художественных текстов. Ответом на вопрос: как приблизить классическое произведение к читателю? – может быть подготовка качественного и обширного аппарата, который соответствовал бы потребностям современного читателя. Умело построенный, вспомогательный аппарат способствует не только взрослому, но и юному читателю в полной мере проникнуть в художественный мир классика, насладиться его эстетическим своеобразием. Отсюда возникает исследовательская задача: выявить особенности редакторской подготовки аппарата переизданий сказок Оскара Уайльда, обладающих имплицитными смыслами.

Эмпирические основы исследования составил анализ изданий Оскара Уайльда в фондах Кировской областной универсальной научной библиотеки им. А.И. Герцена (КОУНБ им. А.И. Герцена). Библиотека – крупнейший фонд художественной и научной литературы в Кировской области. Изучение книг О. Уайльда в фондах библиотеки позволяет представить картину, отражающую сравнительный уровень подготовки его переизданий в прежнее время и в наши дни и тем самым выявить на примере произведений О. Уайльда актуальные проблемы переиздания литературной классики.

Интересно, что наибольшее количество переизданий Уайльда в КОУНБ им. А.И. Герцена приходится на конец 80-х гг. XX в. – начало 2000-х гг. XXI в. Заслуживает внимания тот факт, что,

несмотря на тенденцию популярности в 90-е гг. XX в. так называемой лубочной литературы, гламурных журналов, паранаучной литературы (экстрасенсорика, магия и т.п.), хлынувшей на книжный рынок после распада Советского Союза, классическая литература сохраняла популярность среди читателей, в том числе произведения Оскара Уайльда, которые стали активно переиздаваться. Значит, на них был читательский спрос, переиздавать их было выгодно. Именно в девяностые годы сказки и «Портрет Дориана Грея» особенно востребованы у читателя и переиздаются практически ежегодно. На втором месте по количеству переизданий стоят стихотворения и пьесы писателя. Затем идут его сборники писем, сочинений и лекций.

Однако большинство изданий этого времени содержат, как правило, лишь основной текст и минимальные выходные сведения. Несмотря на то что аппарат переиздания классического произведения традиционно должен включать в себя, кроме обязательных оглавления и выходных сведений, другие элементы: предисловие, вступительную статью, биографию писателя, комментарии и примечания, послесловие, – мы убедились, что в реальной издательской практике эти традиции зачастую не поддерживаются.

Анализируя наличие важных для переиздания зарубежной классики элементов аппарата, мы обнаружили, что обширным и качественным аппаратом обладают издания лишь досоветского и советского периодов. Приведём примеры таковых: О. Уайльд. Полное собрание сочинений с критико-биографическим очерком и портретом автора, том 1, 2, 3 (1912) [5]; О. Уайльд «Пьесы» (1960) [6]; О. Уайльд «Избранные произведения», том 1, 2 (1960) [7]; О. Уайльд «Портрет Дориана Грея» (1978) [8]. В этих книгах не просто присутствуют почти все необходимые элементы аппарата, более того, эти элементы подготовлены на высоком редакционном уровне, достойном издания произведений классической литературы.

В более поздних изданиях, начиная с 80-х годов XX в. и по настоящее время, мы наблюдаем снижение уровня подготовки аппарата переизданий Оскара Уайльда. Из необходимых элементов, как правило, присутствуют только оглавление и выходные сведе-

ния. Редко (в 10–12% случаев) встречаются комментарии или примечания, лишь иногда – предисловие (4%) или послесловие (6%). Среди современных изданий выделяется основательной редакторской подготовкой, пожалуй, только «Портрет г-на У.Г.» Уайльда (ИД «Bookinist», 2011) [9]: книга снабжена практически всеми элементами аппарата, кроме предисловия. К сожалению, данное издание скорее исключение, чем правило современной издательской практики в отношении произведений О. Уайльда.

Проанализировав качество подготовки переизданий Оскара Уайльда, хранящихся в фондах КОУНБ им. А.И. Герцена (52 наименования), мы пришли к выводу, что 80% изданий не соответствуют сложившимся стандартам книжного дела в подготовке аппарата классического произведения. Значительное число книг (40 из 52) либо не имеют аппарата вовсе, либо аппарат издания является крайне скудным и включает в себя лишь оглавление и выходные сведения. Очевидно, что тенденция упрощения состава аппарата переиздания связана с политикой частных издательств, целью которых, как правило, являются экономия вкладываемых средств и получение прибыли. На задний план отходит уровень подготовки издания в целом, качество подготовки его аппарата в частности, нередко страдает и полиграфическое исполнение. Конкуренция на рынке велика, издательства стремятся реализовать как можно больше продукции за наименьшее время, подготовка же качественного аппарата требует значительных временных затрат и работы целой команды специалистов в данной области знаний. «Гонка» издательств за прибылью снижает уровень культуры большинства современных изданий, всё реже можно встретить книгу, которая бы полностью соответствовала требованиям, предъявляемым к переизданию классической литературы.

В связи с этим возникает серьёзная социально-психологическая проблема. Некачественная подготовка издания влияет на читателя: у него формируется низкий уровень культуры чтения, оно делается поверхностным. Потребителю становится достаточно одного текста, не сопровождаемого поясняющими элементами, которые могли бы углубить понимание прочитанного. Отчасти в ограниченно-

сти аппарата переизданий классической литературы можно увидеть одну из причин снижения уровня осмысления текста читателем, а главное, желания и возможности глубже вникнуть в произведение. Тем самым разрушается основополагающая потребность в постижении общечеловеческих «вневременных» смыслов путём чтения художественных произведений. А ведь это одна из причин выхолащивания внутреннего мира личности, ущербности её духовного опыта [10. С. 3]. Например, без комментариев и примечаний сегодня практически невозможно полноценно воспринять тексты О. Уайльда.

Во-первых, это связано с художественными идеалами писателя: принципом парадоксальности (по Уайльду, путь парадоксов – путь истины); принципом эстетизма (красота бесполезна в практическом смысле, она выше жизни с её утилитарными представлениями о счастье); принципом дизайна (некоей прикладной эстетики, которой подчиняется не только внешний, но внутренний мир человека, где чувства расставляются, подобно дорогой и изысканной мебели или точно огранённым драгоценным камням в ожерелье). Во внешнем облике и внутреннем мире, в стиле поведения и высказывания, в окружающей обстановке и даже открывающейся глазу природе должен царить Art, т.е. искусство как художественное ремесло, искусность и искусственность, или дизайн. Так уайльдовская Красота (Beauty) оказывается тождественной уайльдовскому же Искусству (Art): и то и другое сливаются в дизайне [11. С. 46–52].

Во-вторых, как следствие основополагающих идей писателя: эстетизма, искусства как дизайна и парадоксальности – возникает проблема понимания имплицитных смыслов его произведений, в частности, проблема полноценного восприятия его блистательных литературных сказок, адресованных юным читателям. Более того, исследователи говорят о «феномене Уайльда», который заключается в неразрывности творчества и жизни писателя, в создании и поддержании самим автором «автодизайна», или некоего имиджа, который пронизывает не только произведения писателя, но и всю его жизнь [12. С. 102].

Очевидно, что без специальной редакторской подготовки издания читатель остаётся один на один с внешне простыми, но по сути крайне сложными, содержащими огромное количество скрытых смыслов текстами, тесно переплетающимися со сложной и загадочной личностью самого писателя [13]. Поэтому столь необходимо при переиздании произведений Оскара Уайльда не просто перепечатывать текст, меняя оформление, но и создавать подробный аппарат переиздания. Подчеркнём ещё раз, что традиции и культура переиздания классических произведений требуют от редактора включения в переиздание качественно проработанного аппарата. Кроме того, аппарат поможет читателю не только глубже понять само произведение, но и рассмотреть среди его строк личность автора.

Таким образом, разработка эффективного аппарата к переизданию О. Уайльда является актуальной проблемой книжного дела. Отправной точкой для её решения становится определение в текстах имплицитных смыслов [14. С. 2–9]. Осмысление произведений помогает «высветить» потенциально недоступные для читателя фрагменты текста, которые нуждаются в пояснении.

Обратимся, в частности, к его сказкам, их художественному своеобразие и покажем возможные пути редакторской помощи читателю.

Сказки Уайльда – эталон литературной сказки, литературная стилизация. Здесь встречается несвойственное другим произведениям Уайльда-писателя открытое и прямое утверждение единства красоты и морали, хотя соотношение эстетического и этического начал пронизывает всё творчество Уайльда. В сказках внешняя красота лишь иногда является следствием внутреннего преображения (финал сказки «Мальчик-звезда»), чаще же с ней не совпадает (профессорская дочь в сказке «Соловей и роза», невзрачный Соловей в этой же сказке, Великан в сказке «Великан-эгоист» и т.д.). Внешней красоте противопоставлена внутренняя красота, которая является синонимом доброты, выражающейся в поступке. Следовательно, в материальном мире представлены только внешняя красота и добрый поступок. Цепочка «внутренняя красота – доброта – поступок» на этом и обрывается.

Последствия поступка могут быть любыми [15].

Поступок может никак не повлиять на жизнь, не иметь практической ценности, жертва может быть напрасной. Так, в сказке «Соловей и роза» Соловей пожертвовал жизнью, чтобы напоить своей кровью розу, но роза не произвела никакого впечатления на профессорскую дочь, и Студент, ради счастья которого принёс свою жертву Соловей, бросил розу под колеса проезжающей мимо телеги.

Поступок может разрушить внешнюю красоту. Так, в «Счастливым принце» статуя Принца, проникшаяся жалостью к нищим и обездоленным, отдаёт Ласточке все украшающие её драгоценные камни, даже те, которые вставлены в глаза, и становится уродливой. Городские власти отправляют статую на переплавку, руководствуясь выводом университетского Профессора Эстетики: «В нём уже нет красоты, а стало быть, и пользы!».

Но всё это, по мнению О. Уайльда, совершенно не важно. Доброта как внутренняя красота самоценна. Награда за неё ждёт разве что на небесах («Счастливый принц», «Великан-эгоист»). Таким образом, реализуется принцип творчества Оскара Уайльда – принцип эстетизма: красота бесполезна в практическом смысле, она выше жизни с её утилитарными представлениями о счастье [16. С. 49–51].

Все эти особенности сказок Уайльда должны быть донесены до читателя, иначе их восприятие может оказаться весьма обеднённым.

В заключительной части статьи представим в качестве примеров отдельные элементы потенциального аппарата переиздания сборника сказок О. Уайльда. Их разработка выполнена с учётом изложенных выше теоретических основ и эмпирических данных. Иными словами, мы учитывали основные принципы творчества О. Уайльда; опирались на требования, предъявляемые к отбору произведений для переиздания, а также на традиции, определившие особенности подготовки аппарата переиздания классической литературы; брали во внимание наличие в текстах сказок Оскара Уайльда имплицитных смыслов, старались привлечь к ним внимание читателя, тем самым сделать содержание произведений более доступным.

Начнём с **аннотации** – краткой характеристики тематического содержания издания (произведения), его социально-функционального и читательского назначения, формы и других особенностей. Аннотация является частью дополнительных выходных сведений и сразу даёт представление о содержании издания.

Оскар Уайльд – один из виднейших писателей Великобритании. Всю жизнь он шёл своим путём, не обращая внимания на общественное мнение. Его раздражало всё примитивное, а некрасивое, безвкусное – отталкивало. Единственным убежищем от скуки и пошлости для него было искусство. С помощью силы искусства он мог «позабыть все распри и ужасы мира».

Особое место в творчестве Оскара Уайльда занимают сказки. Самые известные среди них: «Звёздный мальчик», «Соловей и роза», «Счастливый принц», «Преданный друг» и другие. Эти сказки восхищают как взрослых, так и детей во всём мире. Весёлые и радостные, грустные и трогательные истории заставляют задуматься о добре и зле, любви и дружбе, преданности и сострадании, красоте внешней и душевной.

Мы рекомендуем прочтение сказок Оскара Уайльда всей семьей, поскольку каждый сможет найти в них для себя что-то новое или узнать в некоторых героях себя самого.

Для переиздания сказок Уайльда мы выбрали жанр **предисловия**, а не вступительной статьи, так как вступительная статья целесообразней для издания серьёзных, объёмных произведений. Например, в случае с произведениями Уайльда вступительная статья уместна к роману «Портрет Дориана Грея». Вступительная статья обобщает творчество писателя, описывает его творческий путь, анализирует критику, подводит некоторый итог определённого этапа или творчества писателя в целом. В сборнике сказок такой элемент аппарата издания, как вступительная статья, неуместен, её содержание может быть недоступно пониманию в первую очередь не взрослого, а юного читателя. А вот краткое предисловие подготовит читателя к восприятию сказок. Оно может примерно таким:

Возможно, гений Оскара Уайльда лишь наполовину воплотился в ста опубликованных им произведениях. Другую половину состав-

ляли его беседы, ведь он принадлежал к группе великих мастеров устного слова, мастеров, словесная изобретательность и остроумие которых были слишком велики и блестящи, чтобы ограничиться рамками писательства.

Уайльд являлся не просто остроумным человеком, но и голосом, и провидцем: мощь личности пронизывает и наполняет собой и тексты, изданные при жизни писателя, и тексты, записанные по воспоминаниям его знакомых и родных. Даже подвергнутый суду и тюремному заключению он не утратил своей искромётной и изобильной творческой фантазии. Уайльд не мог перестать рассказывать, как не мог перестать дышать. Он был прирождённым писателем, испытывавшим неиссякаемую потребность раскрасить мир вокруг, добавить ему блеска своими рассказами и историями, в которых возвышенное и чудесное мешаются в равной пропорции.

Тем читателям, которые знакомы с Уайльдом только по его пьесам и афоризмам, может показаться неожиданным, что этого человека непрестанно и сильно влекло к себе божественное. Тема греха и его искупления нашла отражение в сказках писателя, которые были созданы им для сыновей. Земная, светская сторона его творчества, как и библейские притчи, обнаруживает глубокое постижение им проблем первородного греха и искупления. При этом некоторая ирония не исключается писателем. Бог Уайльда вовсе не всегда и не только был богом исключительно христианским. В раннем детстве писатель проникся волшебством древних кельтских верований, и мощь его фантазии частично строилась на них, питалась кельтским фольклором. Отражение эти идеи и фантазии нашли в сказках, рисующих перед нами невероятный мир и безграничный полёт мысли писателя Оскара Уайльда. Помимо идей, связанных с верой и богом, сказки включают в себя множество мотивов устного народного творчества Англии и Шотландии, что создаёт неповторимый сюжет, крайне глубокий по своему содержанию, наполненный невероятным количеством общечеловеческих смыслов.

Для подготовки **комментариев и примечаний** были проанализированы четыре сказки О. Уайльда: «Счастливый Принц», «Соло-

вей и роза», «Преданный друг», «Звёздный мальчик». Сначала мы анализировали смысл сказки в целом, а затем рассматривали детали и символы, несущие имплицитные смыслы и нуждающиеся в комментировании. Ниже в качестве примера представлены комментарии и примечания к одной из них – сказке «Счастливый принц».

Sans Sousi – Сан-Суси – самый известный дворец Пруссии, построенный её третьим королем Фридрихом Великим. Основной идеей, отразившейся в архитектуре не только дворца, но и садов, и парков, была идея гармонии между человеком и окружающей природой. Во дворце было всё для отдыха, развлечений, творчества. На склонах росли виноградники. В садах были разнообразные цветы и деревья, а также пруды и ротонды. Сам король называл дворец «маленьким виноградным домиком».

Свинец – издревле считается, что этот металл символизирует одинокую и скучную жизнь. Сердце Принца, в отличие от его золотого тела, было отлито именно из свинца и после смерти было обречено на вечное одиночество, пока он не встретил Ласточку.

Страстоцветы – это крупные, ярко-красные или розовые цветы с пышными листьями, насыщенным запахом. Внутри бутона имеют более мелкие белые, жёлтые, фиолетовые и сиреневые лепестки, а еще несколько длинных белых нитей, растущих из желтой сердцевины. Как мы видим, непросто справиться швее с вышивкой множества таких необычайных цветов.

Фрейлина – почётное звание незамужней девушки при дворе. Фрейлины составляли свиту Королевы. Конечно, самая прелестная фрейлина хотела получить только самое лучшее атласное платье, вышитое страстоцветами.

Рубин – считалось, что это камень блеска, тщеславия, творческой отдачи, но в то же время он оживляет, укрепляет сердце и изгоняет тоску. Действительно, жизнь Принца была блестящей, беззаботной, счастливой, и рубин символизирует это. Этот же камень оживил Принца после смерти, закалил его сердце и душу, ведь многое пришлось увидеть ему, стоя на колонне в центре города. Не случайно самым первым Счастливый Принц отдаёт рубин, ведь он способен оживить. Сам Принц уже не сможет

ожить, и тоска его уже не покинет, зато этот прекрасный рубин может помочь выздороветь мальчику и подарить его матери надежду и утешение.

Гетто – так называются неблагополучные районы крупных городов, где проживают этнические меньшинства, добровольно или принудительно.

Орнитология – наука, занимающаяся изучением видов, расположения, систематики птиц.

Бог Мемнон – царь Эфиопии, чьё оружие было выковано самим Гефестом. Согласно древней мифологии, никто из смертных не мог сравниться с ним красотой, он был подобен утренней звезде.

Фиалка – красивый нежный цветок с тонким ароматом. В древнегреческой мифологии считалось, что, с одной стороны, фиалка символизирует потерю, разочарование, скорбь и печаль, но, с другой стороны, она – знак оживающей весной природы. Завядшие фиалки в стакане на столе у юноши показывают нам безысходность его положения, но надежда всё-таки есть...

Сапфир – по легенде, камень ума, вечности, честности и власти. Считалось, что он наделяет своего обладателя мудростью, чувством справедливости, а ещё сапфир символизировал человеческую душу, устремлённую в вечность после смерти. Неспроста автор наделяет этими камнями глаза Счастливого Принца, чтобы он смог видеть все несчастья людей после своей смерти, так как при жизни он не видел ничего, кроме прекрасного Дворца беззаботности. Не случайно Счастливый Принц отдаёт свой глаз, сделанный из сапфира, молодому писателю, ведь тот как никто другой нуждался в просветлении ума и приходе музыки. Этот камень должен был помочь юноше не только насытиться и обогреться, но и поверить в себя, дать силы для завершения пьесы.

Баальбекский храм – является одним из чудес света. В городе Баальбеке существовало большое количество наикрасивейших храмов. Все они были резными, с огромными колоннами и невероятных размеров плитами-основаниями, которые считались священными. Конечно, нашей Ласточке очень хотелось свить гнездо и перезимовать в таком замечательном месте.

Зелёный Змей – был одним из основных богов языческой Руси. Считался богом веселья и виноделия.

Пигмеи – группа низкорослых негроидных народов, обитающих в экваториальных лесах Африки. Рост взрослого мужчины составляет от 144 до 150 см, у них светло-коричневая кожа, тёмные курчавые волосы и тонкие губы. Ласточка иронизирует, говоря, что пигмеи воюют с бабочками, а ещё она подчёркивает диковинность мест, куда собирается лететь.

Таким образом, вопросы переиздания литературной классики, затронутые в данной статье, вызваны заботой о сохранении книжной культуры и потому актуальны. Важно, чтобы повышение уровня культуры чтения и восприятия текстов являлось одной из приоритетных задач современного издательства. Для этого необходимо, по меньшей мере, чтобы переиздание содержало систему элементов аппарата. Она должна быть максимально проста по своей структуре, чтобы читатель мог легко ориентироваться в издании, но при этом максимально информативна, интересна и побуждала к размышлению над прочитанным.

Литература

1. Курс русского языка. Русский язык и культура общения. Текст-повествование и его виды. URL: http://licey.net/free/4-russkii_yazyk (дата обращения: 29.09.2016).
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М. : Худ. лит., 1975. 502 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд., стереотип. М. : КомКнига, 2006. 144 с. (Лингвистическое наследие XX века).
4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970. 384 с.
5. Уайльд О. Полное собрание сочинений с критико-биографическим очерком и портретом автора : пер. с англ. СПб., 1912.
6. Уайльд О. Пьесы : пер. с англ. и фр. М. : Искусство, 1960. 265 с.
7. Уайльд О. Избранные произведения : в 2 т. М. : Гослитиздат, 1960.
8. Уайльд О. Портрет Дориана Грея : The Picture of Dorian Gray : роман : на англ. яз. Киев : Днепр, 1978. 321 с.
9. Уайльд О. Портрет г-на У.Г. : рассказы, эссе, заметки, дневники. М. : ИД «Bookinist», 2011. 541 с. (Коллекция Оскара Уайльда).
10. Мосунова Л.А. Структура и развитие смыслового понимания художественных текстов. М. : ПЕР СЭ-Пресс, 2006. 336 с.

11. Ковалёва О.В. Стиль модерн в ранней эссеистике О. Уайльда // Проблемы истории литературы : сб. статей. М.: МГОПУ, 1999. Вып. 9. С. 46–52.
12. Луков В.А., Соломатина Н.В. Феномен Уайльда: тезаурусный анализ. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2007. С. 102–305.
13. Тумбина О.В. Контраст и парадокс в повествовательной прозе Оскара Уайльда (К характеристике творческого метода писателя) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 191 с.
14. Умерова М.В. Импликация в семантической структуре текста : дис. ... канд. филол. наук. М. : Государственный университет : Высшая школа экономики, 2010.
15. Турежанова Г.А. Читаем Оскара Уайльда. Уральск : РИЦ ЗКТУ им. М. Утемисова, 2013. 131 с.
16. Ковалёва О.В. Декоративно-орнаментальная стилистика О. Уайльда // Синтез в русской и мировой художественной культуре : тез. науч.-практ. конф., посв. памяти А.Ф. Лосева. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2000. С. 49–51.

TOPICAL ISSUES OF FOREIGN CLASSICS REPRINTS (BY EXAMPLE OF OSCAR WILDE)

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2018, 16, pp. 103–118.

DOI: 10.17223/23062061/16/7

Liudmila A. Mosunova, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: lmosunova@hotmail.com

Keywords: O. Wilde, reissue of foreign classics, structure of fiction, implicit meanings, explanatory support in re-release of classics, reading culture, book culture.

In the trend to an increase in reprints of the classics, Oscar Wilde is re-released more often, every two years on average. But foreign classics may not be readily available to the reader of the 21st century. Language is an evolving complex system, it displays the realities of its time, so the perception of the classics over time may not conform to the intent of the author. In addition, the structure of the artistic text is layered, and the reader may not penetrate the deeper layers due to lack of understanding of the intent of the author. Readers are alone with a work that is seemingly simple, but actually far from their ideas.

A skillfully constructed auxiliary apparatus helps to get into the art world of the writer. Reissue of the classics traditionally includes a preface, an introductory article, a biography, commentaries and notes, an afterword. In reality, these traditions are not supported. The study of Wilde's books in the collections of the Kirov largest Library named after A. I. Herzen showed that 80% of editions contain only the main text and the publisher's imprint. Rare (10–12% of cases) are commentaries or notes, sometimes a preface or an afterword (4–6%).

There is a serious socio-psychological problem. Bad preparation of a publication affects the reader: there is a low level of reading culture, reading becomes superficial. The reader is limited to the text only, without explanations to deepen the understanding.

The need for the comprehension of universal human meanings is destroyed. It is one of the reasons of a person's internal world paring down, spiritual experience inferiority.

Today it is impossible to fully perceive Wilde's texts without commentaries and notes. This is due to the artistic ideals of the writer: the principles of paradoxicality (a paradox is the way of truth), aesthetics (beauty is not utilitarian), design (the external and internal world of the person obeys it). "The Wilde phenomenon" is the inseparability of the writer's life and work, the creation and support of the "author's design" that permeates his works and his life. The texts contain many hidden meanings associated with the complex and mysterious personality of the writer. It is therefore important not just to reprint the text, changing the design. The starting point for the re-edition of Wilde is the identification of implicit meanings in his texts. It helps to "highlight" fragments, potentially unavailable to the reader, which need to be explained.

The editorial assistance to the reader is shown on the example of Wilde's fairy tales as a standard of literary tales. Here, external beauty is opposed to inner beauty that is synonymous with kindness, as expressed in the act. The consequences of the act can be diverse: it may not affect life; the sacrifice may be in vain; it can ruin one's outer beauty. But it does not matter: kindness as inner beauty is valuable as such, the reward awaits it in heaven. Thus the principle of aesthetics is implemented: beauty is useless in a practical sense, it is beyond the utilitarian idea of happiness.

References

1. Lacey.net. (n.d.) *Kurs russkogo yazyka. Russkiy yazyk i kul'tura obshcheniya. Tekst-povestvovanie i ego vidy* [Russian language course. Russian language and communication culture. The narrative and its types]. [Online] Available from: http://lacey.net/free/4-russkii_yazyk. (Accessed: 29th September 2016).
2. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Problems of literature and aesthetics: Studies from different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
3. Galperin, I.R. (2006) *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research.]. 4th ed. Moscow: KomKniga.
4. Lotman, Yu.M. (1970) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [Structure of the artistic text]. Moscow: Iskustvo.
5. Wilde, O. (1912) *Polnoe sobranie sochineniy s kritiko-biograficheskim ocherkom i portretom avtora* [The complete works with a critical-biographical essay and portrait of the author]. Translated from English. St. Petersburg: A. Marks.
6. Wilde, O. (1960a) *P'esy* [Plays]. Translated from English and French. Moscow: Iskustvo.
7. Wilde, O. (1960b) *Izbrannye proizvedeniya : 2 toma* [Selected works: In 2 vols]. Moscow: Goslitizdat.
8. Wilde, O. (1978) *The Picture of Dorian Gray*. Kiev: Dnepr.

9. Wilde, O. (2011) *Portret g-na U.G.: rasskazy, esse, zametki, dnevniki* [The Picture of Mr. W.H.: short stories, essays, notes, diaries]. Translated from English. Moscow: Bookinist.
10. Mosunova, L.A. (2006) *Struktura i razvitie smyslovogo ponimaniya khudozhestvennykh tekstov* [Structure and development of the semantic understanding of literary texts]. Moscow: PER SE-Press.
11. Kovaleva, O.V. (1999) Stil' modern v ranney esseistike O. Uayl'da [The style of Art Nouveau in the early essays by Oscar Wilde]. In: Gignin, A. (ed.) *Problemy istorii literatury* [Problems of History of Literature]. Issue 9. Moscow: Moscow State Regional Pedagogical University. pp. 46–52.
12. Lukov, V.A. & Solomatina, N.V. (2007) *Fenomen Uayl'da: tezaurusnyy analiz* [The Phenomenon of Wilde: a thesaurus analysis]. Moscow: Moscow University for the Humanities. pp. 102–305.
13. Tumbina, O.V. (2004) *Kontrast i paradoks v povestvovatel'noy proze Oskara Uayl'da (K kharakteristike tvorcheskogo metoda pisatelya)* [Contrast and paradox in narrative prose of Oscar Wilde (on the creative method of the writer)]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
14. Umerova, M.V. (2010) *Implikatsiya v semanticheskoy strukture teksta* [Implication in the semantic structure of the text]. Philology Cand. Diss. Moscow.
15. Turezhanova, G.A. (2013) *Chitaem Oskara Uayl'da* [Reading Oscar Wilde]. Uralsk: Makhambet Utemisov West Kazakhstan State University.
16. Kovaleva, O.V. (2000) *Dekorativno-ornamental'naya stilistika O. Uayl'da* [Decorative and ornamental style of Oscar Wilde]. In: Sekrierau, A.E. (ed.) *Sintez v russkoy i mirovoy khudozhestvennoy kul'ture* [Synthesis in Russian and world artistic culture]. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 49–51.

УДК 070.4

DOI: 10.17223/23062061/16/8

Е.В. Перевалова

«ЭТО БЫЛ ГУМАННЫЙ И ЗАБОТЛИВЫЙ ХОЗЯИН ТИПОГРАФИИ...»: М.Н. КАТКОВ КАК ИЗДАТЕЛЬ

Аннотация. В статье анализируется вклад в развитие профессионального типографского дела в России и книгоиздание М.Н. Каткова – одного из самых известных журналистов и публицистов 1860–1880-х гг., редактора-издателя журнала «Русский вестник» (1856–1887) и газеты «Московские ведомости» (1863–1887). Выявлено, что книгоиздательская деятельность М.Н. Каткова носила просветительский характер, а на базе арендованной в 1863 г. у Московского университета типографии он сумел организовать самое современное для того времени типографское производство, оснащенное новейшей полиграфической техникой и обеспеченное высококвалифицированными служащими.

Ключевые слова: М.Н. Катков, издатель, типография, полиграфическая техника, «Московские ведомости», «Русский вестник».

В 1860–1880-е гг. отечественная журналистика вышла на качественно новый уровень: либерализация правительственного курса и проходящие в стране реформы, коснувшиеся почти всех сфер жизни общества, способствовали формированию потребностей в оперативной и актуальной информации и увеличению читательской аудитории. Следствием значительного роста объемов информационного потока, тиражей и форматов периодических изданий, прежде всего газет, скорости подачи информации стало быстрое развитие средств связи и полиграфической техники. Оперативность подготовки номера газеты и скорость его доставки читателю становились одним из важнейших залогов успеха издания, и высокая конкуренция вынуждала владельцев газетной периодики, в условиях сжатых сроков подготовки и выпуска, уделять все большее и большее внимание полиграфическому производству, технологическим процессам и оснащению типографий современным оборудованием.

В настоящей статье сделана попытка проанализировать издательскую деятельность М.Н. Каткова – одного из самых известных

журналистов и публицистов последней трети XIX в., редактора-издателя журнала «Русский вестник» (1856–1887) и газеты «Московские ведомости» (1863–1887), определить его вклад в развитие профессионального типографского дела в России и книгоиздание. В процессе написания статьи были изучены хранящиеся в НИОР РГБ и ЦГА г. Москвы документы Московского императорского университета и редакции «Московских ведомостей», ранее не публиковавшиеся письма М.Н. Каткова, П.М. Леонтьева, В.В. Ганке, О.М. Бодянского, публикации «Московских ведомостей» и «Русского вестника», воспоминания Б.Н. Чичерина, А.И. Георгиевского, Н.А. Любимова, В.П. Мещерского, С. Уманца и другие материалы.

Первый опыт издательской деятельности Катков приобрел в 1851–1855 гг., когда получил место «заведывающего редакцией» университетских «Московских ведомостей» и, ему, помимо собственно редакторских обязанностей, пришлось заниматься вопросами организации технологического процесса производства газеты. За весьма непродолжительный срок ему удалось заметно улучшить издание: объем «Московских ведомостей» был увеличен с полутора-двух до трех-четырёх печатных листов, в них появились новые рубрики, было расширено содержание отделов внутренних и иностранных известий, введен «Литературный отдел», публикации стали отличаться оперативностью, своевременностью, познавательным характером, простотой, ясностью и доступностью изложения и т.п. Предпринятые Катковым нововведения сделали газету популярной среди москвичей и заметно сказались на ее тираже, который вырос с семи до пятнадцати тысяч экземпляров.

Увеличение тиража и объемов издания потребовало качественных и количественных улучшений в организации работы университетской типографии, оборудование которой к тому времени уже давно не обновлялось, не имелось в достаточном количестве шрифтов, краски и т.д. Однако Правление университета, увеличив стоимость подписки на «Московские ведомости» с 7 до 10 руб. в год, не торопилось выделять дополнительные средства на содержание типографии. Количество типографских материалов оставалось прежним, как не увеличивалось и число наборщиков и печат-

ников, что не мог не отразиться на внешнем виде газеты. «Если бы Вы знали, в каком состоянии находится хозяйственная часть по изданию “Ведомостей”! – жаловался Катков в 1854 г. профессору А.В. Никитенко. – К министру посылают один из самых лучших экземпляров, – и, если бы Вы знали, в каком виде получают свои экземпляры другие подписчики (если получают). Часто на целом листе нельзя прочесть ни одного слова. Теперь в целой типографии нет порядочной краски, и должны побираться по мелочам в других типографиях. А между тем нарекание публики падает на меня как на редактора. ...Ко мне приходят с каждой почтой жалобы на небрежность (редакции, как пишут ко мне) в доставке газеты, осыпают меня упреками, даже бранью» [1. С. 364–365].

Самостоятельно внести какие-либо существенные улучшения в процесс производства газеты М.Н. Катков не имел возможности. Во-первых, он не распоряжался финансами издания, все доходы которого поступали в университетскую кассу, а редакции на все издержки выдавалась строго фиксированная сумма в три тысячи рублей серебром [2]. Во-вторых, он, как редактор, был во всем зависим от Правления университета и был вынужден испрашивать его позволения на любые, даже самые ничтожные изменения, касающиеся содержания, оформления и издания «Московских ведомостей». Так, к примеру, Катков не мог без согласования с Правлением университета выписывать газеты и журналы, если на это требовались дополнительные расходы сверх ассигнованных на подписку 300 руб., не мог печатать дополнительные авторские экземпляры газеты, не мог увеличить гонорар авторам наиболее ярких и интересных статей и т.п. Даже заявления, которые делались от имени редакции «Московских ведомостей», он подписывал не как редактор, а лишь как «заведывающий редакцией». В-третьих, инициативность и предприимчивость Каткова, который, по его собственным словам, «должен был нести на себе всю черную работу издания и проводить ночи у типографских станков» [1. С. 582–585], лишь бы обеспечить бесперебойный выпуск газеты и своевременную ее доставку подписчикам, вызывали недовольство и раздражение заведующего университетской типографией

А.И. Назимова, который, кстати, приходился братом попечителю Московского учебного округа В.И. Назимову и потому, как видно, не считал нужным прислушиваться к замечаниям и предложениям заведующего редакцией университетской газеты. Доходило до того, что А.И. Назимов без каких-либо уведомлений отменял распоряжения Каткова по редакции «Московских ведомостей».

Так, например, в период Русско-турецкой войны последний предпринял попытку издавать и рассылать подписчикам ежедневные «Листки» – «особые прибавления» к газете, в которых размещались известия с театра военных действий, поступавшие в редакцию уже после выхода номера из типографии. Катков справедливо полагал, что подобное нововведение усилит интерес читателей к газете и увеличит подписку, однако очень быстро ему пришлось отказаться от этого начинания, так как подписчики жаловались, что не получают обещанных «прибавлений». Причиной неприятного для редакции казуса стало распоряжение А.И. Назимова, который запретил печатание «Листков», найдя это невыгодным. В этом и во всех других аналогичных случаях редактор даже не имел возможности прямо указать читателям на истинные причины задержек доставки газеты и низкого качества ее полиграфического исполнения, и был вынужден лишь ограничиваться намеками, что во всех этих случаях нет вины самой редакции. «Редакция напоминает читателям, – писал Катков, к примеру, в конце 1853 г., – что “Московские ведомости” не ее собственность, и деятельность ее не может простирается на все части по изданию. Она отвечает только за внутренний состав ведомостей и не касается хозяйственных распоряжений типографии. Все письма касательно подписки, доставки и т.п. должны быть адресуемы в контору университетской типографии» [3].

Подобные ограничения вызывали сильное раздражение М.Н. Каткова, мешали осуществлению его планов улучшения газеты: «Редакция вся в долгу. Еще многим не уплачено за статьи, помещенные в прошедшем году, – с горечью описывал Катков в письме к А.В. Никитенко финансовые неурядицы, сопровождавшие издание “Московских ведомостей”. – Мне только говорят,

старайтесь издавать вашу газету как можно интереснее и лучше, — а не позаботятся о средствах. Я нахожусь теперь в самом неприятном положении. От меня требуют уплаты, а у меня нет ни копейки: ничтожной суммы, ассигнованной на эту цель, не хватило бы на вдвое меньшее по объему издание. Я банкрот в чужом предприятии» [1. С. 364–365]. Несколькими месяцами позже, в 1855 г., обращаясь к министру народного просвещения А.С. Норову, Катков возмущенно писал о бюрократических проволочках, которыми сопровождалось издание университетской газеты: «Редакция “Московских ведомостей” поставлена в условия самые неблагоприятные. Она ничего не может предпринять для расширения способов издания. Незначительнейший проект ее должен проходить столько инстанций и подвергаться стольким затруднениям, что и самое горячее усердие впадает в уныние» [Там же. С. 582–583].

Однако, несмотря на скудное финансирование и казенно-канцелярский подход Правления университета к изданию «Московских ведомостей», Катков все же пытался навести порядок в типографских делах, поставить их на профессиональную основу, стремился правильно наладить денежные отношения с теми, кто пользовался услугами типографии, и даже организовал рекламную кампанию в целях обеспечения типографии платными заказами, что, безусловно, влияло и на рентабельность «Московских ведомостей».

Раздраженный постоянными денежными затруднениями и непрерывной зависимостью от посторонних изданию лиц, Катков неоднократно порывался отказаться от заведования редакцией «Московских ведомостей», однако решился на этот шаг лишь в конце 1855 г., когда ему удалось добиться права на издание с 1 января 1856 г. литературно-политического журнала «Русский вестник». Благодаря усилиям как самого М.Н. Каткова, так и его ближайшего помощника по редакции — профессора Московского университета П.М. Леонтьева, «Русский вестник» быстро превратился в один из самых авторитетных органов отечественной периодики [4] и стал едва ли не самым «тиражным» среди русских «толстых» ежемесячников. Если в январе 1856 г. у журнала было

чуть более 1 500 подписчиков [5. С. 626], то в марте того же года их число достигло уже 3 000 [6. С. 496]. К началу 1857 г. тираж вырос до 4 200 экземпляров, а в мае того же года составлял уже 4 800 экземпляров, и подписка все продолжалась [7. С. 339]. Редакции пришлось объявить дополнительную подписку на второе полугодие, и начиная с июльского номера 1857 г. журнал печатался уже в количестве 5 500 экземпляров [8. С. 105]. Для второй половины 1850-х гг. это была весьма внушительная цифра, лишь немногим уступающая подписке на «Современник» Н.А. Некрасова и И.И. Панаева. Для сравнения можно указать, что подписка на начавший издаваться в Москве одновременно с «Русским вестником» журнал А.И. Кошелева «Русская беседа» славянофильской направленности к июню 1856 г. составляла лишь 800 экземпляров, к 1858 г. увеличилась до 1 200 экземпляров, но в дальнейшем число подписчиков только уменьшалось [5. С. 625].

Столь быстрый рост тиража «Русского вестника» стал причиной серьезных затруднений технического характера, которые возникли у Каткова уже после выхода первых книжек журнала. В Москве в середине 1850-е гг. не имелось типографий, которые бы удовлетворяли современному уровню печати и могли бы обеспечить печатание дважды в месяц (в первые годы «Русский вестник» выходил один раз в две недели, и лишь с 1860 г. стал ежемесячником) столь значительного количества экземпляров «толстого» журнала, объемы каждой книжки которого превышали 200 страниц. К примеру, более шести месяцев потребовалось, чтобы сделать второе издание первых шести книжек журнала, хотя печатание производилось одновременно сразу в нескольких московских типографиях, а одну из книг даже пришлось печатать в Петербурге. Вследствие невысокого уровня полиграфии случались и досадные ошибки, так, например, в статье Б.Н. Чичерина «О сельской общине в России», опубликованной в одной из первых книжек «Русского вестника» [9], оказались пропущенными два листа, заключавшие, по мнению автора, «самое существенное», в результате чего статью пришлось перепечатывать в следующем номере журнала [10. С. 156].

В это время Каткову очень помог опыт ведения издательских дел и знание технологии полиграфического производства, приобретенные им в годы редактирования университетской газеты. Понимая, что дальнейший успех журнала невозможен без собственной полиграфической базы, оснащенной современным полиграфическим оборудованием, Катков уже в первые месяцы существования журнала начал задумываться об организации собственной типографии. «В Москве все, что относится до типографского дела, находится в страшном неустройстве и младенчестве, – писал он весной 1856 г. своему приятелю А.Н. Попову. – Бьюсь как рыба об лед. Думаю уж основать свою типографию» [6. С. 496].

Однако реализовать эти планы было весьма и весьма непросто. В первую очередь, для покупки типографии требовались значительные финансовые средства, но ни у Каткова, ни у Леонтьева их не имелось, и потому осенью 1856 г. было основано паевое типографское товарищество (контракт был подписан 29 октября) «Типография, литография и словолитня Каткова и К^о», членами которого, помимо М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева, стали профессор всеобщей истории Московского университета П.Н. Кудрявцев, журналист, издатель, библиотекарь Московского университета Е.Ф. Корш, писатель и переводчик Н.Х. Кетчер, московский нотариус К.П. Барсов, а чуть позже – издатель Н.М. Щепкин (сын знаменитого актера), географ А.П. Ефремов, поэт и переводчик Н.М. Сатин, публицист А.В. Станкевич, издатель и торговец иконами В.Е. Грачев, чиновник П.К. Рек [11].

Большинство участников товарищества были давними знакомыми Каткова по участию в литературно-фило-софском кружке Н.В. Станкевича в 1830-х гг. в Московском университете, некоторые (В.Е. Грачев, Н.М. Щепкин) уже имели к тому времени опыт издательской деятельности. Но даже при наличии денежных средств, купить типографию пайщикам удалось лишь летом 1857 г. К сожалению, в процессе ее покупки возникли недоразумения финансового характера между М.Н. Катковым, П.М. Леонтьевым и Е.Ф. Коршем, в результате которых последний расторг соглашение и вышел из состава пайщиков. Типографское товарищество про-

существовало до 1865 г., когда все пай были выкуплены П.М. Леонтьевым и М.Н. Катковым, которые, таким образом, стали его единственными владельцами.

В новой типографии постоянно ощущался недостаток в современных типографских машинах и материалах, а также в квалифицированных печатниках, наборщиках, корректорах и т.д. Не только в Москве, но и в Петербурге в 1850–1860-е гг. типографское дело было слабо развито, типографское оборудование стоило очень дорого и закупалось исключительно за границей, а среди мастеровых-наборщиков большинство составляли малограмотные. Мальчики, поступавшие в 11–12-летнем возрасте в типографские ученики, в течение 5–6 лет нищенского ученического существования с жалованьем 10–12 руб. на «всем своем содержании» мало чему успевали научиться. Даже десятью годами позже, в 1869 г., типографское дело, по мнению специалистов, находилось в России «в состоянии еще младенческом, как относительно самих заведений, так и равно и материального состояния рабочих и учеников» [12].

Все эти факторы негативно сказывались на качестве печати «Русского вестника», становились причиной многочисленных корректур, замедляли процесс печати тиража и, как следствие, его доставки подписчикам. Это не могло удовлетворить Каткова-издателя, стремившегося предоставить своим читателям журнал не только качественный по содержанию, но и превосходно изданный. Почти сразу после покупки типографии им были выписаны из Германии усовершенствованные машины, позволяющие ускорить типографские процессы и значительно улучшить качество печати. Сотрудников типографии, которые могли бы работать на доставленной из-за границы технике, Каткову пришлось искать опять-таки за пределами России. Лишь в 1859 г. при посредничестве известного чешского поэта и филолога В.В. Ганке ему наконец-то удалось пригласить опытных печатников и наборщиков из Чехии. Переписка М.Н. Каткова, П.М. Леонтьева и В.В. Ганке свидетельствует, насколько сложно было в те годы найти квалифицированных и опытных типографских рабочих даже за рубежом. Издатель «Русского вестника» готов были нести значительные расходы и

предлагал чешским печатникам 50 руб. жалованья при 11-часовом рабочем дне и надбавку 20 коп. за сверхурочную работу, а также 75 руб. в качестве «подъемных» – в счет оплаты проезда до Москвы. Для сравнения – самые опытные наборщики в Москве в те годы получали 25–30 руб. в месяц, что считалось весьма неплохим заработком. Однако даже на этих очень выгодных для того времени условиях согласились приехать лишь три наборщика и только один печатник. Второй из рекомендованных В.В. Ганке печатников предпочел повременить и выговорить для себя более выгодные условия контракта: 60 руб. жалованья и квартиру [13]. Надо полагать, что издатель должны были согласиться на эти условия, так как в одном из адресованных В.В. Ганке писем Катков сообщал, что «наша типография будет некоторым образом маленькой чешской колонией, которая, как и надлежит, со временем увеличится» [14]. Следует признать, что в первые годы работы наборщикам-иностранцам было трудно набирать рукописи на русском языке, следствием чего становились ошибки и опечатки. К примеру, при публикации в январском номере журнала за 1862 г. романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» было допущено около 50 ошибок, в том числе 15 крупных [15. С. 366], что вызвало досаду и серьезное раздражение писателя. Однако мастерство и опыт чешских наборщиков восполняли незнание языка. Как и обещал В.В. Ганке М.Н. Каткову, редакция «Русского вестника» приобрела в них, «надежных, порядочных и в своем искусстве способных людей» [16]. Рекомендованный чех-печатник – «знаток в своем искусстве машиниста и печатать красками и золотом мастер» [Там же] – также не разочаровал издателей.

Уже к началу 1860-х гг. типография «Русского вестника» была правильно и профессионально грамотно организована, и в Армянском переулке, где она располагалась, стал печататься не только сам журнал, но и ученые сочинения, художественные произведения, путеводители и т.п.: «Осада Лейдена в 1573 и 1574 гг.» П.Н. Кудрявцева, «Три открытия в естественной истории пчелы» К.Ф. Рулье, «Папство и Священная Римская империя в XIV и XV столетии» Г.В. Вызинского, «Вопросы международного права»

М.Н. Капустина, разбор комедии графа В.А. Соллогуба «Чиновник» Н.Ф. Павлова, его же очерк «Биограф-ориенталист», посвященный Т.Н. Грановскому, «Путеводитель по античному отделению Эрмитажа» и т.д., романы – переводы с английского «Хижина дядя Тома» Г.-Э. Бичер-Стоу, «Север и Юг» Э. Гаскелл» и др. Печаталась весьма добротная по своим эстетическим и художественным достоинствам беллетристика женщин-писательниц, постоянных авторов «Русского вестника»: Н.П. Шаликовой, В.А. Вадбольской, Ю.В. Жадовской, Е.В. Салиас-де-Турнемир и др. Выбор произведений для издания отдельной брошюрой или книгой свидетельствует о просветительских задачах, которые ставились М.Н. Катковым как владельцем типографии, его стремлении использовать имеющиеся технические ресурсы для распространения качественной художественной, научной и искусствоведческой литературы.

В 1863 г. Каткову представилась возможность еще более расширить свою журналистскую и издательскую деятельность: Совет Московского университета принял решение передать «Московские ведомости» вместе с университетской типографией в долгосрочную (на 12 лет) аренду. Пойти на столь решительный шаг руководство университета вынудило заключение, что содержание типографии и издание газеты не только не приносят никакого дохода, но и весьма убыточны. Особая комиссия, произведя расчеты и изучив вопрос о способе пользования университетской типографией, пришла к выводу, что «ежегодный убыток от типографии составляет весьма значительную сумму» и только за два последних года одно исправление ветхостей стоило 11 822 руб., и если бы «Московские ведомости» печатались в частной типографии по вольным ценам, если б университет и даже учебный округ платили за свои бланки, отчеты и проч., то экономия составила бы 14 тыс. руб. ежегодно [17]. Даже отказ от собственной типографии принес бы университету значительный доход: типографские помещения могли бы сдаваться внаем за 5 тыс. руб. в год.

В объявленном университетом конкурсе за право аренды могли принять участие все желающие. Было подано шесть заявок, и между претендентами разгорелась нешуточная конкурентная борьба,

которая длилась почти месяц, а выгодность предлагаемых университету условий раз от разу увеличивалась и предлагались все более высокие суммы арендной платы. Главными противниками М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева стали профессора М.Н. Капустин и И.К. Бабст. «Катков с Капустиным сильно препираются между собою. Первый, говорят, нанес уже 70 тысяч», – сообщал профессору М.П. Погодину профессор О.М. Бодянский 28 августа 1862 г. [18]. Через несколько дней – 2 сентября – О.М. Бодянский с иронией писал, что «два соискателя режут друг на дружку на торгах. Катков надбавил еще две тысячи, а Капустин дает 65 тысяч» [Там же].

На основании полученных предложений Правление университета к 6 сентября 1862 г. подготовило проект с подробными условиями аренды, а затем Совет университета назначил особую комиссию для рассмотрения поданных заявок, которая, сопоставив составленный Правлением университета проект условий с заявлениями конкурентов, изложила свои выводы в обстоятельном докладе. Голосование по вопросу аренды было открытым, и большинство членов Совета (19 человек) отдали предпочтение М.Н. Каткову и П.М. Леонтьеву, которые предложили наиболее выгодные условия аренды, обязавшись ежегодно уплачивать университету 74 тысячи серебром, в том числе: 12 тысяч за типографию, 35 тысяч за право издания газеты и 27 тысяч за право печатать казенные объявления. В 1875 г., когда контракт был продлен еще на 12 лет, сумма аренды была уменьшена до 60 тыс. руб., так как право печатания казенных объявлений к тому времени уже перестало быть прерогативой исключительно «Московских ведомостей». Помимо указанных сумм, в целях обеспечения сохранности и целостности строений и имущества типографии, а также гарантии исправного взноса ежегодной платы и точного исполнения всех контрактных условий, М.Н. Катковым был внесен залог в сумме 40 тыс. руб. серебром в государственных 5-процентных банковских билетах, который должен был храниться в правлении Университета до окончания срока аренды [19].

Если в 1851–1855 гг. Катков являлся лишь редактором «на жалованьи» университетской газеты и был во всем зависим от Прав-

ления университета и начальника типографии, то теперь он получил возможность распоряжаться газетой по своему усмотрению и вносить любые изменения, какие считал необходимыми. В контракте указывалось, что «арендаторам передается на двенадцать лет право издания “Московских ведомостей”, со всеми преимуществами, им предоставленным относительно казенных и частных объявлений, перепечатывания из русских газет и журналов, помещения иностранных, политических и других известий, заимствуемых прямо и непосредственно из заграничных изданий, на основании общих для всех законов о печати и литературной собственности». Им предоставлялось «право назначать цену на “Московские ведомости”, частные и казенные объявления, по их усмотрению; от них зависит определение формата газеты и срок ее выхода, причем они обязаны заботиться о поддержании ее достоинства и прочном успехе, но без всякого неофициального вмешательства Университетского начальства в издание» [20].

Одновременно Катков становился полноправным хозяином университетской типографии. По контракту, он принимал на свой счет ее содержание, все ремонтные исправления зданий, поддержание в исправности машин и других типографских принадлежностей, имел право производить перемены и улучшения как в самой типографии, так и в типографских помещениях. Исключение составляли капитальные перестройки, на которые Катков был обязан испрашивать разрешение руководства университета. Вмешательство университета в работу типографии проявлялось лишь в том, что все улучшения и приобретение типографских принадлежностей необходимо было согласовывать с Правлением, которое «должно удостовериться в том, что замена выгодна для Университета и согласно с этим произвести изменения в описях» [21]. Также Правление имело право, «не вмешиваясь в хозяйственное распоряжение, наблюдать <...> за прочностью построек, а равно и производить несколько раз в году осмотр зданий и самой типографии для удостоверения благонадежности их содержания» [Там же].

Условия, на которых «Московские ведомости» и университетская типография достались Каткову и Леонтьеву, были выгодны,

прежде всего, самому университету, которому с этого момента уже не нужно было заботиться о доходности газеты и технической модернизации типографии, а, кроме того, все произведенные улучшения для производства типографских работ (за исключением приобретенных арендатором скоропечатных машин) и все вновь построенные помещения типографии по истечении арендного срока поступали в его собственность. Положение самих арендаторов было весьма затруднительным: 74 тыс. руб. арендной платы составляли по тем временам весьма значительную сумму, и многие современники были уверены, что предприятие М.Н. Каткова не увенчается успехом. «Надо иметь много самоуверенности и надеяться на какое-либо твердое счастье, чтобы дать более этого. Говорю, как человек, знающий и типографию, и “Московские ведомости”, что это предел, дальше которого нельзя дальше идти, да и устоять на нем очень мудрено», – писал О.М. Бодянский профессору М.П. Погодину, злорадно подчеркивая невыгодность и убыточность условий аренды [18].

Как представляется, недоброжелательство О.М. Бодянского было обусловлено в первую очередь его личной заинтересованностью, так как именно он в тот момент являлся управляющим университетской типографией, и ее передача в аренду кому-либо из претендентов была отнюдь не в его интересах. Он всячески противился этому, вплоть до того, что не освобождал помещение типографии и не передавал новой редакции «Московских ведомостей» сведений о подписчиках до полуночи 1 января 1863 г. Он допустил арендаторов в типографию только в самый момент наступления нового года, чем поставил их в крайне затруднительное положение. По свидетельству секретаря М.Н. Каткова А.В. Зименко, с вечера 22 декабря ему пришлось принимать подписку на «Московские ведомости» в конторе «Русского вестника», так и не получив никаких бумаг от Бодянского: «Масса подписчиков осаждала контору вплоть до 11 часов ночи. По закрытии подписки мы работали всю ночь, вписывая в книгу адреса, проверяя деньги и проч., причем многие жалобы и вопросы подписчиков оставались не удовлетворенными и не разъясненными за неимением для проверки их

книг и документов, находящихся у Бодянского» [22. С. 132–136]. Катков, предполагавший перебраться в новое помещение в последних числах декабря 1862 г. с тем, чтобы выпустить первый номер «Московских ведомостей» непременно 1 января 1863 г., был вынужден печатать их в типографии «Русского вестника», которая, хотя и была оснащена современным типографским оборудованием, не была приспособлена для печати тиража ежедневной большеформатной газеты. В результате первый номер газеты за 1863 г. вышел с большим опозданием – только 3 января около полудня, а иногородним подписчикам газета была разослана еще позже – 4 января. В вышедшем через два дня первом выпуске воскресной «Современной летописи» – еженедельного приложения к «Московским ведомостям», Катков с иронией объяснил причину задержки первого номера, отдав «справедливость бывшей администрации университетской типографии относительно точности: она не прежде предоставила типографские здания в распоряжение новых содержателей, как пред самым началом нового года, почти в 12 часов с 31 декабря на 1 января» [23]. Однако подписчики, ничего не знавшие об обстоятельствах передачи газеты в руки Каткова, винили во всем новую редакцию.

Несмотря на столь неудачное начало, Каткову в считанные дни удалось «переломить ситуацию», и уже спустя несколько недель «Московские ведомости» стали одним из самых читаемых и авторитетных общественно-политических изданий не только в Москве, но и во всей России. Во многом этому способствовала четкая и смелая позиция М.Н. Каткова по польскому вопросу в связи с трагическими событиями антиросийского восстания, вспыхнувшего в Польше в ночь с 22 на 23 января 1863 г. У русского правительства не было четких представлений, как и что следует писать о событиях на западных окраинах империи, и Катков стал первым журналистом, который предложил четкий взгляд на происходящее. Он показал, что идея восстания исходит от высших привилегированных слоев, тогда как низшие слои народа, крестьяне не могут ему сочувствовать, а там, где среди низших классов преобладают белорусы, малороссы и литовцы, оно и вовсе преступно. В целях

предотвращения мятежа в будущем «Московские ведомости» указывали на такие меры, как необходимость возможно лучшего устройства и обеспечения крестьян, улучшение быта православного духовенства, обновление чиновничества, развитие народного образования, усиление русской общественности в западных губерниях и распространение в них всех тех преобразований, которые уже осуществлялись в России. При этом газета не боялась затрагивать интересы даже самых высокопоставленных государственных лиц, в том числе критиковала примирительную политику и распоряжения великого князя Константина Николаевича, бывшего наместником императора в Царстве Польском, указывая на него как одного из виновников происходящего.

Смелая и бескомпромиссная позиция редактора, патриотическое одушевление его передовых статей, через которые красной нитью проходила идея государственного единства и призыв защитить большинство населения Царства Польского и западно-русских губерний, обреченного стать жертвой междоусобной славянской войны, — все это способствовало тому, что с первых же дней 1863 г. «Московские ведомости» начали оказывать значительное влияние на формирование общественного мнения и стали пользоваться бесспорным уважением и доверием читательской аудитории, причем как среди образованного сословия, так и в низших слоях населения. «Ежедневно утром целые массы народа толпились перед редакцией в ожидании, что кто-либо из грамотеев, присланных за получением “Московских ведомостей”, прочтет толпе только что отпечатанную статью по польскому вопросу, — вспоминал А.И. Георгиевский, заведовавший редакцией газеты в 1863–1866 гг. — Таких грамотеев оказывалось немало: толпа разбивалась на большое число кучек, покрывавших собой весь Страстной бульвар и жадно внимавших чтению своего грамотея» [24. С. 115]. Столь же высок был авторитет газеты и среди провинциальных читателей. Изменился и внешний вид «Московских ведомостей», которые, по образцу столичных газет, перешли на большой формат и стали печататься в шесть колонок, что сразу стало выгодно отличать их от провинциальной губернской периодики.

Столь высокая востребованность «Московских ведомостей» у читателей и насущная потребность сделать процесс выпуска газеты более оперативным поставили М.Н. Каткова перед необходимостью скорейшей модернизации университетской типографии, в которой он, согласно договору аренды, был обязан печатать газету. На момент начала аренды оборудование университетской типографии, согласно описи, состояло из 19 ручных печатных станков (в том числе один фабрики Гаммеля, два фабрики Зигеля и два фабрики Айхеля и Бахмана) и пяти скоропечатных машин, разных печатных приспособлений, более 250 наименований шрифтов, украшений, специальных знаков и разных алфавитов общим числом свыше 26 тысяч и т.п. [25. С. 154–161]. Однако все перешедшее в распоряжение Каткова типографское имущество нуждалось в серьезном переоснащении, а многое было настолько устаревшим, что попросту оказалось ненужным: печатные машины и станки находились в действии от 15 до 19 лет, матрицы, шрифты и т.п. также по большей части нуждались в замене. В типографии «парового двигателя не имелось вовсе; ручные печатные машины устарелой конструкции большей частью не стоили даже починки, масса шрифта годилась только в гарт^{*}, типографские здания оказались ветхими и требовавшими значительного ремонта» [26]. Так, при передаче типографии Каткову пришлось оплатить некоторые прежде изготовленные, но уже ненужные типографские материалы на сумму 12 500 тыс. руб. [27].

Правильная организация полиграфического производства и обновление оборудования арендованной типографии стоили М.Н. Каткову немалых хлопот, времени и денежных расходов, для сокращения которых ему пришлось собственную типографию объединить с университетской, корпуса которой находились на Большой Дмитровке и Страстном бульваре, где располагались наборная, корректорская, словолитная комнаты, контора редакции, раздаточная и книжная лавки и где со временем и обосновалась и

^{*} Гарт – типографский сплав для изготовления текстовых форм (свинец, сурьма, олово).

объединенная редакция «Русского вестника» и «Московских ведомостей». Установка нового печатного оборудования потребовала значительных издержек: например, стоимость немецких скоропечатных машин варьировалась от 10 до 40 тыс. руб., однако уже в октябре 1863 г. М.Н. Катков за собственный счет купил четыре скоропечатные машины фабрики Зигля и две машины для отливки литер. Летом 1866 г. были закуплены в Германии на фабрике Кенига и Бауэра скоропечатные машины, действующие с удвоенной скоростью против прежних, что позволило сократить время печати тиража и ускорить доставку газеты подписчикам. В это же время за границей была закуплена и большая часть типографских шрифтов. В 1869 г. была, наконец, приобретена паровая машина, что позволило заменить ручной труд в типографии паровым двигателем, преимущества которого, как указывалось в пояснительной записке М.Н. Каткова для Правления Московского университета, «трудно выразить цифрами»: «...правильность движения, произвольное ускорение работы по мере надобности, отсутствие большого количества чернорабочих и множества задержек, расходов и ежедневных неприятностей, неизбежно с ними сопряженных» [25. Л. 399–403].

К началу 1870-х гг. оборудование типографии было полностью обновлено: в ней стояли 10 скоропечатных машин, 6 словолитных, 12 типографских, 3 литографских и 1 конгревский станок, 5 128 пудов шрифта, около 38 тыс. матриц, 4 прессы [28. С. 53]. В 1871 г. типография пополнилась тремя бумагорезательными машинами [29. С. 28–29]. Только в течение первого двенадцатилетнего арендного срока было потрачено, по свидетельству М.Н. Каткова, около 120 тыс. руб. на ремонт и приобретение типографского оборудования [26]. Когда после смерти М.Н. Каткова в 1887 г. его вдова и наследница С.П. Каткова сдавала оборудование типографии новому арендатору С.А. Петровскому, то в описи значились 6 скоропечатных машин: 1 фабрики Зигля и 5 двухбарабанных фирмы «Кениг и Бауэр», 3 200 пудов шрифта, почти 13 500 матриц 175 наименований, горизонтальная паровая машина и множество другого специального оборудования на сумму около 73 тыс. руб. [30].

Хлопоты и значительные денежные издержки, понесенные Катковым в процессе организации, устройства и оснащения университетской типографии новейшей печатной техникой, быстро оправдались: по оперативности выпуска и доставки читателям «Московские ведомости» в 1870–1880-е гг. с успехом выдерживали конкуренцию с крупнейшими столичными общественно-политическими газетами: «Санкт-Петербургскими ведомостями», «Голосом», «Новым временем» и др. Усилия, потраченные на поиск грамотных и добросовестных типографских рабочих, также не прошли даром: высокий профессионализм работников типографии позволил оптимизировать работы по подготовке и выпуску газеты. Важное значение придавалось быстрому и грамотному набору рукописных текстов, предназначенных к публикации. Сохранившиеся в архивах НИОР РГБ гранки «Московских ведомостей», испещренные многочисленными поправками, вставками, замечаниями М.Н. Каткова, свидетельствуют о его скрупулезном и тщательном подходе к редактированию материалов газеты [31].

По свидетельству всех, хорошо знакомых с внутренней жизнью редакции, Катков, стремясь добиться точности в выражениях, неумолимо «шлифовал» свои статьи, безжалостно правил те места в рукописях, которые считал нуждающимися в изменениях, убирал и вставлял фрагменты текста, фразы, ремарки, которые, по его мнению, вернее могли передать его мысль. «Чтобы напечатать написанную им или продиктованную статью по интересующему предмету, Михаил Никифорович проводил ее через целый ряд корректур. За отделкой формы <...> начинались колебания относительно содержания: что недоговорено, что переговорено. Иногда из-за сомнения по поводу одного слова статья, совсем готовая, откладывалась до другого дня», – так описывал профессор Н.А. Любимов – один из ближайших сотрудников изданий М.Н. Каткова – процесс работы последнего с текстами [32. С. 26]. Зачастую случалось, что в последние минуты набора номера газеты разбирались одни листы, набирались новые, бросалась масса уже отпечатанного материала. В довершение всего, почерк Каткова, который с молодости страдал плохим зрением, представлял мало понятные и

едва разборчивые каракули, понять которые могли только опытные и привычные к работе с его рукописями профессионалы-наборщики. «Почерк у него был бедовый, – писал В.П. Мещерский, постоянный сотрудник “Московских ведомостей”, – и этим объяснял я себе, почему наборщики его типографии, в школе его почерка, набирали мои каракули – еще хуже катковских – с легкостью изумительной» [33. С. 261–262]. Как представляется, своевременный выпуск газеты зачастую во многом зависел от профессионального мастерства и высокой квалификации работников типографии – наборщиков и печатников, и от опыта и профессионализма М.Н. Лаврова – многолетнего управляющего типографией, человека испытанной честности и самой строгой аккуратности, пользовавшегося безграничным доверием М.Н. Каткова.

Для многих постоянных авторов «Московских ведомостей» и «Русского вестника» именно высокое качество предпечатной подготовки и грамотный набор их рукописей в типографии зачастую становились одним из факторов, почему они предпочитали издания Каткова другим отечественным газетам и журналам. Так, к примеру, А.К. Толстой, роман которого «Князь Серебряный» появился в «Русском вестнике» в 1862 г., в письмах Каткову особо подчеркивал, чтобы в его произведении, сюжет которого взят из истории средневековой Руси, были соблюдены все лексические и стилистические особенности древнего русского языка и ни в коем случае старославянские обороты речи не заменялись современными, к примеру, «богачество» – «богатством», «печаловаться» – «печалиться» и т.д. «Это может не только изменить характер речи, но и исказить смысл. Язык у меня строго современный действию и его нельзя ни в коем случае изменять», – писал А.К. Толстой [16. Л. 42]. Несомненно, для того чтобы роман появился в журнале в том виде, в каком его желал увидеть сам автор: без ошибок и с соблюдением всех традиций древней славянской речи – требовались в том числе и высокий профессионализм, и грамотность работников типографии. Теми же трудностями сопровождался набор текстов писателя-беллетриста П.И. Мельникова. В печатавшейся в «Русском вестнике» на протяжении с 1868 по 1881 г. его дилогии

«В лесах» и «На горах», героями которой были обитатели раскольничьего Заволжья, также встречалось немало церковнославянских оборотов, диалектизмов, фразеологических оборотов и афоризмов, мало понятных наборщикам-чехам, для которых русский язык не являлся родным. Более того, Мельников в процессе писания никогда не перечитывал своих произведений, а окончательно обрабатывал уже набранные корректуры, причем вносил в них подчас весьма значительные правки, вписывая и выбрасывая целые куски текста, а потому подготовка его рукописей к печати требовала не только мастерства наборщиков, но и гораздо большего времени и стоила издателям в четыре-пять раз больше обыкновенных типографских расходов [34. С. 13].

Неудивительно, что забота о служащих типографии всегда оставалась для М.Н. Каткова, несмотря на огромную занятость, одним из главных приоритетов. «Это был гуманный и заботливый хозяин типографии, – писал в своих воспоминаниях один из служащих С.И. Уманец. – Вся редакция и наборщики его буквально боготворили» [35. С. 1020]. Оплата труда типографских рабочих на протяжении многих лет сохранялась на самом высоком уровне. Так, в 1886 г. ежемесячный расход на жалованье наборщикам составлял 1 399 руб., годовые расходы – 16 790 руб.; помимо этого, наборщикам доплачивалось за сдельную работу, что в год составило еще 11 610 рублей. С учетом оплаты труда пакетчиков и складчиков типографские расходы в 1886 г. достигали почти 38 тыс. руб. [36]. Катков одним из первых в Москве принял участие в организации Вспомогательной кассы типографов, и в первый раз, чтобы привлечь рабочих к участию в кассе, заплатили «безвозвратно» за всех своих служащих, пожелавших принять участие в кассе, единовременные взносы. Впоследствии, несмотря на то, что капитал кассы представлял уже довольно солидную сумму, Катков продолжал вносить значительные средства (в 1887 г., например, он внес 1 000 руб.) [37]. Если кто-либо из типографских служащих заболел – им на всем протяжении болезни продолжала выплачиваться полная сумма жалованья; работники, нуждающиеся в деньгах, могли рассчитывать на ссуду, а в таких случаях,

как, например, замужество дочери – ссуда выдавалась безвозвратно. Если работник умирал, то семье выплачивалось пособие на похороны, а если умерший был единственным работником в семье, то вдове и детям выплачивалась пенсия. Служащие, которые по старости не могли продолжать работать, также могли рассчитывать на освобождение от занятий и получение того же оклада, что и прежде. Причем, это были не единичные случаи – такое отношение к типографским рабочим и постоянным сотрудникам редакции было характерно на протяжении всей тридцатилетней издательской деятельности М.Н. Каткова.

Анализ литературы, выпускаемой университетской типографией в 1860–1880-е гг., свидетельствует, что издательская деятельность М.Н. Каткова в эти годы по-прежнему преследовала не коммерческие, а просветительские и идеологические цели. Так, например, выпуск в 1880–1882 гг. отдельным сборником историко-публицистических очерков Н.А. Любимова «Против течения. Беседы о революции. Наброски и очерки в разговорах двух приятелей», в которых анализировалось состояние французского общества перед революцией 1871 г., во многом был обусловлен содержащейся в них резкой критикой революционной идеологии и размышлений о том, что легкомысленное отношение власти к распространению радикальных теорий и сочувственные настроения к ним в среде интеллигенции, а также недооценка опасности, исходящей от заигрывания с носителями революционных идей, могут со временем перерасти в революционную смуту и кровопролитие. Значительное место среди изданий типографии занимали подборки статей «Московских ведомостей» по определенной тематике: «Вопрос о направлении железных дорог в России», «С театра войны (1877–1878). Два похода за Балканы» кн. Л.В. Шаховского и т.д. В годы, последовавшие за отменой крепостного права, типография печатала в помощь сельским хозяевам «Полные таблицы для определения количества оброка или числа барщинных дней в каждом имении сообразно наделу крестьян землею», составленные на основании утвержденных 19 февраля 1861 г. положений, а также расчетные книжки для рабочих, нанимавшихся по вольному найму.

Типография печатала большое количество художественной литературы, в первую очередь – постоянных авторов «Московских ведомостей» и «Русского вестника», произведения которых, появившись на страницах этих изданий, вызвали повышенный интерес читателей: романы Л.Н. Толстого, «В стороне от большого света» Ю.В. Жадовской, «Моя судьба» М. Камской, «Повести и рассказы» П.Н. Кудрявцева и др., очерки «Из пещер и дебрей Индостана» Е.П. Блаватской (Радда-Бай), «Из записной книжки моряка» и «Прогулка по Средиземному морю» М. Верна, «Письма священника с похода» Вахха Гурьева и т.п. Зачастую такие публикации являлись немалой материальной поддержкой литераторам. Так, к примеру, Н.С. Лескову, крайне нуждавшемуся в деньгах, по его собственному признанию, Катков «подарил [выделения в тексте автора письма. – Е.П.] издание «Соборян» [38. С. 384]. Женщинам-писательницам – Е.Н. Словцовой, Ю.В. Жадовской и др. – гонорары и доходы от продажи отдельного издания их литературных трудов давали возможность материальной независимости.

Благодаря изданиям университетской типографии русская публика смогла познакомиться с качественной европейской, по большей части английской, художественной литературой: «Ферма Шокар» и «Оливье Моган» В. Шербюлье, «Угрызение совести» Бензона, «Расстрига» Э. Доде, «Наш взаимный друг» и «Большие ожидания» Ч. Диккенса, «Могад Младший» А. Тёрье, «Как мы теперь живем» и «Леди Анна» А. Треллопа, «Хижина дядя Тома, или Жизнь негров в невольничьих штатах Северной Америки» Б. Стоу, «Кенелм Чиллингсли» и «Парижане» Э. Булвера, «Закон и женщина» и «Бедная мисс Филч» У. Коллинза, «Моя мать и я» А. Фон-бланка, «Вокруг Луны» Ж. Верна и др.

Просветительский характер издательской деятельности М.Н. Каткова проявлялся в печатании большого числа учебников и учебных пособий: «Латинская грамматика», «Греческая грамматика», «Латинский словарь» под ред. П.М. Леонтьева, «Турецко-татарский словарь» проф. М.Л. Лазарева, «Лекции философии» Ф.А. Голубинского, «Латинский синтаксис» А. Новосильцева, «Руководство к общей патологической анатомии» А. Винтера,

«Руководство к частной патологии и терапии» Ф. Нимейера и др., а также научно-популярной литературы: «Очерки астрономии» Д. Гершеля, «Шесть чтений о свете» и «Формы воды в облаках и реках, во льде и в ледниках» Д. Тиндаля, «Практическая этимология» Л. фон-дер Эльснитца и др., справочников, путеводителей и т.п. На учебную литературу типография предоставляла покупателям, в первую очередь – учебным заведениям, скидку, которая могла достигать до 20 процентов и зависела от количества приобретаемых учебников. Разнообразная по своему составу, ориентированная на читателя, стремящегося к самообразованию, интересующегося самыми разнообразными сферами научной деятельности, к чтению качественной художественной литературы, продукция университетской типографии пользовалась высоким спросом.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что М.Н. Катков зарекомендовал себя в отечественной журналистике не только как выдающийся журналист, публицист и редактор, но и как талантливый организатор издательского процесса и типографского производства, внесший существенный вклад в правильную и профессиональную постановку издательского дела в России. Успех своих изданий – журнала «Русский вестник» и арендуемой у московского университета газеты «Московские ведомости» М.Н. Катков с первых шагов связывал не только с качественным содержанием, грамотно отлаженной работой корреспондентов и оперативностью поступающей в редакцию информации, но и с хорошей издательской подготовкой. Наряду с А.А. Краевским, А.С. Сувориным, он стал одним из первых издателей периодики, сумевшим организовать современное для того времени типографское производство, оснащенное новейшей техникой и обеспеченное высококвалифицированными служащими. Издания М.Н. Каткова с успехом выдерживали конкуренцию со столичной прессой, а выпускаемая его типографией художественная литература, учебники, справочники, сборники и т.п., несмотря на усиливающуюся во второй половине XIX в. коммерциализацию рынка печатной продукции, служили задачам просвещения и нравственного воспитания аудитории.

Литература

1. Катков М.Н. Письмо к А.В. Никитенко. 3 июня 1854 г. // Русская старина. 1897. Кн. 11–12.
2. Катков М. Об издании «Московских ведомостей» в 1863 г. // Московские ведомости. 25.10.1862. № 232.
3. От редакции «Московских ведомостей» // Московские ведомости. 31.12.1853. № 157.
4. Перевалова Е.В. Журнал М.Н. Каткова «Русские вестник» в первые годы издания (1856–1862 гг.). М. : Изд-во МГУП, 2010. 347 с.
5. Аксаков С.Т. Письмо И.С. Аксакову. 5 января 1856 г. // Аксаков И.С. Письма к родным. М. : Наука, 1994. 693 с.
6. Катков М.Н. Письмо А.Н. Попову. 5 марта 1856 г. // Русский архив. 1888. Кн. 2.
7. Чернышевский Н.Г. Письмо Н.А. Некрасову от 7 февраля 1857г. // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М., 1939–1953. Т. 14. 900 с.
8. Современная летопись // Русский вестник. 1859. Март. Кн. 1.
9. Чичерин Б.Н. О сельской общине в России // Русский вестник. 1856. Февраль. Кн. 1. С. 373–396.
10. Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М. : Изд-во МГУ, 1997. 304 с.
11. Билеты на паи «Типография, литография и словолитня Каткова и К^о» // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 56. Ед. хр. 31.
12. Н.К. Петербургские вести // Московские ведомости. 6.06.1869. № 122.
13. Леонтьев П.М. Письмо М.Н. Каткову. 7 июня 1859 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 6. Ед. хр. 10.
14. Катков М.Н. Письмо В.В. Ганке. Франценсбад. 1859 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 49. Ед. хр. 9.
15. Тургенев И.С. Письмо П.В. Анненкову от 25 марта 1862 г. // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960–1968. Письма. Т. 4. 733 с.
16. Ганка В.В. Письма М.Н. Каткову. Прага. 31 июля 1859 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 21.
17. Доклад комиссии по вопросу об устройстве Университетской типографии и «Московских ведомостей» // Дело об устройстве Университетской типографии и редакции «Московских ведомостей». ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 31. Д. 74.
18. Бодянский О.М. Письмо М.П. Погодину. 28 августа 1862 г. // НИОР РГБ. Ф. 231/2. К. 5. Ед. хр. 62.
19. Перевалова Е.В. М.Н. Катков и П.М. Леонтьев – арендаторы «Московских ведомостей» // Журналист. Социальные коммуникации. 2014. № 3. С. 115–130.
20. Правление Императорского Московского университета – в Московский цензурный комитет. 20 мая 1870 г. // ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 549.

21. Контракт М.Н. Каткова с Московским университетом на арендное содержание типографии Московского университета. 1875. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 56. Ед. хр. 11.
22. Зименко А.В. Из записок // Русский архив. 1883. Кн. 1.
23. От редакции // Современная летопись. 1863. № 1.
24. Из воспоминаний А.И. Георгиевского // Литературное наследство. Т. 97 : в 2 кн. М. : Наука, 1989. Кн. 2. 711 с.
25. Дело Правления императорского университета «Об отдаче в аренду Университетской типографии и издания “Московских ведомостей”». 30 июня 1862 г. – 20 июня 1877 г. // ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 193. Д. 39. Л. 154–161.
26. Передовая статья // Московские ведомости. 21.04.1881. № 109.
27. Передовая статья // Московские ведомости. 1.03.1881. № 60.
28. Опись имущества типо- и литографий в Москве // ЦГА Москвы. Ф. 212. Оп. 1. 265. Л. 53.
29. Книга о наличном имуществе типографий, литографий и других подобных заведений // ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 1. Д. 233.
30. Каткова С.П. Договор с С.А. Петровским на передачу ему типографского имущества // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 56. Ед. хр. 16.
31. Гранки с правкой М.Н. Каткова // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 55. Ед. хр. 24.
32. Любимов Н.А. Михаил Никифорович Катков. По личным воспоминаниям // Русский вестник. 1888. Кн. 1.
33. В.П. Мещерский. Воспоминания. М. : Захаров, 2001. 687 с.
34. Мельников П.И. Письма М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. Январь 1858 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 41. Ед. хр. 2.
35. Уманец С.И. Мозаика // Исторический вестник. 1912. Кн. 12.
36. Материалы, касающиеся издания «Московских ведомостей» // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 55. Ед. хр. 16.
37. Письмо наборщика А. Тюкина // Московские ведомости. 25.08.1887. № 233.
38. Лесков Н.С. Письмо А.С. Суворину. 22 апреля 1888 г. // Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 11 т. М. : ГИХЛ, 1956. Т. 11. 862 с.

“IT WAS A HUMANE AND CARING OWNER OF A PRINTING HOUSE...”: MIKHAIL KATKOV AS A PUBLISHER

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2018, 16, pp. 119–147
DOI: 10.17223/23062061/16/8

Elena V. Perevalova, Moscow State University of Printing Arts of Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenpv@yandex.ru

Keywords: M.N. Katkov, publisher, printing house, printing equipment, *Moskovskie vedomosti*, *Russkiy vestnik*.

In the article, the contribution of Mikhail Katkov, one of the most famous journalists and publicists of the 1860s–1880s, the editor-publisher of the *Russkiy vestnik*

(1856–1887) magazine and the *Moskovskie vedomosti* newspaper (1863–1887), to the development of the professional typographical business in Russia and book publishing is analysed. The poorly studied documents of Moscow Imperial University and the *Moskovskie vedomosti* editorial office, the previously unpublished letters of M.N. Katkov, P.M. Leontyev, V.V. Ganke, O.M. Bodyansky, the memoirs of B.N. Chicherin, A.I. Georgievsky, N.A. Lyubimov, V.P. Meshchersky, S. Umants and other materials are used.

Выявлено, что финансовая зависимость от Московского университета лишала редактора возможности внести существенные улучшения в технологические процессы производства газеты, вследствие чего качество ее полиграфического исполнения оставалось невысоким.

The first experience of Katkov's publishing activities in 1851–1855 is investigated. At the time he was the editor of the Moscow University newspaper *Moskovskie vedomosti*, whose circulation, thanks to Katkov's initiative and enterprise, doubled. It is revealed that the financial dependence on Moscow University deprived the editor of an opportunity to bring significant improvements in the technological processes of newspaper production, which left its printing quality low.

In 1856 Katkov acquired the right to publish the *Russkiy vestnik* magazine and founded his own printing house, equipping it with modern printing machines and inviting qualified printers and typesetters from the Czech Republic, which allowed to accelerate the typographical processes and to considerably improve the printing quality of the magazine and other printed materials the printing house produced: scientific works, works of art, guidebooks, etc.

In 1863 Katkov became a tenant of *Moskovskie vedomosti* and the university printing house, which gave him an opportunity to make any changes and improvements. With him the newspaper acquired a big format and quickly turned into one of the most readable and authoritative social and political editions not only in Moscow, but also in Russia. Katkov quickly modernised the printing house, whose equipment was outdated and needed serious re-equipment; he managed to organise typographical production, the most modern for his time, with the latest printing equipment and highly skilled employees. It allowed to reduce significantly the printing time of *Moskovskie vedomosti* which began to successfully compete with the largest capital newspapers in the efficiency of release and delivery to readers. Besides the periodical press, the printing house released a significant amount of high-quality art and scientific literature, journalistic collections for educational and ideological rather than commercial purposes.

Katkov proved to be a talented organiser of the publishing process and typographical production in Russian journalism. He made an essential contribution to the correct and professional establishment of publishing in Russia.

References

1. Katkov, M.N. (1897) Pis'mo k A.V. Nikitenko. 3 iyunya 1854 g. [A letter to A.V. Nikitenko. June 3, 1854]. *Russkaya starina*. 11–12.

2. Katkov, M. (1862) Ob izdanii "Moskovskikh vedomostey" v 1863 g. [About "Moskovskie vedomosti" in 1863]. *Moskovskie vedomosti*. 25th October.
3. Anon. (1853) Ot redaktsii "Moskovskikh vedomostey" [About "Moskovskie vedomosti" Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 31st December.
4. Perevalova, E.V. (2010) *Zhurnal M.N. Katkova "Russkiy vestnik" v pervye gody izdaniya (1856–1862 gg.)* [The first years of M.N. Katkov's magazine "Russkiy vestnik" (1856–1862)]. Moscow: Moscow State University of Printing Arts.
5. Aksakov, S.T. (1994) *Pis'ma k rodnym* [Letters to the Family]. Moscow: Nauka.
6. Katkov, M.N. (1888) Pis'mo A.N. Popovu. 5 marta 1856 g. [Letter to A.N. Popov. March 5, 1856]. *Russkiy arkhiv*. 2.
7. Chernyshevskiy, N.G. (1939–1953) *Polnoe sobranie sochineniy: V 15 t.* [Complete Works: In 15 vols]. Vol. 14. Moscow: Goslitizdat.
8. Anon. (1859) *Sovremennaya letopis'* [Modern chronicle]. *Russkiy vestnik*. 1.
9. Chicherin, B.N. (1856) O sel'skoy obshchine v Rossii [On the rural community in Russia]. *Russkiy vestnik*. 1. pp. 373–396.
10. Chicherin, B.N. (1997) *Vospominaniya. Moskva sorokovykh godov* [Memories. Moscow of the Forties]. Moscow: Moscow State University.
11. Anon. (n.d.) *Bilety na pai "Tipografiya, litografiya i slovolitnyia Katkova i Ko"* [Tickets for shares "Typography, Lithography and Typefoundry by "Katkov and Co."]. The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 120. Book 56. File 31.
12. N.K. (1869) *Peterburgskie vesti* [Petersburg News]. *Moskovskie vedomosti*. 6th June.
13. Leontiev, P.M. (1859) *Pis'mo M.N. Katkovu. 7 iyunya 1859 g.* [Letter to M.N. Katkov. June 7, 1859]. The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 120. Book 6. File 10.
14. Katkov, M.N. (1859) *Pis'mo V.V. Ganke. Frantsensbad. 1859 g.* [Letter to V.V. Ganke. Frantsensbad. 1859]. The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 120. Book 49. File 9.
15. Turgenev, I.S. (1960–1968) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 28 t.* [Complete Works and Letters: In 28 vols]. Vol. 14. Moscow; Leningrad: USSR AS.
16. Ganka, V.V. (1859) *Pis'ma M.N. Katkovu. Praga. 31 iyulya 1859 g.* [Letters to M.N. Katkov. Prague. July 31, 1859]. The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 120. Book 21.
17. Anon. (n.d.) *Delo ob ustroystve Universitetskoy tipografii i redaktsii "Moskovskikh vedomostey"* [Case of the organisation of the University printing and the editorial office of the "Moskovskie vedomosti"]. Moscow Central State Archive. Fund 418. List 31. File 74.
18. Bodyanskiy, O.M. (1862) *Pis'mo M.P. Pogodinu. 28 avgusta 1862 g.* [Letter of M.P. Pogodin. August 28, 1862]. The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 231/2. Book 5. File 62.
19. Perevalova, E.V. (2014) M.N. Katkov and P.M. Leontyev as "Moskovskie Vedomosti" Leasers. *Zhurnalist. Sotsial'nye kommunikatsii*. 3. pp. 115–130. (In Russian).

20. Anon. (1870) *Pravlenie Imperatorskogo Moskovskogo universiteta – v Moskovskiy tsenzurnyy komitet. 20 maya 1870 g.* [The Board of the Imperial University of Moscow to the Moscow Censorship Committee. May 20, 1870]. Moscow Central State Archive. Fund 31. List 5. File 549.
21. Anon. (1875) *Kontrakt M.N. Katkova s Moskovskim universitetom na arendnoe sodержanie tipografii Moskovskogo universiteta. 1875* [The contract between M.N. Katkov and Moscow University for the lease of the Moscow University typography. 1875]. The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 120. Book 56. File 11.
22. Zimenko, A.V. (1883) Iz zapisok [From notes]. *Russkiy arkhiv*. 1.
23. Anon. (1863) Ot redaktsii [Editorial]. *Sovremennaya letopis'*. 1.
24. Georgievsky, A.I. (1989) Iz vospominaniy A.I. Georgievskogo [From A.I. Georgievsky's memoirs]. In: Makashin, S.A., Pigarev, K.V. & Dinesman, T.G. (eds) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 97. Moscow: Nauka.
25. Anon. (1877) *Delo Pravleniya imperatorskogo universiteta Ob otdache v arendu Universitetskoy tipografii i izdaniya "Moskovskikh vedomostey". 30 iyunya 1862 g. – 20 iyunya 1877 g.* [Case of the Board of the Imperial University On the leasing of the University typography and edition "Moskovskie vedomosti". June 30, 1862 – June 20, 1877]. Moscow Central State Archive. Fund 418. List 193. File 39. pp. 154–161.
26. Anon. (1881a) *Peredovaya stat'ya* [Leading Article]. *Moskovskie vedomosti*. 21st April.
27. Anon. (1881b) *Peredovaya stat'ya* [Leading Article]. *Moskovskie vedomosti*. 1st March.
28. Anon. (n.d.) *Opis' imushchestva tipo- i litografii v Moskve* [Inventory of the property of typo-lithography in Moscow]. Moscow Central State Archive. Fund 212. List 1. File 265.
29. Anon. (n.d.) *Kniga o nalichnom imushchestve tipografii, litografii i drugikh podobnykh zavedeniy* [Register of the assets of printing houses, lithographs and other similar institutions]. Moscow Central State Archive. Fund 31. List 1. File 233.
30. Katkova, S.P. (n.d.) *Dogovor s S.A. Petrovskim na peredachu emu tipografskogo imushchestva* [The contract with S.A. Petrovsky for the transfer of printing property]. The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 120. Book 56. File 16.
31. Anon. (n.d.) *Granki s pravkoy M.N. Katkova* [Galley proofs with editing by M.N. Katkov]. The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 120. Book 55. File 24.
32. Lyubimov, N.A. (1888) Mikhail Nikiforovich Katkov. Po lichnym vospominaniyam [Mikhail Nikiforovich Katkov. By personal memories]. *Russkiy vestnik*. 1.
33. Meshcherskiy, V.P. (2001) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Zakharov.
34. Melnikov, P.I. (1858) *Pis'ma M.N. Katkovu. Sankt-Peterburg. Yanvar' 1858 g.* [Letters to M.N. Katkov. St. Petersburg. January 1858]. The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 120. Book 41. File 2.
35. Umanets, S.I. (1912) *Mozaika* [Mosaic]. *Istoricheskiy vestnik*. 12.

36. Anon. (n.d.) *Materialy, kasayushchiesya izdaniya "Moskovskikh vedomostey"* [Materials relating to "Moskovskie vedomosti"]. The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 120. Book 55. File 16.

37. Anon. (1887) Pis'mo naborshchika A. Tyukina [A letter from the compositor A. Tyukin]. *Moskovskie vedomosti*. 25th August.

38. Leskov, N.S. (1956) *Sobranie sochineniy v 11 t.* [collected works: In 11 vols]. Vol. 11. Moscow: GIKhL.

И.А. Куликов

ОБОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ АППАРАТА НЕЧЁТКОЙ ЛОГИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ

Аннотация. В статье обосновывается возможность применения аппарата нечёткой логики к системе электронной книги, рассматриваются математические методы, использование которых позволяет определить отношение электронных информационных объектов к книге. Обосновывается выбор алгоритма Мамдани для достижения целей исследования. Рассматриваются основные составляющие данного алгоритма.

Ключевые слова: электронная книга, нечёткая логика, документологический подход, типологические свойства книги, лингвистическая переменная, системы нечёткого вывода, алгоритм Мамдани, фаззификация, дефаззификация.

Постоянное развитие информационных технологий и широкое распространение интернет-сервисов, а также мобильных приложений для чтения книг стали основными причинами смещения книжной отрасли в сторону электронной среды. По прогнозам компании «ЛитРес», в 2017 г. ёмкость рынка реализации электронных книг в России возрастет до 4 млрд руб., легальный электронный контент предположительно составит 5–7%, и его рост будет продолжаться. Эксперты полагают, что при самом консервативном сценарии к 2020 г. объём продаж электронных книг составит более 7 млрд руб. [1, 2].

Эти процессы повлекли за собой серьёзные преобразования не только на книжном рынке, но и в системе самой книги, что привело к возникновению ряда теоретических и практических проблем, которые в современном книговедении, а также в смежных с ним научных отраслях библиотковедении и библиографоведении – являются актуальными и по настоящее время до конца не решены.

Развитие информационных технологий позволило:

1) объединить в одном информационном объекте несколько знаковых систем и создать мультимедийный книжный продукт;

2) изменить способ общения между автором и читателем, что привело к возможности их совместного творчества в процессе создания книги;

3) создать в электронной среде предпосылки для реализации в книге нового уровня интерактивности;

4) вносить изменения в структуру книги без её переиздания и т.д. [3].

В результате появились электронные информационные объекты, в которых не реализуется одна из главных сущностных характеристик книги, отмеченная в книговедческих исследованиях, – стабильность знаковой и содержательной составляющих. К таким изданиям можно отнести, например, базы данных, электронные газеты и журналы, энциклопедии, учебные пособия, созданные на основе сайтов и др.

Кроме того, распространение интернет-сервисов привело к появлению электронных книг, не прошедших редакционно-издательскую обработку, но опубликованных в электронной среде, что обострило проблему соотношения понятий «книга» – «издание» прежде всего по отношению к электронной продукции. В связи с этим возник вопрос о месте подобных объектов в документивной системе.

Возрастающий объём электронных объектов коммуникации требует определения условий их идентификации, учёта, хранения, а также обеспечения доступа пользователей к их содержанию. Особенно важной в этом контексте является проблема применения авторского права к электронной книге, которая определяется книгоиздателями как остроактуальная.

Ответы на эти вопросы могут быть связаны со стандартизацией понятия «электронная книга», что позволило бы приблизиться к решению практических проблем в библиотечной и библиографической деятельности, но термин «электронная книга», в отличие от понятия «электронный документ», пока не стандартизирован. В ходе прошедшего 14 марта 2017 г. круглого стола «Электронный обязательный экземпляр. Как это работает на практике?» ведущими книгоиздателями страны, представителями Книжной палаты была принята резолюция, в положениях которой предлагается:

1) актуализировать терминологию таких понятий, как «документ» и «издание»; новые формулировки этих понятий должны включать в себя «электронные документы» и «электронные издания» во всех существующих и перспективных форматах;

2) зафиксировать определения новых терминов, связанных с описанием аудиовизуальных, видео- и мультимедийных изданий, кроссплатформенных информационных систем [4].

Однако сложность идентификации относительно постоянно расширяющегося списка электронных книжных объектов заключается в отсутствии критериев отбора, а также в необходимости разграничения понятий «книга» и «не-книга».

Попытка преодоления этих проблем была сделана в работах Е.В. Динер, которая провела исследование теоретико-методологических аспектов электронной книги. На основе применения документологического подхода автор доказал, что книгу в целом необходимо рассматривать как тип документа, а электронную книгу – как тип электронного документа [5].

Обосновывая такой подход, Е.В. Динер обращается к теории нечёткой логики, применение которой позволяет рассмотреть книгу как нечёткое множество объектов, объединённых некоторыми отличительными признаками [4]. На основе этого автор выявляет типологические свойства книги в целом, производит анализ электронной книги и уточняет её определение.

Применение аппарата нечёткой логики к книге можно считать вполне обоснованным. Его использование в гуманитарных системах можно встретить, например в трудах М.И. Вершинина, М.С. Чвановой [6, 7]. Но подтверждение положений, выдвинутых в отношении книги, в работах Е.В. Динер производится с опорой на теоретические аспекты нечёткой логики [8–10], в то время как для характеристики электронных объектов в системе книжной коммуникации только теоретических методов недостаточно. Требуется алгоритм, позволяющий перейти от нечёткости к конкретным значениям. Иными словами, для решения этой проблемы необходимо применить математический аппарат нечёткой логики и системы нечёткого вывода. Этот вопрос в научных трудах, по-

свящённых сущностным характеристикам книги, пока не нашёл освещения.

В основе применения математических методов нечёткой логики к системе книги находится понятие нечёткого подмножества [11]. Данное подмножество отличается от чёткого тем, что для его элементов нет однозначного ответа относительно какого-либо свойства. В связи с этим нечёткое подмножество A универсального множества E определяется как множество упорядоченной пары $A = \{mA(x)/x\}$, где $mA(x)$ – характеристическая функция принадлежности (или просто функция принадлежности), принимающая значение в некотором упорядоченном множестве M (например, $M = [0,1]$) [12].

Функция принадлежности указывает степень (или уровень) принадлежности элемента x к подмножеству A . Множество M называют множеством принадлежностей. Если $M = \{0,1\}$, тогда нечёткое подмножество A может рассматриваться как обычное, или чёткое, множество.

Например, опишем множество молодых людей. Формально его можно записать так:

$$B = \{\text{множество молодых людей}\}$$

Поскольку возраст начинается с 0, то нижняя граница этого множества должна быть нулем. Верхнюю границу определить сложнее. Предположим, что она может быть равна 20 годам. Таким образом, имеем B как чётко ограниченный интервал, буквально: $B = [0,20]$. Однако возникает вопрос: почему кто-то в свой двадцатилетний юбилей – молодой, а сразу на следующий день уже не молодой? Очевидно, это структурная проблема, и если передвинуть верхнюю границу в другую точку, то можно задать такой же вопрос.

Более естественный путь создания множества B состоит в ослаблении строгого деления на молодых и немолодых. Сделаем это, вынося не только чёткие суждения «Да, он принадлежит множеству молодых людей» или «Нет, он не принадлежит множеству молодых людей», но и гибкие формулировки «Да, он принадлежит к довольно молодым людям» или «Нет, он не очень молодой» [13].

Рассмотрим как с помощью нечёткого множества определить выражение «Он ещё молодой».

В первом примере были кодированы все элементы множества с помощью 0 и 1. Простым способом обобщения данной концепции является введение значений между 0 и 1. Реально можно допустить бесконечное число значений между 0 и 1, в единичном интервале $I = [0, 1]$.

Интерпретация чисел при соотношении всех элементов множества становится теперь сложнее. Конечно, число 1 соответствует элементу, принадлежащему множеству B , а 0 означает, что элемент точно не принадлежит множеству B . Все другие значения определяют степень принадлежности объектов к множеству B .

Для наглядности приведем характеристическую функцию множества молодых людей (рис. 1).

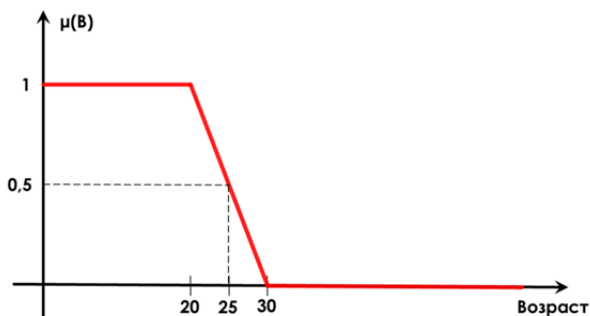

Рис. 1

Рассмотрим дополнительные определения, которые потребуются нам для дальнейших рассуждений.

Лингвистическая переменная есть кортеж $\langle \beta, T, X, G, M \rangle$, где: β – имя лингвистической переменной; T – множество её значений (термов); X – универсум нечётких переменных; G – синтаксическая процедура образования новых термов; M – семантическая процедура, формирующая нечёткие множества для каждого термина данной лингвистической переменной [14].

Нечётким будем называть высказывание вида « β IS α », где β – лингвистическая переменная; α – один из термов этой переменной.

Правило нечётких продукций – это классическое правило вида «ЕСЛИ... ТО...», где в качестве условий и заключений будут использоваться нечёткие высказывания [14]. Записываются такие правила в следующем виде:

IF (β_1 IS α_1) AND (β_2 IS α_2) THEN (β_3 IS α_3).

Для того чтобы однозначно определить, является ли тот или иной электронный объект книгой, недостаточно лишь описания данных понятий. Потребуется алгоритм, позволяющий осуществить переход от нечёткости к конкретным значениям.

На сегодняшний день существует несколько таких алгоритмов. Все они действуют по принципу, показанному на рис. 2.

Рис. 2

Наиболее распространенными среди них являются алгоритмы Мамдани и Сугено. Для достижения целей исследования был выбран алгоритм Мамдани [15]: в отличие от алгоритма Сугено, который позволяет представлять выходные переменные только в числовом виде [16], он даёт возможность задать требуемую зависимость на языке, близком к естественному [17].

Сущность алгоритма Мамдани в том, что он описывает несколько последовательно выполняющихся этапов, при этом на каждом последующем используются значения, полученные на предыдущем.

С целью применения этого алгоритма к системе книги необходимо более подробно рассмотреть его этапы [14].

1. Формирование базы правил. База правил – это множество, где каждому подзаключению сопоставлен определенный весовой коэффициент. Она может иметь следующий вид (для примера используются правила различных конструкций):

RULE_1: IF «Condition_1» THEN «Conclusion_1» (F_1) AND «Conclusion_2» (F_2);

RULE_2: IF «Condition_2» AND «Condition_3» THEN «Conclusion_3» (F_3);

...

RULE_n: IF «Condition_k» THEN «Conclusion_(q-1)» (F_{q-1}) AND «Conclusion_q» (F_q);

Где F_i – весовые коэффициенты, означающие степень уверенности в истинности получаемого подзаключения ($i = 1..q$). По умолчанию весовой коэффициент принимается равным 1. Лингвистические переменные, присутствующие в условиях называются *входными*, а в заключениях *выходными*.

Обозначения:

n – число правил нечётких продукций;

m – количество входных переменных;

s – количество выходных переменных;

k – общее число подусловий в базе правил;

q – общее число подзаключений в базе правил.

Изучение теоретических аспектов применения аппарата нечёткой логики к системе книги позволило предположить, что с целью формирования базы правил можно использовать основные существенные свойства книги как типа документа, определенные в диссертационном исследовании Е.В. Динер. К ним относятся: 1) объективированность содержания книги в (на) любом материальном носителе, выбор которого определяется её целевым назначением и читательским адресом; 2) способность книги быть, с одной стороны, продуктом духовной деятельности, с другой – хранилищем духовных и культурных ценностей; 3) социальная значимость книги, степень которой определяется её функциональным аспектом; 4) способность книги быть материальным объектом хранения, выдачи, распространения и др., имеющим финансовое выражение; 5) как правило, семиотический характер книги, поскольку её содержание может быть представлено с помощью искусственно созданных знаков, основу которых составляют знаки-символы; 6) наличие организованной структуры и инфраструктуры, характер

которых, а также закономерности их взаимосвязи напрямую зависят от социального назначения и читательского адреса книги; 7) существование книги во времени и пространстве в качестве опубликованного и поименованного документа, который может быть обнародован в виде авторского произведения и/или издания [9]. Наличие этих свойств у электронного информационного объекта свидетельствует о том, что его следует относить к системе книги. После формирования базы правил переходим к этапу фазификации.

2. Фазификация входных переменных. Этот этап часто называют приведением к нечёткости. На вход поступают сформированная база правил и массив входных данных $A = \{a_1, \dots, a_m\}$. В нашем случае таким массивом будет совокупность отдельных электронных объектов, которые могут принадлежать к нечёткому множеству «книга» или не принадлежат ему.

Целью этого этапа является получение значений истинности для всех подусловий из базы правил. В этом случае для каждого из подусловий необходимо найти значение $b_i = \mu(a_i)$. В результате получим множество значений b_i , ($i = 1..k$). На выходе из этого этапа мы получим множество значений истинности, соответствующих разным типологическим свойствам для каждого электронного объекта.

3. Агрегирование подусловий. Как уже упоминалось выше, условие правила может быть составным, т.е. включать подусловия, связанные между собой при помощи логической операции «AND». Целью этого этапа является определение степени истинности условий для каждого правила системы нечёткого вывода. Иными словами, для каждого условия находим минимальное значение истинности всех его подусловий. Формально это выглядит так:

$$c_j = \min\{b_i\},$$

где $j = 1..n$, а i – число из множества номеров подусловий, в которых участвует j -я входная переменная.

4. Активизация подзаключений. На этом этапе происходит переход от условий к подзаключениям. Для каждого подзаключения находится степень истинности $d_i = c_i * F_i$, где $i = 1..q$. Затем

каждому i -му подзаклучению сопоставляется нечёткое множество D_i с новой функцией принадлежности. Её значение определяется как минимум из d_i и значения функции принадлежности терма из подзаклучения. Этот метод называется min-активизацией, который формально записывается следующим образом:

$$\mu_i(x) = \min \{d_i, \mu_i(x)\},$$

где $\mu_i'(x)$ – «активизированная» функция принадлежности; $\mu_i(x)$ – функция принадлежности терма; d_i – степень истинности i -го подзаклучения.

Цель этого этапа – получение совокупности «активизированных» нечётких множеств D_i для каждого из подзаклучений в базе правил ($i = 1..q$).

5. Аккумуляция заключений. На этом этапе следует получить нечёткое множество (или их объединение) для каждой из выходных переменных. Это выполняется следующим образом: i -й выходной переменной сопоставляется объединение множеств.

$$E_i = \cup D_j.$$

Здесь j – номера подзаклучений, в которых участвует i -я выходная переменная ($i = 1..s$). Объединением двух нечётких множеств является третье нечёткое множество со следующей функцией принадлежности:

$$\mu_i'(x) = \max \{\mu_1(x), \mu_2(x)\},$$

где $\mu_1(x)$, $\mu_2(x)$ – функции принадлежности объединяемых множеств.

В итоге получаем нечёткое множество, соответствующее одному из изучаемых книжных объектов, и выделяем для него функцию принадлежности.

6. Дефазификация выходных переменных. Цель дефазификации – получить количественное значение (crisp value) для каждой из выходных лингвистических переменных. Формально это происходит следующим образом. Рассматриваются i -я выходная переменная и относящееся к ней множество E_i ($i = 1..s$). Затем при помощи метода дефазификации находится итоговое количественное значение выходной переменной. В данной реализации алго-

ритма используется метод центра тяжести, в котором значение i -й выходной переменной рассчитывается по формуле

$$y_i = \frac{\int_{Min}^{Max} x \cdot \mu_i(x) dx}{\int_{Min}^{Max} \mu_i(x) dx}$$

где $\mu_i(x)$ – функция принадлежности соответствующего нечёткого множества E_i ; Min и Max – границы универсума нечётких переменных; y_i – результат дефаззификации.

В результате мы сможем определить степень принадлежности изучаемого книжного объекта к системе книги.

Таким образом, используя инструментарий нечёткой логики применительно к электронным книжным объектам, можно установить границы нечёткого множества «электронная книга», что позволит уточнить свойства объектов, подпадающих под данное понятие, и выработать специфические для него инструменты атрибуции.

Литература

1. Харитонов В. Электронное книгоиздание в России (2016). Итоги пятилетки URL: <http://www.digital-books.ru/archives/4251> (дата обращения: 29.01.2017).
2. Ленский Б.В., Воропаев А.Н., Соловьёва Е.В., Зорина С.Ю., Столяров А.А., Казакова О.М. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад. М. : Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2017. 98 с.
3. Динер Е.В. Опыт классификации объектов, входящих в систему электронной книги // Библиосфера. 2016. № 1. С. 19–25.
4. Ногина Е.Б., Груздев И.А., Чеченев К.В., Вислый А.И., Степашин С.В. Тезисы резолюции круглого стола «Электронный обязательный экземпляр. Как это работает на практике?» // Университетская книга. 2017. № 4. С. 20–21.
5. Столяров Ю.Н. Документология : учеб. пособие. Орёл : Горизонт, 2013. 370 с.
6. Вершинин М.И., Вершинина Л.П. Применение нечеткой логики в гуманитарных исследованиях // Библиосфера. 2007. № 4. С. 43–47.
7. Чванова М.С., Киселева И.А., Молчанов А.А. Проблемы использования экспертных систем в образовании // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 3. С. 39–47.

8. Динер Е.В. Книга как тип документа: к постановке проблемы // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. Т. 7. С. 6.
9. Динер Е.В. Теоретико-методологические подходы к обоснованию электронной книги как книговедческой категории : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2016. 451 с.
10. Динер Е.В. Концептуальные решения проблемы определения электронной книги // Научные и технические библиотеки. 2016. № 2. С. 70–82.
11. Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / под ред. Н.Н. Моисеева, С.А. Орловского. М. : Мир, 1976. 167 с.
12. Пивкин В.Я., Бакулин Е.П., Кореньков Д.И. Нечеткие множества в системах управления : метод. пособие. Новосибирск : НГУ, 1997. 38 с.
13. Бауэр П. Введение в нечеткую логику и системы нечеткого управления. URL: <http://www.gotai.net/documents/doc-l-fl-001.aspx> (дата обращения: 03.05.2017).
14. Леоненков А.В. Нечеткое моделирование в среде MATLAB и fuzzyTECH. СПб. : БХВ Петербург, 2005. 736 с.
15. Mamdani E.H. An experiment in linguistic synthesis with a fuzzy logic controller // International Journal of Man-Machine Studies. 1975. Vol. 7. P. 1–13.
16. Минько Э.В., Завьялов О.А., Минько А.Э. Оценка эффективности коммерческих проектов. Стандарт третьего поколения : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2014. 368 с.
17. Rogozin O.V. Формирование наборов тестов в scom-системах на основе нейро-нечетких моделей // Образовательные технологии. 2017. № 2. С. 94–103.

SUBSTANTIATION OF THE POSSIBILITY OF USING THE FUZZY LOGIC APPARATUS IN THE RESEARCH OF THE ELECTRONIC BOOK SYSTEM

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2018, 16, pp. 148–160

DOI: 10.17223/23062061/16/9

Ilya A. Kulikov, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: ilyamobi@gmail.com

Keywords: electronic book, fuzzy logic, documentological approach, typological properties of book, linguistic variable, fuzzy inference system, Mamdani algorithm, fuzzification, defuzzification.

The article substantiates the possibility of using the fuzzy logic apparatus to the electronic book system, considers mathematical methods, the use of which allows one to determine the relation of electronic information objects to the book. The choice of the Mamdani algorithm for achieving the research objectives is substantiated. The main components of this algorithm are considered.

References

1. Kharitonov, V. (n.d.) *Elektronnoe knigoizdanie v Rossii (2016). Itogi pyatiletki* [Electronic book publishing in Russia (2016). Results of the Five-Year Plan]. [Online] Available from: <http://www.digital-books.ru/archives/4251>. (Accessed: 29th January 2017).
2. Lenskiy, B.V. Voropaev, A.N., Soloveva, E.V., Zorina, S.Yu., Stolyarov, A.A. & Kazakova, O.M. (2017) *Knizhnyy rynek Rossii. Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya: otraslevoy doklad* [The Book Market of Russia. State, Trends and Prospects for Development: Industry Report]. Moscow: Federal Agency on the Press and Mass Communications.
3. Diner, E.V. (2016) The experience of classifying objects entering the e-book system. *Bibliosfera - Biblosphere*. 1. pp. 19–25. (In Russian). DOI: 10.20913/1815-3186-2016-1-19-25
4. Nogina, E.B., Gruzdev, I.A., Chechenev, K.V., Vislyy, A.I. & Stepashin, S.V. (2017) Tezisy rezolyutsii kruglogo stola “Elektronnyy obyazatel’nyy ekzemplyar. Kak eto rabotaet na praktike?” [Theses of the resolution of the Round Table “Electronic compulsory copy. How does this work in practice?”]. *Universitetskaya kniga*. 4. pp. 20–21.
5. Stolyarov, Yu.N. (2013) *Dokumentologiya* [Documentology]. Orel: Gorizont.
6. Vershinin, M.I. & Vershinina, L.P. (2007) Primenenie nechetkoy logiki v gumanitarnykh issledovaniyakh [Fuzzy logic in humanitarian research]. *Bibliosfera - Biblosphere*. 4. pp. 43–47.
7. Chvanova, M.S., Kiseleva, I.A. & Molchanov, A.A. (2013) Problemy ispol’zovaniya ekspertnykh sistem v obrazovanii [Problems of using expert systems in education]. *Vestnik TGU – Tambov University Review. Series Humanities*. 3. pp. 39–47.
8. Diner, E.V. (2015) Kniga kak tip dokumenta: k postanovke problemy [The book as a type of document: to the statement of the problem]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 7. pp. 6.
9. Diner, E.V. (2016) *Teoretiko-metodologicheskie podkhody k obosnovaniyu elektronnoy knigi kak knigovedcheskoy kategorii* [Theoretical and methodological approaches to the substantiation of an electronic book as a bibliographic category]. Pedagog Dr. Diss. Moscow.
10. Diner, E.V. (2016) Conceptual solution for digital book definition. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki – Scientific and Technical Libraries*. 2. pp. 70–82. (In Russian).
11. Zadeh, L. (1976) *Ponyatie lingvisticheskoy peremennoy i ego primenenie k prinyatiyu priblizhennykh resheniy* [The concept of a linguistic variable and its application to the adoption of approximate solutions]. Translated from English. Moscow: MIR.
12. Pivkin, V.Ya., Bakulin, E.P. & Korenkov, D.I. (1997) *Nechetkie mnozhestva v sistemakh upravleniya* [Fuzzy sets in control systems]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
13. Bauer, P. (n.d.) *Vvedenie v nechetkuyu logiku i sistemy nechetkogo upravleniya* [Introduction to fuzzy logic and fuzzy control systems]. [Online] Available from: <http://www.gotai.net/documents/doc-l-fl-001.aspx>. (Accessed: 3rd May 2017).

-
14. Leonenkov, A.V. (2005) *Nechetkoe modelirovanie v srede MATLAB i fuzzyTECH* [Fuzzy modeling in the environment of MATLAB and fuzzyTECH]. St. Petersburg: BKhV Peterburg.
15. Mamdani, E.H. (1975) An experiment in linguistic synthesis with a fuzzy logic controller. *International Journal of Man-Machine Studies*. 7. pp. 1–13. DOI: 10.1016/S0020-7373(75)80002-2
16. Minko, E.V., Zavyalov, O.A. & Minko, A.E. (2014) *Otsenka effektivnosti kommercheskikh projektov. Standart tret'ego pokoleniya* [Evaluation of the effectiveness of commercial projects. The third generation standard]. St. Petersburg: Piter.
17. Rogozin, O.V. (2017) Formirovanie naborov testov v scorm-sistemakh na osnove neyro-nechetkikh modeley [Formation of test sets in scorm-systems based on neural-fuzzy models]. *Obrazovatel'nye tekhnologii*. 2. pp. 94–103.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Волошина Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: vsv1304@yandex.ru

Горбовская Светлана Глебовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: vard_05@mail.ru

Динер Елена Васильевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций Вятского государственного университета.

E-mail: sautinalina@yandex.ru

Жилякова Наталья Вениаминовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: retama@ya.ru

Карташова Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-хранительского отдела Томского областного краеведческого музея имени Михаила Бонифатьевича Шатилова.

E-mail: kartashova67@yandex.ru

Куликов Илья Александрович – главный специалист отдела дистанционного образования Вятского государственного университета, аспирант кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций Вятского государственного университета.

E-mail: ilyamobi@gmail.com

Мосунова Людмила Александровна – доктор психологических наук, профессор кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций Вятского государственного университета.

E-mail: lmosunova@hotmail.com

Нисова Мария Викторовна – аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: newspaper_2401@mail.ru

Отургашева Наталья Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений и международного сотрудничества Сибирского института управления РАНХиГС при Президенте РФ.

E-mail: vialuna@list.ru

Перевалова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета.

E-mail: helenpv@yandex.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) её краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 25]. При повторном обращении к одному и тому же источнику в пределах страницы ссылка оформляется следующим образом: [Там же. С. 100] – если источник на русском языке, или [Ibid. P./S. 100] – если на английском/немецком. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесён с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:

- английский вариант инициалов и фамилии автора;
- перевод названия своей организации;
- перевод названия статьи (например: Ideological context of "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812");

– автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

– перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

– фамилия, имя, отчество (полностью);

– учёная степень, учёное звание;

– должность и место работы / учёбы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

– Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);

– специальность (название и номер по классификации ВАК);

– телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет учёной степени).

Всего оформляется и подаётся три электронных и бумажных документа:

1) текст статьи с аннотацией на русском языке;

2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение её в Интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне*.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала <http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение её состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

* По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

2018. № 16

Редактор Ю.П. Готфрид
Корректор Н.А. Афанасьева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр

Подписано в печать 07.06.2018 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Печ. л. 8,7; усл. печ. л. 8,1.

Тираж 50 экз. Заказ № 3195. Цена свободная

Дата выхода в свет 15.06.2018 г.

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru